

Мульти-
троль,

Людвиг
Четырнадцатый

и
совсем другие

Издательство

„Детская
литература“

Путта Карлссон Первая
и единственная,
Людвиг Четырнадцатый и др.

хитрая сказка,
написанная шведским писателем

ЯНОМ ЭКХОЛЬМОМ

Люди и разбойники
из Кардамона

весёлая история,
выдуманная норвежским поэтом

ТУРБЬЁРНОМ ЭГНЕРОМ

Шляпа Волшебника

Повесть финской сказочницы

ТУВЕ ЯНССОН,

написавшей также

„Муми-троль и комета“
и много других книг.

Муми —
троль ;

Людвиг
Четырнадцатый

и
совсем другие.

•
Три сказки
•

Москва

„Детская литература“

1976

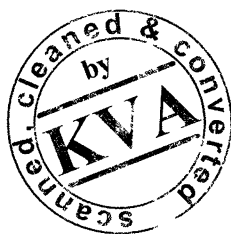
Jan Ekholm
HURRA FÖR LUDVIG LURIFAX!
Stockholm, 1965

Thorbjørn Egner
FOLK OG RØVERE I KARDEMOMME BY
Oslo, 1955

Tove Jansson
TROLLKARLENS HATT
Stockholm, 1949

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ

Оформление Б. Диодорова

Перевод на русский язык, оформление и рисунки к сказке Яна Экхольма «Тутта Карлссон Первая и единственная, Людвиг Четырнадцатый и др.» и к сказке Турбьёрна Эгнера «Люди и разбойники из Кардамона».

М 70802—247 63Р - 76
М101(03)76

©Издательство «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1974 г.

Ан Экхольм

Путта Карлссон
Первая
и единственная,

Людвиг
Четырнадцатый
и др.

Со шведского пересказали
Е. Трищенко и А. Максимова

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Ты знаешь Ларссонов? Нет, не тех Ларссонов, что иногда заходят в гости к Пёрссонам.

Я говорю о хитрых Ларссонах. А если я ещё добавлю, что эти хитрые Ларссоны живут в норе, то ты сразу догадаешься, что я хочу тебе рассказать о самой большой и самой хитрой во всём лесу семье.

Ты, конечно, очень часто ходил над их норой, но даже и не подозревал, что она так близко, под самыми твоими ногами. Ну, вспомни каменистый холмик в лесу, там, где растёт высокий колючий кустарник, где весной раньше всего тает снег и где солнце теплее всего припекает летом!

Вот там, глубоко в земле, папа Ларссон и устроил себе уютную квартиру. Если бы тебе удалось заглянуть туда, ты увидел бы просторную кухню. У одной стены стоит большой деревянный ящик — это буфет, где Ларссоны хранят свою лисью еду. Сюда же мама Ларссон складывает пустые консервные банки, которые невоспитанные люди разбрасывают по лесу. Лисы используют эти банки вместо тарелок и кастрюль. Из тарелок, как ты понимаешь, они едят, а в кастрюлях варят рассыпчатую картошку и молочные каши. Посреди кухни стоит стол, его смастерил папа Ларссон

из дубового пня, к которым приколотил дощечки от ящика. Мама Ларссон обила их берёзовой корой, и теперь стол покрыт модной скатертью.

Гостиная, где семья обычно собирается по вечерам, почти такая же большая, как кухня. А рядом с гостиной — детская, с кроватками, усталыми еловыми ветками. В них очень тепло и уютно спать.

В этот дом ведут три входа: один — из большого дупла, другой — из-под заросшего мхом камня, а третий — потайной. О нём знает лишь папа Ларссон. Он строго хранит эту тайну и откроет её лишь в том случае, если семья окажется в опасности.

Может, тебе кажется, что эта нора слишком просторна? Но она должна быть такой, ведь лисья семья очень большая. Первым, конечно, надо назвать папу Ларссона, известного плута, который всегда выходит, как говорится, сухим из воды. Сейчас он уже стар и надеется, что дети его скоро подрастут и станут такими плутами, что смогут сами прокормиться.

Потом надо назвать маму Ларссон. Её не часто встретишь в лесу, потому что она должна сидеть дома и создавать уют.

А на это уходит очень много сил и времени, ведь детей у неё — четырнадцать, и у всех хороший аппетит. Самый старший и самый сильный — Лабан. Совсем недавно он закончил лисью школу. Там он был таким способным учеником, что учителя надеялись: он станет таким же хитрым, как сам папа Ларссон.

Его братишек и сестрёнок зовут — Леопольд, Ла́ге, Лас́се-младший и Лассе-старший, Лённард, Лео, Лукас, Ла́ура, Линнеа, Луиза, Лидия и Лотенн. Все они ещё ходят в школу и получают пятёрки по плутовству и лисьим уловкам.

Пока я назвал тебе только тринадцать лисят, но есть еще и Людвиг Четырнадцатый. Он совсем маленький рыжий клубочек с беленькой точечкой на самом кончике хвоста. В школу он ещё не ходит.

Но не думай, что Людвиг Четырнадцатый царственно изнежен. Он дёргает своих братьев и сестёр за хвосты, и тогда все кувыркаются, кусаются, борются, спорят, ругаются и кричат так громко, что мама Ларссон уверяет, что над их порой дрожит весь лес.

Но если лисята любят покувыркаться, то папа Ларссон больше любит посидеть и порассказать о своих приключениях: о том, как он обманывал охотничьих собак и даже самих охотников, как он подбирался к жилищам людей и воровал у них прямо из-под носа, и о том, какой он хитрый и какой он умный и как он будет счастлив, если его дети хоть чуть-чуть будут похожи на него.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Охотнее всего папа Ларссон рассказывает о своих встречах с Максимилианом — собакой из дома, что у самой опушки.

— Он почти такой же плут, как и я, — любит говорить папа Ларссон. — Интересно, кто из вас обманет его первым.

— Я самый хитрый! — кричит всегда Лабан.

— Нет, я, — пищат Леопольд, Лаге, Лассе-старший и Лассе-младший, а за ними и все остальные, тыча носами друг друга в бока.

Как-то вечером громче всех крикнул Людвиг Четырнадцатый:

— А всё равно я первый обману Максимилиана!

Все дружно и громко рассмеялись, что даже начали икать.

Но прошло время, и однажды в нору Ларссонов пришло горе. Папа Ларссон уселся в кресло, переделанное из детской коляски. Он так задумался, что даже не заметил, как мама Ларссон вошла с большой чашкой утешительного черничного сока.

— Ах-ах-ах, — стонал папа Ларссон. — Мне трудно смотреть кому-либо в глаза.

— Ох-ох-ох, — вторила ему мама Ларссон. — Что подумают наши родственники!

— Бедный, бедный наш старый дедушка, — вздыхал папа Ларссон. — Самый мудрый и самый правдивый во всём лисьем роду, и вдруг у него такой правнук.

— Нет, он не переживёт этого, — вздыхала мама Ларссон, смахивая хвостом слезинки.

Как ты думаешь, что же произошло?

Может быть, кто-нибудь из семьи попал в беду?

Да, у папы и мамы Ларссонов случилось несчастье.

У них оказался сын, который не хотел быть хитрым!

Надо же, он не хотел учиться обманывать других и не считал папу героем. И у кого бы вы думали зародились такие вредные мысли? Представьте себе, у Людвига Четырнадцатого.

— Только не кори его, — всхлипывала мама Ларссон.

— Ах-ах-ах, — простонал папа ещё раз. — Уж я поговорю с ним.

Папа поднялся с кресла и подошёл к кусочку берёсты, что висела на стене. А на этом кусочке было написано клюквенным соком:

**ДА ЗДРАВСТВУЕТ ХИТРОСТЬ!
УРА ЛАРССОНАМ!**

Людвиг Четырнадцатый крадучись вошёл в гостиную.

— Ты хотел поговорить со мной, папа? — спросил он.

— Мой дорогой, любимый сыночек... — От неожиданности папа Ларссон начал издали. — Ты ещё не умеешь читать, но, может быть, ты уже знаешь, что написано на этой табличке.

Людвиг Четырнадцатый помотал хвостиком.

— Это девиз нашей семьи. С незапамятных времён, — гордо сказал папа Ларссон.

— Ты что думаешь, я дурак? — спросил Людвиг Четырнадцатый, смешно повертев головкой. — Всё это я знаю. Но я знаю ещё больше: обманывать других плохо.

Папа Ларссон почесал себя за ухом.

— С кем ты связался? — спросил он. — С каким хулиганьём?

— Это не хулиганьё, — ответил Людвиг Четырнадцатый. — Это мои лучшие друзья — зайчата Юкке-Юу и Туффа-Ту. У них есть книжки. У них дома есть книжки, где можно прочесть, что все должны быть добры друг к другу.

Папа Ларссон долго чесал себя за другим ухом. Наконец он промямлил:

— Конечно, все должны быть добры к другим. Но это и значит, что мы должны их обманывать. У зайцев должна быть ещё одна книжка, где так и написано.

— Меня это не интересует, — дерзко ответил Людвиг Четырнадцатый. — Я не хочу быть хитрым, не хочу обманывать и не хочу врать. Я хочу быть хорошим.

— А есть ты хочешь? Каждый день? — вкрадчиво спросил папа Ларссон. — А чтобы есть, нужно быть плутом.

— Я куплю еду в магазине, — возразил Людвиг Четырнадцатый.

— А где ты уворуешь деньги? Лучшая еда добывается честно. Во дворах у людей, — назидательно сказал папа Ларссон. — А можешь ты пробраться туда без хитрости?

— Тогда я не буду есть.

Папа Ларссон вздохнул, замахнулся лапой, но передумал.

— Марин в детскую и сейчас жё ложись спать! — процедил он сквозь оскаленные зубы. — Он безнадёжен, — запричитал папа Ларссон, обращаясь к маме Ларссон, которая стояла на кухне и облизывала языком тарелки после обеда. — Только представить себе: лис не хочет быть хитрым и не хочет обманывать!

— Всё изменится, когда он подрастёт, — сказала мама Ларссон.

Папа Ларссон вытащил из нагрудного кармашка своей шубы маленькие часики.

— Он не подрастёт. Я вижу, что скоро осень. Если Людвиг Четырнадцатый не будет хитрым, он не подрастёт. Он не сумеет добывать себе еду. Что же нам делать с ним?

— Мне кажется, что он играет не с теми детьми, — ответила мама Ларссон. — Его друзья отвратительно хорошие. Ты слышал, что он говорил про этих зайчат? Они не научат его добру.

Папа Ларссон даже выскочил из кресла.

— Ты права! — воскликнул он. — С этой минуты Людвигу запрещается выходить без спросу.

— Но не может же он расти совсем один, — возразила мама Ларссон.

— У него много братьев и сестёр, — стоял на своём папа Ларссон.

— Которые ходят в школу, — робко напомнила мама Ларссон.

— Но один-то уже закончил школу. И этот один может научить его такому, чего даже мы не знаем.

Он распахнул дверь в детскую:

— Лабан! Сюда!

Старший лисёнок крадучись подошёл к родителям. Он уже раздался в плечах и научился по-взрослому щурить глазки.

— Мне нужна твоя помощь, — сказал ему папа Ларссон. — Ты успешно сдал экзамены в лисьей школе. И почти уже совершеннолетний.

Лабан скорчил рожицу, оскалив ряд острых зубов:

— Ты ведь знаешь, как меня называет вся лесная малышня.

Этого папа Ларссон не знал.

— Хитрый Лабан, — продолжал лисёнок. — Все боятся меня и знают, что на целую милю в округе я хитрее всех.

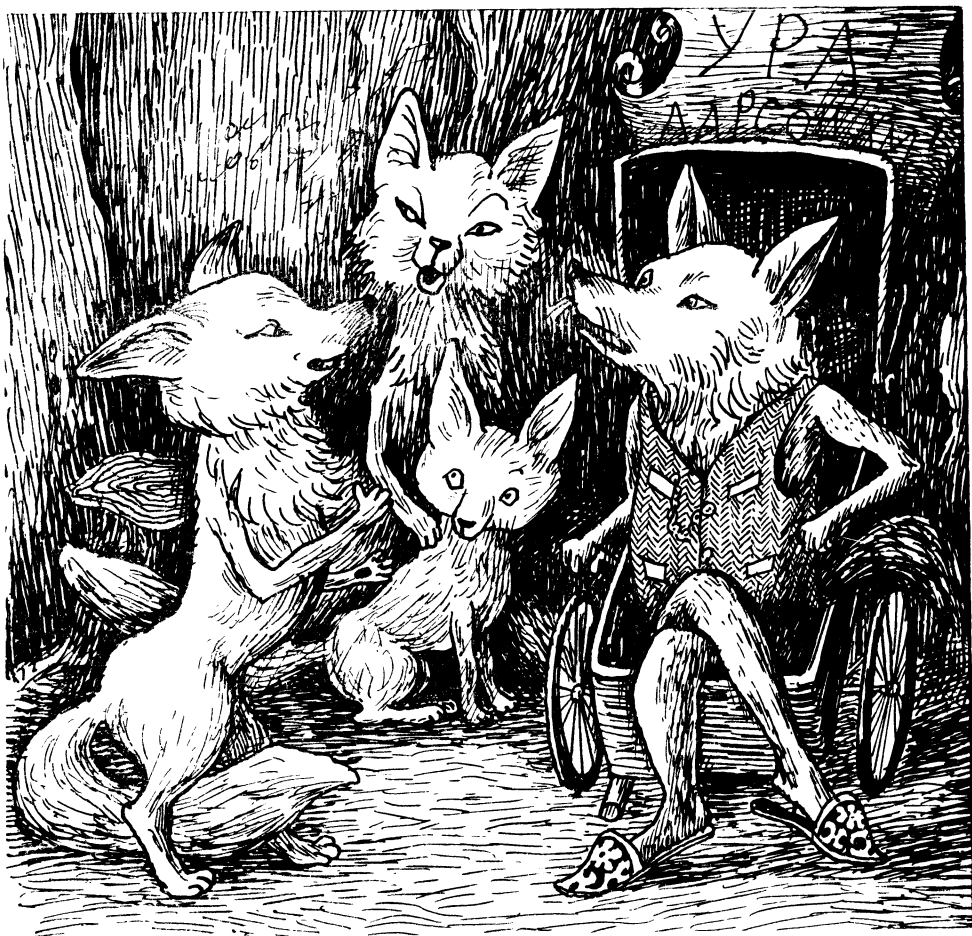
— Ты гордость нашей семьи. — Папа Ларссон похлопал сына по плечу. — А теперь вся твоя учёность должна пойти нам на пользу. Ты должен позаботиться о Людвиге Четырнадцатом. И заставить его думать не так преступно, как он это делает. Ты ведь, наверное, слышал, как он заявил, что не хочет быть хитрым. Отщепенец!

Лабан кивнул.

— Выходит, мне придётся играть с самым маленьким? — обиделся он. — Не хочу!

— А чтобы у тебя был брат, за которого стыдно, ты хочешь? — строго спросил папа Ларссон.

Лабан покачал головой.

— Лис просто обязан обманывать, только тогда он может называться лисом, — продолжал папа торжественно. — В нашей семье всегда были и есть только настоящие лисы. Ты помнишь, что написано на этой табличке?

— Да здравствует хитрость! Ура Ларссонам! — закричал Лабан.

— Вот, мой мальчик, — просиял папа Ларссон. — Ты сделаешь Людвиг Четырнадцатого настоящим плутом.

Лабан от удовольствия потянулся.

— Обещаю сделать всё, что смогу, — сказал он. — Я с охотой займусь и другими братьями и сёстрами. Я хитрее всех на милю вокруг...

— Не очень важничай, — прервал его папа Ларссон. — Пока ещё самый хитрый в этой семье я. Я сам намерен обучить Людвига Четырнадцатого всем нашим приёмам. Ты же должен лишь проследить, чтоб он не играл с Юкке-Юу, Туффе-Ту и другими уличными мальчишками, которые учат его глупостям.

— Да, папа, — покорно ответил Лабан. — С завтрашнего утра Людвиг Четырнадцатый будет играть только со мной.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

На следующий день рано утром Лабан разбудил своего маленького братца, Людвига Четырнадцатого.

— Поднимайся, — прошипел он кисло. — Ты и я, мы с тобой будем играть.

Людвиг Четырнадцатый протёр глаза.

— Я не хочу играть с тобой. — И он зевнул. — Все мои друзья считают, что ты настоящий плут.

Лабан расплылся в улыбке.

— Приятно слышать. Ну, поднимайся!

— Я сказал, не хочу, — заупрямился Людвиг Четырнадцатый и принялся облизывать свою рыжую шубку. — Юкке-Юу, Туффе-Ту и я, мы собирались сегодня играть. В прятки.

— Ты больше не должен встречаться с этими уличными зайчишками! — озлился Лабан. — Это папа решил, что ты больше не будешь играть с ними. Вместо этого я буду учить тебя уму-разуму.

— Пожалуйста, ты можешь учить меня и уму и разуму. Но ты не научишь меня, как обманывать других.

— Посмотрим, — пробурчал Лабан. — Пойдём.

И лисята вышмыгнули из норы.

— Вот это гриб, — заявил Лабан, — показывая правой передней лапой на большую красивую шляпку.

— Грипп? Меня не обманешь, — рассмеялся Людвиг Четырнадцатый. — Ты хочешь сказать, что если её съесть, эту шляпку, то можно заболеть этим... гриппом? А почему же тогда белочки их сушат?..

— Ты глупее, чем я думал, — прервал его Лабан. — Я не имел в виду

никакой болезни. Это гриб. Не грипп, а гриб, понимаешь? Да, многому тебя придётся учить.

Лисята крадучись пробежали по всем лесным тропинкам. Лабан учил Людвига Четырнадцатого, как называются деревья, кустарники, ягоды, грибы и цветы. Учил и многому другому.

К вечеру Лабан спросил Людвига:

— Может, ещё что-нибудь хочешь узнать? А то побежим домой. У меня совсем пересохло в горле да и живот пуст.

— Я хочу ещё посмотреть, как живут люди, — сказал Людвиг Четырнадцатый.

— Этого нельзя! — Лабан замахал передними лапками. — Это очень опасно.

— Ты что, боишься?

— Я? Я самый храбрый на милю вокруг.

И они побежали. Остановились они только у глубокой канавы, что возле самого леса. И вдруг они увидели плетёную ограду.

— А вот это называется забор, — тихонечко прошептал Лабан. — То, что ты видишь по другую сторону его, называется поле, там растёт овёс. Из него мама делает нам кашу.

— Я бы хотел посмотреть на поле, где мама берёт крупу, чтобы делать нам рисовую кашу, — также шёпотом ответил Людвиг Четырнадцатый. — Рисовая каша лучше овсяной.

— Каша! Дурак! — зарычал Лабан. — Посмотри-ка вот сюда, между прутьями. Видишь, вон там, на другой стороне поля, коробку с окнами? Это нора для людей. Называется — дом. А около него коробки без окон, это дома для коров и лошадей. А в самом главном маленьком домике живут куры, цыплята и яйца.

Лабан облизал губы.

Людвиг Четырнадцатый смотрел не мигая, и его глаза делались всё круглее.

— А где живёт тот ужасный Максимилиан, о котором папа всегда рассказывает? — прошептал он.

— Точно не знаю. Но буду первым из папиных детей, кто обманет это кривоногое страшилище.

— А может, я обману его раньше тебя! — похвастался Людвиг Четырнадцатый.

Лабан громко рассмеялся:

— Ты-то! Ты же не хочешь быть хитрым! Я покажу тебе, как это

делается. Я обману первого, кто встретится нам на пути домой. Хочешь пари?

— Не-е-т, — протянул Людвиг Четырнадцатый.

— А я всё-таки обману кого-нибудь, — настаивал Лабан. — Просто, чтобы доказать тебе, какой я хитрый.

По тропинке возле самой норы Ларссонов бежали зайчишки Юкке-Юу и Туфффе-Ту. Они хотели припустить наутёк, увидя, что их друг Людвиг Четырнадцатый идёт не один, но было слишком поздно. Людвиг Четырнадцатый окликнул их:

— Где вы были?

— В киоске, и купили медовых пряников, — ответил Туфффе-Ту и показал кулёк.

— О-о-о-о!.. — застонал вдруг Лабан. — О-о-о-о, бедное моё горлышко!

— У тебя что, горло болит? — дружелюбно спросил Юкке-Юу.

— Спрашиваешь, — опять застонал Лабан. — О-о-о-о! Людвиг и я как раз идём от доктора Совы. И она сказала мне, что я очень болен. Есть только одно лекарство, которое может мне помочь.

— А какое? — поинтересовался Туфффе-Ту.

— Медовые пряники, — вздохнул Лабан. — Лечебный мёд, лечебный мёд, он нежен, сладок и приятен.

— Значит, вы тоже идёте покупать медовые пряники? — спросил Юкке-Юу.

Лабан притворился, что плачет.

— Я не могу купить медовых пряников. Деньги, которые мне папа дал на неделю, кончились. А больше у папы не выпросишь, и придётся мне всю жизнь ходить с больным горлом.

Зайчата долго смотрели на Лабана.

— Это правда? Ты не обманываешь? — спросил Юкке-Юу.

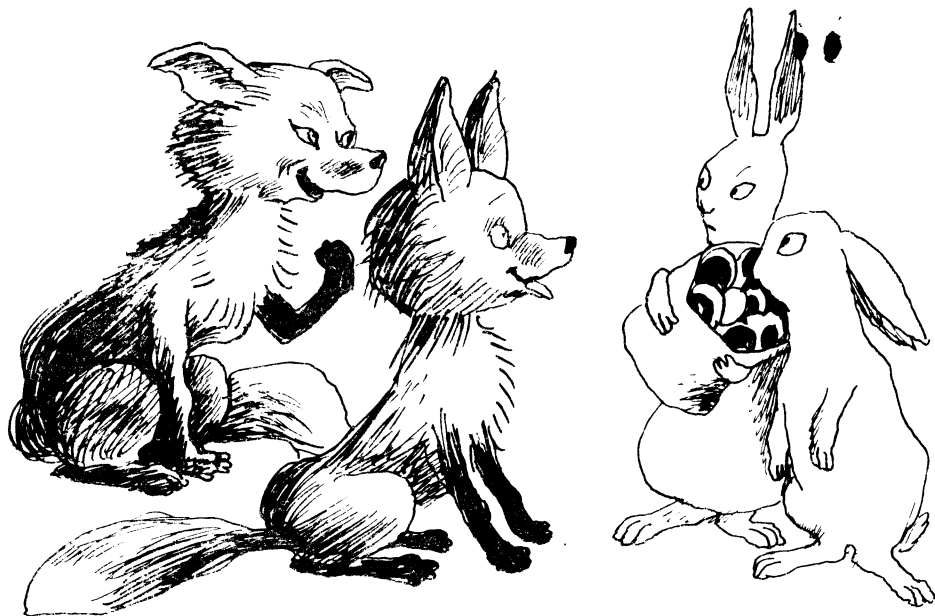
— Охота мне обманывать вас, лучших друзей Людвига Четырнадцатого. Скажи, Людвиг, разве я обманываю?

Лабан больно ущипнул Людвига Четырнадцатого за кончик хвоста. И вместо «нет» Людвиг закричал «а-а-а».

— Что ты говоришь? — дружно спросили Юкке-Юу и Туфффе-Ту.

— Мой младший братишка хочет сказать «да», но иногда он переставляет буквы в слове, — пояснил Лабан. — Когда он говорит «теп», он имеет в виду «нет», а когда он говорит «ад», он хочет сказать «да».

— Твой брат говорит правду? — спросил Туфффе-Ту у Людвига.

— А-а-а! — вскрикнул Людвиг, когда Лабан снова уцепился за хвост.

— Вот, слышите, он говорит «да». А сам я уже совсем не могу говорить, кхе, кхе... — И он прохрипел: — О-о-о, моё бедное горло!

Зайчата стояли в перенительности, переминаясь с ноги на ногу. Наконец Юкке-Юу сказал:

— Только потому, что ты брат Людвиг Четырнадцатого... Пожалуйста, вот тебе весь кулёк.

У Лабана вдруг прорезался голос:

— Две тысячи спасибо! Три тысячи спасибо! Пять тысяч спасибо! Семь тысяч спасибо! Вы лучшие друзья во всём лесу. Обещаю, что не забуду вас.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Зайцы усаkali, а Лабан стукнул себя в грудь и воскликнул:

— Да здравствует хитрость! Вот как должен поступать лис, если ему хочется медовых пряников! Ну, чем плохо обманывать?

Юкке-Юу и Туффе-Ту не успели ещё отбежать слишком далеко. Они услышали, что сказал Лабан, и тут же возвратились.

— А мы-то думали, — глядя на Людвига, сказал Юкке-Юу.
— Обманщик! — добавил Туфффе-Ту. — Больше мы с тобой не играем.

И они снова исчезли, а Людвиг Четырнадцатый повесил нос.

— Мои лучшие друзья! — упрёкнул он. — И тебе не стыдно?

— Мне никогда не стыдно, — улыбаясь, ответил Лабан. — Глупым зайчатам не пужны медовые пряники. А тебе не нужны зайчата. Разве ты не помнишь, что сказал папа?

Лабан открыл пакетик и сунул в него нос.

— Как пахнут! Ты смотри, а я буду лопать их. Сразу, все-все съем.

— Ну и дурак, — загадочно сказал Людвиг Четырнадцатый.

Лабан было засунул уже лапу в кулёк, но вдруг остановился и удивлённо посмотрел на брата.

— Я — самый хитрый лис на милю вокруг, — напыжился Лабан. И всё-таки поинтересовался: — Почему же я дурак?

— Если бы я был в твоей шкуре, я сохранил бы все пряники, пока мы не вернёмся домой, — ответил Людвиг Четырнадцатый. — Представь себе, как наши братья и сёстры полопаются от зависти, когда ты будешь есть пряники, а им останется только облизываться.

Лабан задумался.

— Иногда ты довольно разумно рассуждаешь, — наконец согласился он. — Когда мы придём домой, я спрячу пакет, а вечером съем пряники при всех.

Лабан спрятал кулёк под своей кроватью. Только Людвиг Четырнадцатый знал — куда.

А когда все лисята начали укладываться спать, Лабан, глядя в потолок, сказал:

— Пожалуй, время полакомиться медовыми пряниками...

— У тебя нет никаких медовых пряников, — рассмеялся Леопольд. — Я ведь хорошо знаю, что ты давным-давно растратил свои деньги.

— У меня нет пряников? У меня целый пакет!

— Не заводи нас, — сказала Лаура. — Я тебе не поверю, пока сама не понюхаю.

Лабан гордо посмотрел на своих сестёр и братьев.

— Думайте что хотите! — облизнулся он. — Пакет, во всяком случае, лежит здесь.

И Лабан нырнул под кровать. Но сколько он ни шарил там, кулька не было.

— Ха-ха-ха, — засмеялись все. — Полакомился!

Когда Лабан наконец вылез, нос его был совсем красным от злости.

— Кто украл мои пряники?! — заорал он. — Ну-ка, откройте свои глотки! Все! От кого пахнет мёдом, тот и вор!

Все лисята разинули рты. Лабан подходил к каждому — к Лепольду, Лаге, Лассе-старшему и Лассе-младшему, Леннард, Лео, Лукасу, Лауре, Линнее, Луизе, Лидии и Лоттен.

Но ни от кого мёдом не пахло!

Остался только Людвиг Четырнадцатый. Лабан остановился перед ним и зашипел:

— Вот кто вор! Ведь только ты видел, где я спрятал пакет!

— Я не ел твоих пряников, — ответил Людвиг Четырнадцатый, прямо глядя в глаза своему старшему брату. — Вот, понюхай!

От Людвига Четырнадцатого тоже не пахло мёдом.

Лабан почесал затылок.

— Я не ел твоих медовых пряников, — ещё раз сказал Людвиг Четырнадцатый, — но я их отдал.

— Отда-а-л?! — взревел Лабан и от злости перекувырнулся в воздухе. — Кому ты отдал мои пряники?

— А пряники совсем не твои, — ответил Людвиг Четырнадцатый. — Ты забрал их у моих друзей.

— Эти глупые бесхвостые зайцы сами отдали мне пакет! — ревел Лабан.

— Ты обманул их, — возразил Людвиг Четырнадцатый. — А так как горло у тебя совсем не болит, Юкке-Юу и Туфффе-Ту получили свой кулёк обратно.

Лабан так и выпучил глаза на своего маленького братца.

— Ты ещё расквесишься, — наконец сказал он, скрежеща когтями по полу поры.

И всем стало ясно, что Лабан ужасно разозлился. Но Людвиг Четырнадцатый совсем не испугался.

Не известно, чем бы всё это кончилось, если бы в это время в спальню не вошёл папа Ларссон. Он стоял за дверью и подслушивал. У лисиц это не считается неприличным.

— Уже поздно, спать всем! — приказал он.

— Папа, папа, Людвиг Четырнадцатый обманул меня! — закричал Лабан. — Он обманул...

— Очень хорошо! — прервал его папа Ларссон. — Мой младшенький обманул самого Лабана, самого хитрого лисёнка в лесу! Недурно!

И тогда Лабану стало стыдно, и, поджав хвост между лапами, он нырнул в свою кровать.

Папа Ларссон долго сидел в кресле, переделанном из детской коляски.

— Во всяком случае, Людвиг не такой уж дурак, — бормотал он. — Но обманывать своих собственных братьев и сестёр ради чужих?..

ГЛАВА ПЯТАЯ

На следующее утро уже Людвиг Четырнадцатый сам будил Лабана.

— Поднимайся, — сказал он, тряся брата. — Ты ещё многому должен научить меня в лесу. Вчера было так интересно.

Но Лабан был совсем не весел. Он ещё не забыл случай с медовыми пряниками.

— Я не хочу с тобой разговаривать. Я не хочу водиться с обманщиками.

— Ты же сам самый великий обманщик на милю вокруг, — возразил Людвиг Четырнадцатый.

— Это совсем другое дело! — взвыл Лабан и перевернулся на другой бок. — Я хочу спать.

Людвиг Четырнадцатый ушёл один.

Он, конечно, помнил, что папа Ларссон запретил ему играть с уличными зайчишками. Но Лабан отказался идти с ним, значит, он может пойти к своим друзьям.

И Людвиг Четырнадцатый направился прямо к Юкке-Юу и Туфффе-Ту. У входа в их нору стояла сама Зайчиха.

— Мои мальчики больше не будут играть с тобой, — сказала она решительно. — Ты и твой брат только обманываете их. Я знаю, как вчера вы забрали у них пакет с медовыми пряниками.

— Разве тётя Зайчиха не знает, что вчера же вечером я вернул кулёк? — возразил Людвиг Четырнадцатый.

— Ничего не знаю и знать не хочу! — сердито ответила Зайчиха и захлопнула дверь перед самым носом Людвиг Четырнадцатого.

Он вздохнул и направился к другому своему другу — к белочке Агне Попрыгунье.

Белочка сидела на ветке и чистила шишки.

— Здравствуй, Агне! — крикнул ей Людвиг Четырнадцатый и завертел хвостиком. — Спускайся вниз, поиграем вместе.

— Мне нельзя играть с тобой, — ответила Агне. — Моя мама слышала от тётки Зайчихи, как ты вчера забрал два мешка медовых пряников у Юкке-Юу и Туфффе-Ту.

— Это неправда! — возразил Людвиг Четырнадцатый. — Был только один кулёк.

— Это всё равно! — И Агне запустила в него шишкой, но промахнулась.

— Это не всё равно! — отскакивая, крикнул Людвиг Четырнадцатый. — Я ведь вернул этот кулёк зайчатам. Я обманул только Лабана.

— Ну и всё равно. Ты обманщик! — И Агне Попрыгунья перепрыгнула на другое дерево.

Людвиг Четырнадцатый чуть не заплакал.

«Пойду-ка я к Ёжику, — подумал он. — Ёжик ещё маленький, но уже мудрый».

Маленький Ёжик жил в старом сарае в глубине леса.

— Алло, Ёжик! — крикнул Людвиг Четырнадцатый, подойдя к полуразвалившейся постройке. — Ты дома?

— Нет, — ответил голос. — То есть я хотел сказать: да, я дома, но меня дома нет.

— Не надо, не шути! Ведь это же я, Людвиг Четырнадцатый, твой друг. Выходи.

— Я не шучу, но я не хочу быть твоим другом, — сказал Ёжик. — Я думал, ты добрый. А теперь я знаю, что ты такой же обманщик, как и другие лисы. Думаешь, я не знаю, что вчера ты отнял три воза медовых пряников у Юкке-Юу и Туфффе-Ту?

— Это неправда... — начал было Людвиг Четырнадцатый. — Всего один кулёк.

— Нет, это правда, — сказал Ёжик. — Моя мама слышала это от мамы Агне Попрыгуньи, которая слышала это от мамы Юкке-Юу и Туфффе-Ту.

Людвиг Четырнадцатый понял, что Ёжик не станет его слушать, и грустно поплёлся дальше.

Теперь у него осталось только два друга: горностаи Оке и Бенгт.

Людвиг Четырнадцатый крикнул в нору:

— Выходите поиграть!

— Могу не, хочу не! — ответил Бенгт

— Не могу, не хочу! — поправил его Оке.

— Нам нельзя! — закричали вместе Оке и Бенгт.

— Почему? — удивился Людвиг Четырнадцатый.

— Наш Ёжик слышал от мамы... — начал Бенгт.

— Наша мама слышала от мамы Ёжика, — поправил его Оке, — которая слышала от мамы Агне Попрыгуньи, которая слышала от мамы Юкке-Юу и Туфффе-Ту, что ты выманил четыре горы медовых пряников у зайчат.

— Один кулёк... — начал было Людвиг Четырнадцатый. — И совсем не я...

— Мы играть тебя с нами не будем, — перебил его Бенгт.

— Мы не будем играть с тобой, — поправил его Оке.

Людвиг Четырнадцатый стёр слезинку кончиком хвостика.

«Ну почему мои друзья такие несправедливые?» — мучительно думал он. Ведь он-то совсем не хотел быть хитрым и обманывать других, наоборот, он хотел быть добрым и помогать всем.

Людвиг Четырнадцатый понял, что слух скоро распространится среди всех лесных зверей. И к вечеру, наверное, уже будут говорить, что он отнял у Юкке-Юу и Туфффе-Ту сто гор медовых пряников.

Людвиг Четырнадцатый растянулся на большом пне и задумался. Папа Ларссон запретил ему играть с другими лесными зверятами. А они-то, между прочим, и сами не хотят играть с ним. Да ещё Лабан на него разолился, уж он, наверное, придумает, как отомстить Людвигу. Нет, не осталось у него друзей. Что же ему делать?

И Людвиг Четырнадцатый нашёл только один выход.

НАДО УБЕЖАТЬ ИЗ ДОМУ.

Людвиг Четырнадцатый спрыгнул с пня и отправился по совсем незнакомым ему тропинкам. Долго бродил он по лесу, прокрадываясь через прогалины, чтобы ни один враг не заметил его. И наконец решил, что далеко ушёл от родной норы.

Наступил вечер. Людвиг Четырнадцатый немножко продрог, хотя на нём была такая тёплая шубка. К тому же он ещё и проголодался. Ведь он ничего не ел с самого утра, только одну ягодку и один корешок.

«Скоро они будут ужинать, — подумал Людвиг Четырнадцатый и почувствовал себя так одиноко. — Интересно, скучают они обо мне?»

Вдруг стало светлее, и лес кончился. Перед ним вырос плетёный забор, за ним раскинулось широкое поле, а за полем светились огоньки.

Людвиг Четырнадцатый осмотрелся вокруг. Донюхал воздух и вскоре сообразил, где находится.

Это было то место, где вчера вместе с Лабаном они лежали и смотрели на дома людей, лошадей, коров, кур, цыплят и яиц.

«Странно, — подумал Людвиг Четырнадцатый и почесал себя за ухом. — Я пробродил целый день, а оказался почти рядом с домом».

Он подумал было, что ему, пожалуй, стоит вернуться домой и съесть приготовленный мамой Ларссон ужин. Но он тут же одумался.

— Я сказал, что должен убежать из дому, значит, и убегу, — пробурчал Людвиг. — Всё было бы хорошо, вот только есть хочется.

Он посмотрел через дырочку в заборе на овсяное поле. Лабан вчера сказал: «Вот из этой травы мама варит овсяную кашу».

Людвиг Четырнадцатый не очень любил овсяную кашу, но чем-то надо было набить живот. Он перепрыгнул через канаву, пролез под плетнём и начал жевать стебли овса. Но они вовсе не папоминали овсяную кашу.

— Дурак этот Лабан, — рассердился он.

Однако он чувствовал, что просто умирает с голоду.

«У людей всегда есть еда», — любил повторять папа Ларссон. Но разве мог Людвиг Четырнадцатый решиться на такое опасное путешествие, ведь он был совсем не хитрый.

— Нет, не так уж я и боюсь, — храбрился он. — Есть-то хочется. Была не была, попробую пробраться к людям.

Среди высоких стеблей овса Людвиг Четырнадцатый чувствовал себя уверенно. Здесь люди не могли заметить его. Но когда поле кончилось, стало страшнее. Людвигу Четырнадцатому пришлось прижиматься к самой земле и ползти между двумя рядами каких-то невысоких растений.

Он понюхал воздух. Пахло чем-то вкусным и сладким. Папа Ларссон любил рассказывать, что люди выращивают сладкие ягоды, которые называются клубникой. И Людвиг Четырнадцатый решил, что он ползёт по клубничному полю.

Он наострил свои длинные ушки. Что-то прозвенело в темноте! И опять стихло. Может, Людвиг Четырнадцатый ошибся? Он поднял голову, чтобы посмотреть, как быстрее подползти ко двору.

И ТОГДА ОН УВИДЕЛ ЧТО-ТО УЖАСНОЕ!

Прямо перед ним стоял кто-то высокий. На нём было длинное пальто, а руки раскинуты в стороны.

Людвиг Четырнадцатый никогда ещё не видел живого человека, только на картинке в книжке у Юкке-Юу и Туффе-Ту.

Может быть, этот высокий на клубничном поле и есть человек?

Людвиг Четырнадцатый боялся даже дышать. Он стоял как вкопанный и смотрел. И чем больше смотрел, тем чуднее казался ему Этот.

Людвиг Четырнадцатый протёр глаза. Нет, он не ошибся. На голове у Этого была большая шляпа, но под ней не было лица с глазами, носом — словом, всем, что полагается.

Вот опять послышались звоночки. Пожалуй, это был не человек, а что-то ещё более ужасное.

«ПРИВИДЕНИЕ!» — мелькнуло в голове Людвиг. И от страха его влажный нос стал совсем горячим. Как же он забыл про осторожность? С быстротой молнии он помчался назад в спасительное овсяное поле, потом один прыжок — и он оказался в канаве за забором.

— По-мо-ги-и-и-те! — закричал кто-то пискливым голосом.

— По-мо-ги-и-и-те! — заскулил Людвиг Четырнадцатый.

Он почувствовал, что лежит на мягком, живом, пищащем маленьком пуховом комочке.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Трудно сказать, кто больше испугался: Людвиг Четырнадцатый или маленький пуховый комочек. Во всяком случае, первым заговорил Людвиг Четырнадцатый.

— Что за манера налетать ни с того ни с сего на невинных зверей?! — начал он. — Собственно говоря, мне стоило бы заявить на тебя в полицию.

— Пин-пин-пинтересно, — пропищал пуховый комочек. — Я совсем не налетала на тебя, потому что я почти не умею летать. А уж если на кого и стоит заявить в полицию, то на тебя. Ведь не я же на тебя упала.

В канаве было темно. Но Людвиг Четырнадцатый напряг зрение и разглядел, что пуховый комочек был куда меньше его самого. И лисёнок расхрабрился.

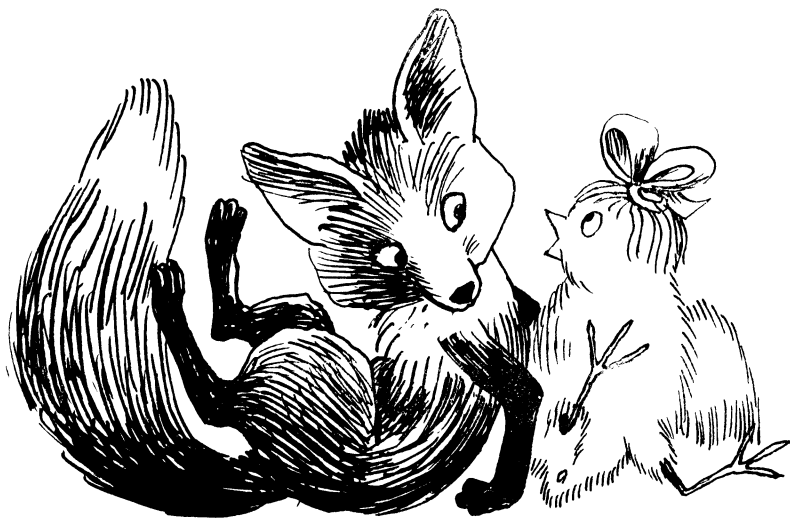
— Что ты делаешь здесь на опушке совсем один и так поздно? — спросил он. — Такие малыши, как ты, должны уже давно спать.

— Я боюсь идь-идь-идти домой, — жалобно пропищал комочек. — Я почувствовала запах лисицы, а страшнее зверя, чем лисица, я не знаю.

Людвиг Четырнадцатый хихикнул.

— Ты никогда не видела лисиц?! — удивился он.

— Никогда, — ответил комочек. — Я знаю только, что у них длинные уши и вместо хвоста маленький шар-ик-ик-ик. И они скачут.

— «Ик-ик»! — передразнил Людвиг Четырнадцатый. — А может, ты смотрела не на те рисунки?

— Ой, какая я глупая, — засмеялся пуховый комочек. — Я всегда повторяю одни и те же ошибки. Ну, ник-ник-никак не могу запомнить разницу между лисицей и зайцем. Значит, тогда лиса — это та, у которой рыжая шубка и большой хвост. Да ещё она ужасно хитрая.

— Вот это точнее, — заметил Людвиг Четырнадцатый.

— А ты что, видел жив-жив-живых лисят? — спросил пуховый комочек.

— Неоднократно, — ответил Людвиг Четырнадцатый.

— И ты ник-ник-никогда их не боялся?

— Нисколько! — гордо сказал Людвиг Четырнадцатый.

— Значит, ты очень храбрый! — воскликнул пуховый комочек. — А как тебя зовут?

— Людвиг Четырнадцатый Ларссон.

— Какое смешное имя, — засмеялся комочек.

— И совсем не смешное, — рассердился Людвиг Четырнадцатый. — Всё очень просто. Наша семья самая большая во всём лесу. И я совершенно случайно оказался четырнадцатым в этой семье.

— У тебя чет-чет-четырнадцать братьев и сестёр? — пропищал комочек. — Есть чем хвастать!

— Только тринадцать, — рассердился Людвиг Четырнадцатый. — Но можно подумать, что у тебя их больше!

— Вряд ли я смогла бы сосчитать их всех, — ответил комочек. — А зовут меня Тутта Карлссон.

В канаве наступила тишина. Оба думали одно и то же: «Кто же сидит напротив меня?»

И снова первым начал спрашивать Людвиг Четырнадцатый:

— Ты птица, не правда ли?

Тутта помотала своей маленькой головкой.

— Но ведь ты же сама сказала, что летаешь не очень хорошо!

Тутта опять помотала головкой.

— Ты живёшь здесь, в лесу?

Тутта покачала головой.

— У людей?

Тутта утвердительно кивнула.

— А какого цвета у тебя шубка?

— У меня нет ни-ни-никакой шубки, у меня пушинки, и они жёлтые, — ответила Тутта Карлссон.

Людвиг Четырнадцатый почесал за ухом совсем как папа Ларссон.

«Жёлтая птичка, которая не умеет хорошо летать и которая живёт у людей, — размышлял он. — Не может быть, чтобы это была...»

— Ты же, конечно, не курица? — спросил он в ужасе.

— Да нет, — пропицала Тутта. — Я ещё не курица. А ты что за птица? Ты живёшь в лесу?

Людвиг Четырнадцатый кивнул.

— Ты ручной?

Людвиг Четырнадцатый фыркнул.

— А какого цвета твои пушинки?

— У меня нет никаких пушинок, у меня шубка, и она рыжая, — ответил Людвиг Четырнадцатый.

— А хвост у тебя есть?

— О-о, да, конечно.

— Пин-пин-пинтересно! Значит, я правильно угадала! — воскликнула Тутта и ближе подошла к Людвигу. — Ты заяц?

— Положим, — возразил Людвиг Четырнадцатый.

Тутта остановилась. «Дикий зверь с рыжей шубкой и большим хвостом. Если это не заяц, то тогда это должен быть...»

Тутта задрожала.

— Тогда, может быть, ты хитрый лис? — заикнулась она. — Нечего сказать, пик-пик-пикантно.

— «Пик-пик-пик»! — сердито передразнил Людвиг Четырнадцатый. — Опять на тебя напала пик-пик-пикота?

Тутта вздохнула с облегчением.

— Вот здорово, — сказала она. — А то я было подумала, что попала в такую ужасную компанию.

Людвиг Четырнадцатый таинственно улыбнулся. Знала бы Тутта Карлссон... И тут у него засосало под ложечкой.

— Я хочу есть, — захныкал он. — Я не ел целый день.

— Бедный Людвиг Четырнадцатый! — воскликнула Тутта Карлссон. — А что ты любишь больше всего?

— Я ем всё, — ответил Людвиг. — Разве ты не слышишь, как у меня бурчит в животе?

— У меня есть предложение, — обрадовалась Тутта Карлссон. — Проводи меня домой. Я ведь очень боюсь ли-ли-лисиц. А там у нас во дворе много всякого съестного.

— А мне можно? — удивился Людвиг Четырнадцатый.

— Конечно же, это совсем не опасно, — заверила Тутта Карлссон. — Сначала пройдем через овсяное поле, потом через клубничную поляну, и мы дома. Ты же бежал той дорогой, когда упал на меня.

Людвиг Четырнадцатый вдруг вспомнил, почему он оказался в канаве.

— Туда я больше не пойду, — заявил он. — Уж лучше умереть с голоду.

— Вот глупый! — засмеялась Тутта Карлссон. — Люди совсем не опасны. Да и Максимилиан тоже. Даже если ты боишься собак.

— Я совсем не боюсь ни людей, ни собак. — Его бросило в дрожь от волнения. — Я боюсь Этого на клубничной поляне. Разве ты не видела там такого огромного, такого ужасного, который вот так расставил руки и страшно звенит? А его лицо без глаз и без носа...

Тутта Карлссон рассмеялась, да так, что все её пушинки заколыхались.

— Нечего пи-пищать, — заикнулся Людвиг Четырнадцатый. — Если бы я не сбежал и не спрятался в канаве, Этот догнал бы меня и съел.

— Пойдем, — сказала Тутта Карлссон и захлопала крылышками. — Обещаю, что Этот не съест тебя.

— Ты с ним знакома, да? — Людвиг Четырнадцатый разинул рот от удивления.

Тутта Карлссон ничего не ответила и засеменила через овсяное поле. Вскоре они оказались на клубничной поляне.

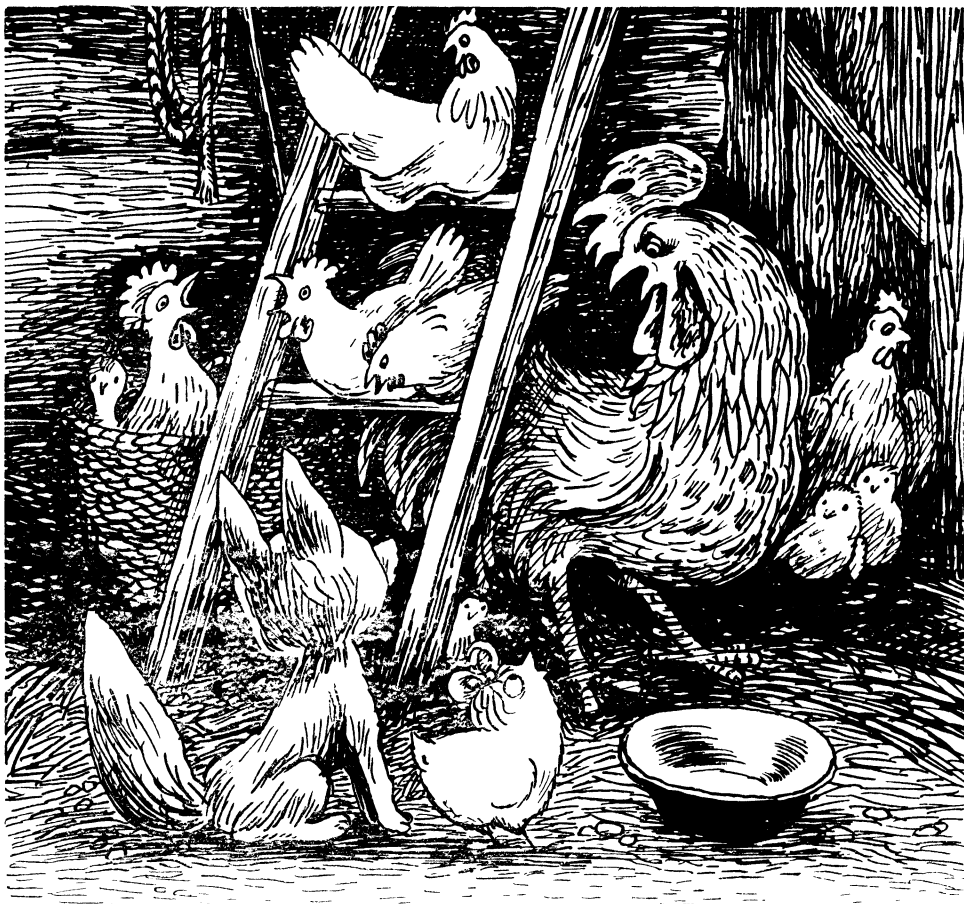
— Остановись, — зашептал Людвиг Четырнадцатый. — Разве ты не видишь? Этот так и стоит на месте. Дальше я не сделаю ни шага.

— Трусишка, — ответила шёпотом Тутта Карлссон. — Я ведь иду первая.

Людвигу Четырнадцатому очень не хотелось показывать, как ему страшно, и он поплёлся за Туттой Карлссон. Но с каждым шагом сердце его стучало всё громче и громче.

И вот они уже стояли под самыми распростёртыми руками.

— Вот твой ужасный Этот, — сказала Тутта Карлссон. — Смотри, он же совсем не движется.

— Да, но на нём шуба и шляпа! Так что же это? Может, это всё же человек? — прошептал Людвиг Четырнадцатый.

— Пин-пин-пинтересно, все лесные звери такие дураки? — поинтересовалась Тутта Карлссон. — Какой же это человек?

Людвиг Четырнадцатый впервые подумал, что, может быть, он действительно глупый.

— Скажешь ты наконец, кто это? — грозно спросил он.

— Пугало!

И Тутта Карлссон начала опять попискивать от смеха.

— А ты и вправду считал, что пугало может в два счёта проглотить тебя, как червяка? — захлёбываясь, верещала она. — Вот расскажу я всем домашним жив-жив-животным и пич-пич-пичугам. Ну и посмеются же они, пик-чик-чик!

— У-у-у, болтушка, пик-чик-чик! — обиделся Людвиг Четырнадцатый. — Откуда я могу знать всё на свете? Люди чего только не напридумывают. Лучше уж достала бы мне поесть, ты же обещала. Ведь я своё обещание исполняю! Ни одна хитрая лиса тебя не тронет.

— Пойдём в домик, там светит лампа, — сказала Тутта Карлссон. — Там наверняка осталось что-нибудь от ужина. И мы устроим пик-пикник.

Людвиг Четырнадцатый даже не успел передразнить. Как только он пролез вслед за Туттой и заморгал, глядя на лампу под потолком, раздался крик.

— По-мо-ги-и-те-е, ли-и-са-а-а! — донеслось из угла.

А потом раздался такой крик, что бедный Людвиг чуть не оглох.

— Куда ты, куда, куда ты! — закудахтало со всех сторон. — По-мо-ги-и-и-те!

И тут Людвиг Четырнадцатый наконец понял, куда он угодил.

КУРЯТНИК!

Он поискал глазами Тутту Карлссон и увидел, что она спряталась за большим ведром.

— Ты соврала мне, — сказал он и зазаикался по-настоящему: — Ты ку-ку-ку-курица!

— Нет, я не ку-ку-курица, я всего лишь цып-цып-цыплёнок, — сказала она. — Это ты обманул меня. Это ты хитрый лис.

— Нет, — возразил Людвиг Четырнадцатый. — Я лис, но я не хитрый.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Вскоре в курятнике снова наступила тишина.

Все с удивлением смотрели на Людвига Четырнадцатого. Не мудрено, ведь цыплята впервые видели живую лису.

— Подумать только, хитрюшка-ворюшка — гость в нашем доме, — кудахтала старая курица Лаура. — А ты действительно уверен, что не хочешь нас съесть? Я хорошо знаю твоего папу, он, право же, очень мил.

— Терпеть не могу курятины. Но я в самом деле голоден. Тутта Карлссон обещала меня накормить чем-нибудь.

— Бедняжка, — закудахтала Лаура. — Конечно же, ты получишь еду. Мне кажется, что вон в той миске есть чем полакомиться.

Второй раз Людвига Четырнадцатого приглашать не пришлось. Он мигом подлетел к миске и начал глотать.

— Это хорошо, что ты так спешишь, — заметила Лаура. — Как только наешься, сейчас же исчезай. Не думаю, чтобы Петрус Певун был в восторге, когда узнает, что у нас в гостях лисёнок.

— Петрус Певун — это наш петух, — пояснила Тутта Карлссон. — Он сейчас во дворе и поёт, но скоро снова вернётся. А до этого ты должен исчезнуть.

Но было слишком поздно!

Через дыру в стене важно вошёл Петрус Певун и взмахнул красивыми разноцветными крыльями.

— Кукареку-у, кукареку-у, уже четверть девятого, — пропел он и, склонив головку, прислушался.

Вдруг он круто повернулся к лисёнку и в ужасе закричал что было мочи:

— Ку-ка-ра-ул! Лис в доме. По-мо-ги-и-те! Максимилиан-ан, сюда! Ку-ка-ра-ул! Спасите женщин и дете-с-ей!

О Максимилиане — псе, почти таком же хитром, как и сам папа Ларссон, Людвиг Четырнадцатый как-то совсем забыл.

— Ку-ка-ра-ул! — подхватил поэтому Людвиг. — По-мо-ги-и-те! Я не хочу, чтобы меня поймал Максимилиан!

Тогда все куры хором начали убеждать Петруса Певуна в том, что Людвиг Четырнадцатый очень милый лисёнок.

И опять начался дикий шум и возня. Петух кукарекал, куры кудахтали, цыплята пищали, а Людвиг Четырнадцатый подвывал.

Никто даже и не заметил, как дверь открылась и в курятник, семена коротенькими ножками, вбежала такса.

Людвиг Четырнадцатый увидел, как остренький носик пса протиснулся между двумя хохлатками.

«Пожалуй, мне пора домой», — подумал он. И быстро проскочил мимо таксы. Но... потом вдруг остановился. Прямо перед ним стояло что-то, чего раньше он никогда не видел.

Это «что-то» напоминало два коричневых ствола, правда значительно более гладких и блестящих, чем стволы обычных деревьев. А когда он поднял взгляд чуть повыше, он увидел ещё что-то коричневое, а ещё выше — что-то зелёное.

Дальше смотреть Людвиг Четырнадцатый не решился. Он и так уже поглядел, кто стоял перед ним:

ЧЕЛОВЕК!

Это был первый человек, которого Людвиг Четырнадцатый увидел. То блестящее, что Людвиг принял за стволы деревьев, было парой начищенных сапог. Коричневыми оказались и брюки. Зелёной — куртка.

— Максимилиан-смотри-живой-лисёнок-в-курятнике! — закричал голос. — Странно-видеть-и-странны-слышать-это-не-правда-ли?

Ты, конечно, думаешь, что маленький Людвиг Четырнадцатый не понимал, что говорил человек. Так или иначе, но он почувствовал, что наступил очень опасный момент.

— Лисёнок-не-должен-сбежать, — сердито заворчал человеческий голос. — За-ним!

Охота началась.

Никогда ещё в своей жизни Людвиг Четырнадцатый не бегал так быстро. Но такса не отставала от него.

Людвиг Четырнадцатый, наверное, сто раз обежал все дома, прятался между кустами, и под колодцем, и за дровами, раз даже залез под корыто, а потом притаился за грядкой. Но такса всё время вынюхивала его по следу.

«Мне нужно найти какое-нибудь потайное местечко, — думал Людвиг. — Ведь скоро у меня уже не будет сил бежать».

Около большого дома, где жил человек, он обнаружил что-то похожее на ящик. Он выпрыгнул туда через круглую дырку и свалился прямо на пол. Ему так надо было отдышаться.

— Здесь уже Максимилиан не найдёт меня, — простонал он. — Я не хочу попадаться в руки людей. Я хочу домой, в лес.

Тайпик оказался хоть куда. Максимилиан носился по двору, и каждый раз, когда он пробежал мимо, Людвиг Четырнадцатый замирал от страха. Но таксе почему-то и в голову не приходило заглянуть в этот ящик с дыркой.

Наконец охота кончилась. Максимилиан перестал лаять. Наступила тишина. Людвиг Четырнадцатый высунул голову и только собрался вылезти, как вдруг услышал шаги. Нырнув обратно, Людвиг стал наблюдать через дырку, как большие сапоги медленно двигались мимо.

— Да-лисёнок-сбежал-хотя-Максимилиан-всё-время-шёл-за-ним-по-пятам, — сказал человеческий голос. — Хитрые-бестии-эти-рыжие-шкуры.

Людвиг Четырнадцатый хотел было сказать, что он совсем не хитрый, но передумал и надулся от гордости. Слышал бы папа Ларссон! Сам человек утверждал, что Людвиг провёл даже его!

— Пошли-в-дом-пить-кофе, — продолжал человеческий голос. — Что-поделаешь. Будем-надеяться-что-в-следующий-раз-Максимилиан-тебе-повезёт-больше.

Людвиг Четырнадцатый облегчённо вздохнул и во второй раз решился выйти из укрытия. И тут он увидел, что кто-то стоит на пути. Это был Максимилиан! Его чёрная шубка встала дыбом. А красный язык свисал изо рта. Людвиг Четырнадцатый ежася и стал маленьким-маленьким.

— Фу, какой ужасный вечер, — простонал Максимилиан. — На этот раз лис сбежал. Но в следующий раз я ему покажу, как пекут пироги.

При этих словах Людвиг Четырнадцатый вспомнил, до чего он голоден.

— А ты умеешь печь пироги? — спросил он не совсем кстати. И тут же прикусил язык.

— Что это за р-раз-разговорчики? — проворчал Максимилиан.

— Добрый вечер, дружище! — ответил Людвиг слабеньким голоском. — Мы уже виделись с тобой сегодня вечером. Меня зовут Людвиг Четырнадцатый Ларссон. Добрый вечер, добрый вечер! Только прости меня, к большому сожалению, я тороплюсь.

Но уйти Людвигу Четырнадцатому не удалось. Максимилиан закрывал грудью выход.

«Сейчас он меня укусит», — подумал Людвиг и зажмурился.

Но ничего такого не случилось. И Людвиг осторожно открыл глаза. Максимилиан совсем не был зол. Наоборот, он лежал и посмеивался своими великолепными зубами.

— Нет, ты самый хитрый и самый храбрый лисёнок из всех, за кем я когда-либо охотился, — сказал он.

Людвиг Четырнадцатый тоже расплылся в улыбке. И зубы у него были ничуть не хуже, чем у Максимилиана. Ну почему нет с ним папы Ларссона?!

— Я избегал весь двор, — продолжал уже серьезно Максимилиан. — А ты вот оказывается где! **В МОЕЙ СОБСТВЕННОЙ КОНУРЕ.**

— В конуре? — смущенно переспросил Людвиг. — Значит, это твой дом?

— Представь себе, никогда бы не подумал, что ты подумаешь, что можно подумать, что можно забраться сюда.

— А я так и подумал, что ты подумаешь, что я не додумаюсь подумать так, — схитрил Людвиг Четырнадцатый. — Вот я и спрятался здесь.

Максимилиан опять рассмеялся.

— Нет, я положительно не могу сердиться на тебя. Скажи, ты, наверное, очень проголодался после такой погони? Разреши предложить тебе косточку!

Дважды таксе предлагать не пришлось. Людвиг Четырнадцатый совсем не насытился пшеном, которым его угощали куры. И поэтому он тут же схватил самую большую кость из миски Максимилиана. Тот тоже принялся за еду.

— Увидел бы нас кто-нибудь, — с удовольствием причмокивая, проворчал Максимилиан. — Собака ест из одной миски с лисом! Это звучит как в сказке. Как, ты сказал, тебя зовут?

— Людвиг Четырнадцатый Ларссон, — ответил Людвиг Четырнадцатый.

— Ларссон? — заинтересовался Максимилиан. — А ты не знаешь, случайно, хитрых Ларссонов из ближайшего леса?

— Это — мы, — скромно ответил Людвиг Четырнадцатый. — Мой папа часто рассказывал нам о тебе, Максимилиан.

— Правда? — Максимилиан засиял от удовольствия. — Да, я имел честь не раз гоняться за ним. Не хвастаясь, я должен тебе сказать, что твой папа почти такой же хитрый, как я. Помню, гром гремит, кусты трещат, а мы бежим, бежим. Как я здорово укусил его тогда за заднюю лапу! В следующий раз ещё веселее будет, так и передай.

Так они сгрызли все кости. Оба почувствовали усталость, и оба с удовольствием растянулись на полу собачьей конуры.

— Ну, а теперь тебе всё-таки пора домой, — заявил Максимилиан и сладко зевнул. — С тобой очень приятно беседовать. Но не думаю, чтобы хозяину понравилось, что я дружу с лисами.

— А мне так далеко идти, — вздохнул Людвиг Четырнадцатый. — И я так устал, так устал. Не знаю даже, найду ли я дорогу домой.

— Это совсем недалеко, — возразил Максимилиан. — Я провожу тебя до изгороди. Мне ведь совсем не вредно прогуляться перед сном.

Пёс и лисёнок прокрались во двор, потом через клубничную поляну, потом через овсяное поле. У самой изгороди Максимилиан остановился.

— Теперь тебе уже совсем недалеко, — сказал он. — Беги вот по этой тропинке всё прямо и прямо.

— Разве ты знаешь, где я живу? — удивился Людвиг Четырнадцатый.

Максимилиан вдруг ошетинился.

— Знаю ли я, где нора хитрых Ларссонов?! Вот что я скажу тебе: дружба дружбой, а служба службой. С этого момента мы больше не друзья. Ещё раз повадишься в курятник, пеняй на себя.

Максимилиан зло залаял, давая Людвигу Четырнадцатому понять, что он всё-таки собака.

Людвиг Четырнадцатый припустил по тропинке. Сперва он думал о Максимилиане, потом стал думать о папе Ларссоне. Так поздно он ещё никогда не возвращался домой.

Когда он осторожно прокрался в нору, папа Ларссон сидел в гостиной в своём кресле, сделанном из детской коляски. Он вытащил часы из нагрудного кармана, посмотрел сначала на них, а потом на лисёнка и сердито спросил:

— Где это ты пропадаешь? Давно пора спать.

— Меня похвалили за то, что я хитрый, — гордо ответил Людвиг Четырнадцатый.

— Приятно слышать, — сказал папа Ларссон. — Мне показалось, что только что неподалёку лаяла собака. Это правда?

— Да, папа, это был Максимилиан.

— Ах, вот как! Значит, это и вправду был мой злейший враг Максимилиан? — И добавил: — Я не раз имел честь гоняться за ним. Не хвастаясь, должен сказать тебе, что он почти такой же хитрый, как я. Помню, гром гремит, кусты трещат, а мы бежим, бежим. Здорово я тогда укусил его за заднюю лапу. В следующий раз ещё веселее будет, пусть он так себе и зарубит на носу.

Людвиг Четырнадцатый улыбнулся. Кто говорит правду, Максимилиан или папа Ларссон?

Но вдруг до папы Ларссона дошло то, что сказал Людвиг Четырнадцатый. И он тут же вскочил с кресла.

— Что ты тут сочиняешь, мой мальчик? — закричал он. — Ты встретился с Максимилианом?

— Это потом, — сказал Людвиг Четырнадцатый. — Он гнался за мной, но не мог догнать, потому что сперва я хорошо поужинал в курятнике. А когда я устал бегать, то залез к нему в конуру, он очень обрадовался и угостил меня косточкой. Мы ели с ним из одной миски. А потом он проводил меня, чтоб я не заблудился. А когда мы расставались, он сказал, что дружба службой, но он мне лучший враг, — выпалил Людвиг Четырнадцатый на одном дыхании.

Папа Ларссон встревоженно подошёл к сыну и погладил его по голове.

— Ты, наверное, слишком долго спал под елью, — сказал он. — Ладно, иди в детскую и продолжай спать.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Утром за завтраком Лабан спросил Людвига Четырнадцатого:

— Где ты вчера болтался?

— Ничего особенного, — нехотя промямлил Людвиг. — Бродил, и вообще...

— Что — вообще?.. — любопытствовал Лабан. — Надеюсь, ты не играл с этими глупыми уличными зайчишками?

Папа Ларссон вмешался:

— Малыш Людвиг играл в прятки с Максимилианом. Надо полагать, ему понравилось.

Вся семья разинула рты.

— С этим ужасным Максимилианом? — закричали все.

Папа Ларссон рассмеялся.

— Успокойтесь, — сказал он. — Хотя Людвиг и не хочет вырасти плутишкой, однако он уже самый настоящий плут. Вы же понимаете, что он, очевидно, просто решил посмеяться над своим старым отцом.

— Ну-ка быстро работайте задними лапками, если не хотите опоздать в школу, — переменяла разговор мама Ларссон.

Двенадцать маленьких лисят выскочили из норы так, словно промелькнула одна ленточка рыжего пламени. Остались только Лабан и Людвиг Четырнадцатый.

— Может, поиграем? — спросил Людвиг Четырнадцатый.

— Ни за что в жизни, — ответил Лабан. — Думаешь, я забыл, как ты надул меня с медовыми пряниками? Я не играю с тем, на кого нельзя положиться.

Людвиг Четырнадцатый побрёл к выходу.

— Но ты, конечно, можешь повторить свой вчерашний опыт и поиграть с Максимилианом.

И когда Людвиг Четырнадцатый был одной ногой по другую сторону норы, до него донёсся ехидный смех Лабана.

Если бы только папа Ларссон, и Лабан, и все остальные знали, что он говорил правду! Но больше с Максимилианом ему поиграть не удастся.

Вдруг Людвиг Четырнадцатый остановился. Да, Максимилиан ему больше не друг, но во дворе человека у него остался другой друг — Тутта Карлссон. О ней-то он после всех вчерашних событий совсем и забыл.

«Пожалуй, пойду опять в курятник, — сказал сам себе Людвиг Четырнадцатый. — Дорогу туда я уже хорошо знаю. Только бы не встретиться с Максимилианом!»

А вообще-то у Людвига Четырнадцатого было отличное настроение.

Лис бежит по тонкой льдинке,
Он и плут и неплут, —

запел Людвиг Четырнадцатый и побежал по лесной дорожке.

Побеждает в поединке
Там и тут, там и тут.

Слова песенки не совсем подходили. Ведь была середина лета, и надо бы петь не «по льдинке», а по «тропинке». Но Людвиг Четырнадцатый, как поэт, был ещё совсем начинающим. Кроме того, он так хотел поскорее увидеть Тутту Карлссон, что ему было совершенно всё равно, что́ петь — лишь бы время скорей бежало.

Выскочив на опушку и увидев знакомое пугало, Людвиг Четырнадцатый подумал, что оно всё-таки очень напоминает человека. Но он знал, что бояться нечего. Людвиг Четырнадцатый продолжал напевать:

Здравствуй, чучело на грядке!
Руки, ноги — в стороны,
Словно делает зарядку,
Берегитесь, вóроны!

На открытом месте он пробирался ползком. Но это не мешало ему петь ещё веселее. Подобравшись к самому пугалу, Людвиг Четырнадцатый уселся на задние лапки, передние развёл в стороны, словно и сам был пугалом, и, покачиваясь, продолжал свою песенку:

Здравствуй, чучело, привет!
Ни зубов, ни глазок нет,
Носа нет и нет лица,
Вот какие чудеса!

До этого он смотрел вниз, словно искал рассыпанные по земле слова. Но когда нашёл, он начал медленно поднимать голову. И — о ужас! — сперва он увидел пару сапог, потом коричневые брюки и зелёную куртку и, наконец, нос, глаза и всё прочее.

Людвиг Четырнадцатый немедленно встал на все четыре лапы, чтобы пуститься наутёк. Но было поздно!

— Ну-и-храбрец-же-ты! — сказал человек.

И Людвиг Четырнадцатый оказался высоко в воздухе. Так высоко он ещё никогда не поднимался, даже когда забирался на покрытый мхом камень, что стоит у их норы. Человек держал его за шкуру. Это было совсем не больно, но очень страшно. Людвиг Четырнадцатый даже взвыл.

— Значит-это-ты-повадился-в-наш-куратник? — спросил человек.

«Ну почему люди не могут научиться говорить как следует? — подумал Людвиг Четырнадцатый. — Какие длинные, странные слова!»

Подумав немного, Людвиг было собрался сказать человеку, что да,

конечно, это именно он навещает их курятник. Но ему было неудобно разговаривать, висая в воздухе. А человек опять заговорил. Он ведь стоял на земле.

— А-ты-мне-нравишься. Такой-милый-шустрый-лисёнок. Наши-де-тишки-с-удовольствием-будут-играть-с-тобой!

Человек взял лисёнка под мышку и пошёл во двор. Там он посадил Людвиг Четырнадцатого в клетку из стальных прутьев.

— Вот-здесь-ты-и-будешь-жить, — сказал человек и защёлкнул замок. — Маллот-и-Петер-сейчас-у-бабушки-в-гостях-но-они-скоро-вернутся.

Людвиг Четырнадцатый надолго задумался: «Что за странные имена у человеческих детей: «Маллотипетер!»

— Максимилиан-поди-сюда! — закричал человеческий голос. — Посмотри-кого-я-поймал! Вчера-он-ускользнул-от-тебя-а-сегодня-я-поймал-его-голыми-руками. Посмотри-какой-хитрый-лисёнок. Вот-будет-хорошая-игрушка-нашим-ребятишкам!

Людвиг Четырнадцатый совсем не обрадовался, услышав в третий раз, что он так хитёр. Ему совсем не хотелось быть игрушкой у человеческих детей. Ему хотелось обратно в лес.

Максимилиан проводил хозяина и возвратился к клетке.

— Доб-ро-рое утро! Не говорил я тебе, чтоб ты держался подальше?

— Доброе утро. А не выпустишь ли ты меня отсюда? — спросил Людвиг Четырнадцатый.

— Дудки, мы больше не друзья, — возразил пёс и оскалил зубы. — Ты плут.

— Только не я, — возразил Людвиг Четырнадцатый. — Я совсем не хитрый.

— А кто прятался в моей конуре? — возмутился Максимилиан. — Ты, пожалуй, похитрее даже своего папочки Ларссона.

Пёс обошёл вокруг клетки и тщательно обнюхал каждый прут.

— Вот теперь посмотрим, сумеешь ли ты спасти свою рыжую шкуру, — продолжал он. — Мне даже незачем охранять тебя. Желаю приятно провести время.

И Людвиг Четырнадцатый остался один. Он тыкался носом, искал лазейку, но вокруг были только прочные стальные прутья. Он попытался разгрызть замок, но тот оказался не по зубам.

— Эх, был бы я хитрым, ну хоть чуть-чуть, — вздохнул Людвиг Четырнадцатый.

Он положил голову на передние лапки и загрустил.

— Пин-пин-пинтересно, что ты делаешь в моей клетке? — вдруг услышал он чей-то голосок.

Это была Тутта Карлссон.

— Доброе утро! — мрачно ответил Людвиг Четырнадцатый. — Наряжаю новогоднюю ёлку!

— Как ты сюда попал? — продолжала Тутта Карлссон, не слушая его. — Замок-то заперт.

— Разве? А я и не заметил, — хорохорился Людвиг Четырнадцатый.

— Ещё и кип-кип-кипятится! — удивилась Тутта Карлссон. — Как же ты оказался таким дураком, что дал себя поймать?

— Ну, перепутал человека с пугалом! — огрызнулся Людвиг Четырнадцатый.

— Ты сказал правду, — промолвила вдруг Тутта Карлссон. — Ты совсем не такой хитрый, как другие лисы. Поверить, что жив-жив-живой человек — пугало!

Людвиг Четырнадцатый заплакал.

— А разве так не бывает?

Послышались шаги, и человек, который поймал Людвига, остановился у клетки.

— Не-бойся-цыплёночек, — засмеялся человек. — Лисёнку-теперь-не-сбежать-из-твоей-клетки. Еду-то-он-получит-но-не-цыпляютину-о-которой-он-мечтал.

Человек поставил в клетку миску с костями и мясом.

— Чего, чего, чего? Что говорит человек? — всполошилась Тутта Карлссон. — Ты пришёл сюда, чтобы пит-пит-питаться цыпятиной?

Людвиг Четырнадцатый глубоко вздохнул.

— Я пришёл, чтобы поиграть с тобой. Но меня поймал человек, чтобы мной играли его дети.

— Бедный Людвиг Четырнадцатый, — защищала Тутта Карлссон. — Значит, это я вин-вин-виновата, что тебя посадили в клетку? Обещаю, что помогу тебе выбраться отсюда. А пока до свидания.

И Тутта Карлссон исчезла. А Людвиг Четырнадцатый остался один во дворе у человека в клетке для цыплят.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Маллот и Петер вернулись от бабушки.

— Какой-миленький! — обрадовалась Маллот и попробовала погладить Людвига Четырнадцатого.

«И совсем я не миленький», — подумал Людвиг Четырнадцатый и схватил её за руку.

— Папа-можно-мы-заберём-его-к-себе-в-детскую-на-ночь? — умолял Петер. — Пусть-он-спит-в-кукольной-коляске!

«Ещё чего не хватало, — подумал Людвиг Четырнадцатый. — Лис — в кукольной коляске!»

На этот раз человек был с ним, очевидно, согласен.

— Лучше-уж-пусть-лисёнок-останется-в-клетке. Лесные-звери-плохо-себя-чувствуют-в-доме-у-людей, — сказал он.

Людвиг Четырнадцатый нашёл это заявление вполне справедливым.

— Нужно-дать-ему-имя, — предложил Петер.

«У меня уже есть одно, но вам его не отгадать», — подумал Людвиг Четырнадцатый.

— Пусть-будет-Микке. Микке-звучит-очень-мило! — предложила Маллот.

Лисёнок вяло улыбнулся: Микке — такое обычное имя. Людвиг Четырнадцатый куда возвышеннее!

— Рыжий-хвост, — сказал человек.

Людвиг Четырнадцатый заворчал. Право же, ему надоели все эти глупости. Его зовут Людвиг Четырнадцатый, и точка.

— Давайте-лучше-к-завтрашнему-утру-придумаем-ему-чудесное-пречудесное-имя! — предложила Маллот.

К завтрашнему утру!

Людвиг Четырнадцатый почувствовал, что нос его снова стал сухим и горячим. Неужели ему придётся скучать в этой проклятой клетке до завтра? Ой, как мама Ларссон будет волноваться! А как папа Ларссон будет сердиться!

— Можно-взять-ошейник-Максимилиана-и-погулять-с-лисёнком? — спросила Маллот.

Людвиг Четырнадцатый сразу же повеселел: во время прогулки, может, ему удастся сбежать в лес?

— Можно, — разрешил человек, — но-будьте-осторожны. — Мне-кажется-что-лисёнок-немного-зол.

Людвиг Четырнадцатый решил притвориться добрым. Он разрешил детям надеть на себя ошейник Максимилиана и послушно поковылял рядом с ними.

Максимилиан лежал в своей конуре и мрачно наблюдал за всем.

— Тебе-завидно-что-мы-другого-зверька-а-не-тебя-ведём - на - прогулку, — поддразнил его Петер.

Пёс в ответ заворчал, потом заскулил.

Людвиг Четырнадцатый дёрнулся было в кусты, но поводок так натянулся, что пришлось перекувырнуться кверху лапками через голову назад. Дети рассмеялись. А ему было совсем не смешно.

Людвиг Четырнадцатый надеялся, что, возвратясь с прогулки, дети забудут запереть замок. Но он ошибся. Замок был заперт с особой тщательностью. Петер даже подёргал его.

— Не-убежишь-от-нас, — сказала Маллот. — Скоро-уже-ночь-и-мы-должны-спать. А-завтра-мы-опять-придём-к-тебе.

«Завтра я буду в лесу», — мысленно возразил ей Людвиг Четырнадцатый. Но как ему удрать обратно в лес, он не знал. Разве что Тутта Карлссон что-нибудь придумает.

После ужина из дому вышла мама Петера и Маллот. В руках она несла миску с едой. Мама говорила медленно и ясно, так что Людвиг Четырнадцатый понимал её довольно сносно, хотя все слова её звучали для него тоже, как одно длинное-длинное слово:

— Пожалуйста-ужин-нашему-новому-гостю-подан, — сказала она. — Дети-очень-просили-чтобы-ты-получил-самые-лучшие - кусочки - те - что-обычно-достаются-Максимилиану.

Мама детей опять ушла в дом, а Людвиг Четырнадцатый почувствовал, что он зверски голоден. Но только он собрался запустить свои острые зубы в кусок вкусно пахнувшего мяса, как услышал знакомый писк.

— Пит-пит-питаешься? — пропищал голос.

Людвиг Четырнадцатый узнал голос Тутты Карлссон.

Тутта осторожно выглянула из-за куста.

— Не ешь эту пи-пи-пищу, — пропищала она.

— Разве она отравлена? — ужаснулся Людвиг Четырнадцатый. — Мне показалось, что она пахнет довольно вкусно.

Тутта Карлссон выпорхнула из своего тайничка.

— Максимилиан зол на тебя, — сказала она. — Дети-ти-ти надевали на те-тебя его ошейник. Ходили с тобой гулять. И что самое худшее — ты получил его самые лучшие куски!

— Ничем не могу ему помочь, — возразил Людвиг Четырнадцатый. — Пусть злится на детей.

— А мне кажется, что те-тебе всё же следует отдать Максимилиану эти-ти куски, — настаивала Тутта Карлссон. — Он такой тип-тип-тип.

Последние слова она пропищала лисёнку прямо в ухо, и тогда он всё понял.

— Ты почти такая же хитрая, как мой папа Ларссон! — похвалил её Людвиг Четырнадцатый. — Даже почти как я!

— Даже хитрее, — засмеялась Тутта Карлссон. — Я же не думаю, что пугало — это человек, а всякий человек обязательно — пугало. — И она опять спряталась в кустах.

Долго ждать не пришлось. Как только начали спускаться сумерки, Максимилиан появился у клетки.

— Пр-р-ивет! Ну как тебе, весело? — проворчал он. — Сегодня ночью я могу спать спокойно. Ты хорошо заперт.

— А разве ты не голоден? — мягким голоском спросил Людвиг Четырнадцатый.

Пёс уставился на лисёнка.

— Ещё спрашиваешь! — сказал он и оскалил свои острые зубки.

— Знаю, знаю, — притворившись совсем грустным, сказал Людвиг Четырнадцатый. — Вот поэтому я и спрятал для тебя эти куски. Посмотри, вот здесь, в миске. О, я не хочу, чтобы кто-то голодал из-за меня!

Максимилиан подошёл к клетке поближе. Смотри-ка, лисёнок сказал правду. В миске лежали лучшие куски мяса. Максимилиан облизнулся.

— Добро пожаловать, — приглашал Людвиг Четырнадцатый. — Входи и будь как дома. В прошлый раз приглашал на ужин ты. Сегодня угощаю я.

Максимилиан не знал, верить ли своим ушам.

— А не обманываешь? — спросил он, глотая слюну.

— Ну, что ты, разве может такой маленький лисёнок, как я, обмануть такого мудреца, как ты! — скромно ответил Людвиг.

Максимилиан рассмеялся. Какой же он, право, чудак! Конечно же, лисёнок хитёр, но надуть старого Максимилиана ещё раз! Нет. Это невозможно.

Он сорвал замок с дверцы и медленно вполз в клетку.

— Милости просим к столу! — Голос Людвиг Четырнадцатого звучал спокойно, но сердце его дрожало, как заячий хвост. Не пропустить бы нужный миг.

— Сегодня нам не придётся уже поиграть, но можно мне в другой раз с твоего разрешения пригласить тебя, уважаемая Тутта Карлссон?

— Ты очень пин-пин-пинтelligentный лисёнок, — пропищала взволнованная Тутта Карлссон. — Только подальше от курятника. Мне кажется, Максимилиану очень хочется дать тебе хороший пин-пин-пинок.

— Знаешь, давай будем играть за изгородью, ну, там, где мы встретились в первый раз! — предложил Людвиг Четырнадцатый.

Это предложение понравилось Тутте Карлссон. И прежде чем исчезнуть в курятнике, где её ждали сёстры, братья и другие родственники, она договорилась с Людвигом, что встретится на следующий день за изгородью.

Людвиг Четырнадцатый поспешил домой. Была уже почти тёмная ночь, и он отлично понимал, что папа Ларссон очень сердится, а мама Ларссон очень волнуется.

Так оно и было. Когда Людвиг Четырнадцатый вошёл в гостиную, папа Ларссон сидел в кресле, сделанном из детской коляски. Он вытащил часы из нагрудного кармашка и нахмурил брови.

— Опять бегал по лесу! — проворчал он. — Оно, конечно, мы, лисы, на охоту ходим ночью. Но ты ведь ещё совсем ребёнок, тебе ночью надо спать.

— Сегодня я опять всех перехитрил, — начал было Людвиг Четырнадцатый.

— Ах вот как! — улыбнулся папа Ларссон. — Ты что, надо полагать, опять встречался с моим старым другом Максимилианом?

— Да, и не только с ним, — с живостью подхватил Людвиг Четырнадцатый. — Сначала меня поймал человек, потом я был игрушкой у человеческих детей, а потом меня заперли в цыплячью клетку и кормили собачьей едой, а потом я и Тутта Карлссон обманули Максимилиана и...

— Милый Людвиг, — прервал его папа Ларссон, — ты что-то, я бы сказал, слишком переутомляешься в последнее время.

Людвиг Четырнадцатый сник, хвост его опустился.

— Это пра-а-вда, па-па...

— Да, конечно, правда. Ты заснул в лесу и видел сказочный сон. Иди к себе и досматривай его, спокойной ночи.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Людвиг Четырнадцатый и Тутта Карлссон часто встречались на полянке у забора. Конечно, это была довольно странная пара — лисёнок и цыплёнок. Но вместе им было очень хорошо. Всегда у них находилось так много новых интересных игр. Больше всего они любили играть в школу. Один из них садился на пенёк и притворялся, будто он учитель. А другой садился под пеньком и притворялся, что внимательно слушает урок.

Людвиг Четырнадцатый учил Тутту Карлссон всему, чему научился у Лабана: что растёт в лесу, какие ягоды надо есть, чтобы не болел живот. Предостерегал её от грибов, красные головки которых покрыты белыми пятнышками, — потому что это мухоморы и они ядовитые. Людвиг показывал Тутте, как распознавать следы на тропинках и узнавать по ним зверей.

А Тутта Карлссон рассказывала Людвигу Четырнадцатому обо всех домашних животных, о растениях, которые растут в саду и в огородах и которые очень полезны. О людях и о том, как надо быть осторожным, чтобы тебя не поймали.

— Обещай мне, что никогда не придёшь в курятник, чтобы съесть нас, — дрожа от страха, просила Тутта. — Я ведь хорошо знаю, как вы любите набить курятиной жив-жив-живот.

— Никто из нашей семьи не будет воровать вас, — торжественно поклялся Людвиг. — А ты обещай мне, что предупредишь меня, если люди задумают устроить на нас облаву.

Тутта Карлссон обещала.

Когда Людвиг Четырнадцатый договаривался с Туттой о встрече, он обычно исчезал из норы рано-рано утром и возвращался только поздно вечером.

— Где ты, однако, бродишь целыми днями? — спросил его папа Ларссон однажды вечером.

— Я играю со своей новой подружкой, — ответил Людвиг Четырнадцатый. — И научился у неё многим хитростям.

— Это, надо полагать, хорошо, — сказал папа Ларссон. — А как зовут твою подружку?

— Тутта Карлссон, — ответил Людвиг Четырнадцатый в надежде, что на том расспросы и закончатся. Ведь он понимал, что папе Ларссону совсем не понравится, если он узнает, что его сын играет с цыплёнком.

— Тутта Карлссон, — задумчиво произнёс папа Ларссон. — Я ее не

знаю. Приведи её как-нибудь в нашу нору. Я был бы не против познакомиться с ней.

— Не думаю, чтобы ей захотелось прийти сюда, — возразил Людвиг Четырнадцатый и попытался улизнуть.

Но папа Ларссон был стар и хитёр. Он ещё долго сидел в кресле и думал. Тутта Карлссон! Этого имени он никогда не слышал. А ведь он знал всех лесных зверей.

На следующее утро он отозвал Лабана в сторонку. На лбу у папы Ларссона появились глубокие морщины.

— Ты знаешь, кто такая Тутта Карлссон?

Лабан отрицательно покачал головой.

Папа Ларссон почесал за спиной. Обычно это означало, что он очень углублён в свои мысли, больше, чем когда чешет за ухом. И тут он вспомнил, что ему рассказывал Людвиг Четырнадцатый несколько вечеров подряд. О таксе Максимилиане, о курятнике, о людях...

Либо все это сыну мерещится, либо...

А Лабану он сказал:

— Вот что, узнай, пожалуйста, кто такая эта Тутта Карлссон. Подсмотри за Людвигом, когда он утром опять исчезнет из дому.

На следующее утро Людвиг Четырнадцатый, как всегда, спешил на свидание с Туттой Карлссон. Он даже и не заметил, как что-то рыжее промелькнуло сзади в кустах. Но это рыжее следовало за ним, как тень.

Тутта Карлссон начала громко считать:

— Двадцать пять, двадцать шесть, двадцать семь, двадцать восемь, двадцать девять, двадцать десять, двадцать одиннадцать, двадцать двенадцать... цать-цать, цать, цать — я иду искать.

И она начала искать. За одним из кустов она увидела что-то очень похожее на хвост лисёнка.

— Пи-пи-пи! Ти-ти-ти! — обрадовалась Тутта Карлссон и замахала крылышками. — Я нашла те-те-тебя!

— Ты хитришь, — ответил ей Людвиг с другого конца. — Ты меня видела? Что за ерунда!

— Пи-пи-пименно, — растерянно согласилась Тутта Карлссон. — Но как же это ты и тут и там?

— Ты ошиблась, — возразил ей Людвиг Четырнадцатый. — Наверное, это были жёлтые листья.

Но Тутта Карлссон видела совершенно точно.

За кустом был лисий хвост, и этот хвост принадлежал Лабану. И он видел, как Людвиг Четырнадцатый играл с цыплёнком в прятки!

Его огромные тёмно-коричневые глаза, похожие на пятаки, ещё больше расширились.

— Нет, мне надо заказать очки, — сказал Лабан сам себе и заморгал. — Бедный папа! Бедный наш прадедущка!

Он помчался обратно и пулей влетел в гостиную.

— Это что-то ужасное! — задыхаясь, кричал Лабан. — Тутта четырнадцатая Лабан — это лис. Нет, что я говорю? Людвиг цыплёнок четырнадцатый! Двадцать десять, двадцать двенадцать, цать, цать!

Папа Ларссон поспешно вставил ему в пасть морковку.

— Заткнись и успокойся, — сказал он, потом поправился: — Съешь её и расскажи по порядку всё, что ты видел и что тебя так напугало.

Лабан съел морковку и рассказал обо всём, что он увидел на поляне возле изгороди.

Ему очень хотелось, чтобы папа Ларссон рассердился на Людвига Четырнадцатого. Но всё получилось наоборот. Папа сидел в кресле и смеялся.

— Ты не рассердился? — удивился Лабан. — Тебе должно быть стыдно за весь наш род, да? Что скажет наш прадедущка?

— Мне кажется, что он тоже будет смеяться, — ответил папа Ларссон. — Ай да Людвиг! Я-то думал, что он всё это видел во сне, а теперь мне кажется, что он рассказал чистую правду.

— Мне кажется, что я слышу твои слова тоже во сне, — продолжал возмущаться Лабан.

Но папа Ларссон больше не обращал на него внимания.

— Ай да Людвиг! Ай да Людвиг! — бормотал он. — Ведь это значит, что наш Людвиг Четырнадцатый проложил для нас прямую дорогу в курятник. Играть с цыплёнком, а! Таким хитрым даже я никогда не был!

— Но Людвиг же сказал, что он не собирается воровать еду у людей! Нет, он просто позорит всю нашу семью!

— Тихо, вот он идёт, — прошептал папа Ларссон.

Лабан с нетерпением ждал, что же будет дальше. Но папа дружелюбно посмотрел на Людвига и вкрадчиво спросил его:

— Ты, я полагаю, и сегодня играл со своей подружкой, этой Туттой Карлссон?

— Да, и нам было очень весело, — ответил Людвиг Четырнадцатый.

— Однако ведь я тебе уже говорил, что неплохо бы ей как-нибудь за-

глянуть к нам в гости, — продолжал он, облизываясь. — А если у неё есть сестрички и другие родственники, то и их пригласи. Мы так гостеприимны, не правда ли, Лабан, а?!

— Конечно, — отозвался тот, уставившись в пол и ещё ничего не понимая.

Людвиг Четырнадцатый внимательно посмотрел на папу и брата. Неужели они знают, что Тутта Карлссон — цыплёнок?

— Ну, какого ты об этом мнения? — снова спросил папа Ларссон. — Пригласи всю её родню. Были бы гости, а мы уж устроим пир!

— Не знаю, — ответил Людвиг Четырнадцатый. — Тутта Карлссон такая огромная. Не знаю, влезет ли она в нашу нору.

— Ничего, как-нибудь! — хитрил папа Ларссон. — Скажи ей, что мы ждём её к обеду.

Людвиг Четырнадцатый вздрогнул. Ему стало не по себе.

— Мне уже сейчас весело, — причмокнул Лабан. Услышав об обеде, он наконец всё понял. — Она, право же, хороша.

Людвиг Четырнадцатый наострил уши.

— Ты что, видел мою Тутту Карлссон? — спросил он.

Лабан не знал, что ответить.

— Видел её? Я? Нет. Совсем н-нет! — запинаясь, сказал он. — Я хотел сказать только, что она должна быть хорошей и весёлой, раз она играет с моим лучшим, с младшим братиком.

— Пойду в детскую и чем-нибудь займусь, — сказал Людвиг Четырнадцатый.

Он лёг на свою кроватку и задумался. Лабан и папа, конечно, узнали, что Тутта Карлссон — цыплёнок. Ну конечно же!

Людвиг Четырнадцатый укусил себя за кончик хвоста. Что же теперь будет?

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Людвиг Четырнадцатый прислушался.

Папа Ларссон и Лабан оставались в гостиной, и оттуда раздавался приглушённый шёпот. Но вот Людвиг Четырнадцатый совершенно отчётливо услышал имя Тутты Карлссон. Он крадучись сполз с кровати и встал за дверью, которая была сделана из ржавого куска железа.

— Неужели ты веришь, папа, что Людвиг приведёт Тутту Карлссон к нам в нору? — спрашивал Лабан.

— Не думаю, — отвечал папа Ларссон. — Но когда цыплёнок не идёт к нам, мы идём к цыплёнку.

Людвиг Четырнадцатый икнул.

— Итак, — рассмеялся папа, — мы сами пойдём в курятник и там вежливо поздороваемся с Туттой Карлссон и её роднёй. Почему бы даже не сегодня же вечером? Я, право, очень голоден.

Людвиг Четырнадцатый чуть не вскрикнул.

— Нет, моё предложение лучше, — возразил Лабан. — В курятник отправлюсь я один.

— А достаточно ли ты хитёр, чтобы выполнить такое важное и такое сложное задание? — засомневался папа Ларссон. — Ведь надо учитывать что во дворе весьма опытная собака, а у людей весьма неприятные ружья.

— Ну, уж если даже Людвиг смог пробраться туда, то я уж и подавно проберусь. Только разреши мне, отец.

Папа Ларссон задумался.

— Ну, что же, что же, — хотя и с сомнением, согласился он. — Только не делай глупостей. А пока поди поспи немножко. Во двор пробираться следует, только когда совсем стемнеет.

— Хорошо! — воскликнул Лабан и рывком распахнул дверь в детскую.

Это произошло неожиданно. Людвиг Четырнадцатый не успел отскочить, и его стукнуло дверью так, что он даже перевернулся. На лбу у него вскочила шишка.

Лабан заорал:

— Ты подслушал наш разговор с папой?!

— О чём ты говоришь? — Людвиг Четырнадцатый зевнул и притворился, будто только что проснулся. — Я встал, чтобы выйти на минутку, а ты влетел как бешеный. Я уже думал, не пожар ли?

— Малыши не должны мешать, когда взрослые заняты серьёзным делом, — гордо сказал Лабан. — Давай улепётывай отсюда. Мне нужен абсолютный покой перед серьёзным делом, которое мне предстоит сегодня ночью.

Выйдя из норы, Людвиг Четырнадцатый тут же лёг прямо на мох. Он должен помешать Лабану пробраться в курятник. Но как?

Людвиг Четырнадцатый подумал ещё немножко и решил, что есть только один выход: он должен предупредить кур и цыплят. И сделать это нужно сейчас же!

Хотя было ещё совсем светло и его легко могли заметить люди, и особенно Максимилиан, колебаться Людвиг Четырнадцатый не стал. Он ведь обещал Тутте Карлссон защищать кур от лис. А обещания надо выполнять. И он помчался по тропинке к изгороди, легко пересек овсяное поле... Ползти было некогда, и он так быстро бежал через клубничную поляну, что с разгона налетел на чучело-палку. На лбу у него вскочила вторая шишка. А тут ещё с пугала что-то упало. Людвиг Четырнадцатый в ужасе сделал отчаянный прыжок в сторону, но пугаться было нечего: то, что свалилось, оказалось просто шляпой, упавшей с головы пугала. Она-то и угодила как раз между Людвигом и палкой.

Людвиг потёр лоб и продолжил своё опасное путешествие. Скоро кончится клубничная поляна, и тогда начнутся настоящие трудности. Перед курятником совсем открытое место, там и спрятаться-то негде.

Пока что Людвигу Четырнадцатому везло, во дворе было спокойно. Но вдруг... Дверь из дома людей открылась. Оттуда вышли Петер, Маллот и Максимилиан. Людвиг Четырнадцатый понадеялся было, что они уйдут гулять, но куда там! Они стали играть во дворе.

Правда, ни дети, ни Максимилиан не могли его видеть: ведь он лежал между кустиками клубники. Но вот когда он станет перебегать двор!..

Людвиг Четырнадцатый ещё раз потёр обе шишки на лбу, пытаясь что-нибудь придумать.

— Нет, ничего не выйдет! — застонал он.

«Вот если бы я не был таким ярко-рыжим, а был бы как эта поляна, зелёным в красную крапинку, — размышлял он. — А так мне ни за что не добраться до курятника».

Он ещё раз осмотрелся, и на глаза ему опять попалось чучело.

— А может, мне притвориться пугалом? — прошептал он. — Ведь у людей это иногда получается.

И тут у Людвига мелькнула идея:

Шляпа!

Шляпа, упавшая с пугала, была примерно такого же серого цвета, как земля во дворе.

— А всё-таки я иногда бываю хитрым! — обрадовался Людвиг Четырнадцатый, пополз обратно и схватил шляпу. — Теперь, если только удастся свернуться в клубочек, всё будет отлично!

У края клубничной поляны он съёжился, и... ура! Посмотрите, Людвиг весь уместился под шляпой!

Вот Людвиг выглянул на минутку из-под шляпы, огляделся внимательно, чтобы попасть в курятник, а не в будку к Максимилиану, и... шляпа побежала по полю.

Максимилиан залаял:

— Плут, плут, плут!

— Замолчи, — донёсся голос Петера. — Нечего лаять. Кругом-такая тишина.

Но пёс продолжал глухо лаять. Он совсем охрип.

— Тут, тут, тут. Тот, кто лгал, лгал, лгал!

— Что-с-тобой-случилось-крикун? — Теперь говорила Маллот. — Такое-впечатление-будто...

— Смотри! — закричал вдруг Петер. — Смотри-шляпа-у-куратника! Людвиг Четырнадцатый задрожал, и шляпу начало трясти.

— Кто-это-стацил-её-с-пугала? — удивилась Маллот. — Вот-папа-разозлится.

— Разве-ты-не-видишь-что-она-дрожит-и-бежит? — воскликнул Петер.

— Глупый, — засмеялась Маллот. — Шляпа-не-может-бежать-и-ещё-дрожать.

— Посмотри-сама-если-не-веришь, — продолжал Петер.

— Волшебство, — раскраснелась Маллот.

А Максимилиан заливался.

— Пойдём-посмотрим-на-это-волшебство-поближе! — предложил Петер.

Людвиг Четырнадцатый понял, что дело плохо, — надо как можно быстрее добраться до курятника.

И хотя под шляпой ничего не было видно, он рассчитал так правильно, что точно попал в курятник и упал прямо на кур и цыплят.

Всё вокруг взлетело, закудахтало, запищало, закукарекало.

— Как-так-как-так, живая шляпа! — кудахтали куры. — Помоги-и, Петрус Певун. Где ты, где ты, где ты? Шляпа! Шляпа! На насест, все на насест! Она нас съест! Она нас съест!

Людвиг Четырнадцатый галантно снял с себя шляпу.

— Здрасте, это я, — представился он, и гвалт мгновенно утих.

— Людвиг Четырнадцатый, — захолопала глазками Тутта Карлссон. — Пи-пи-писключительно. Пин-пин-пинтересно! Почему ты влетел к нам в шляпе?

— Это неважно, — сказал Людвиг Четырнадцатый. — Вегодня сечером, я хотел сказать, сегодня вечером, к вам собирается нагрнуть Лабан.

— Шляпа-вбежала-в-куратник! — раздался снаружи голос Петера.

— Глупости, — ответил голос человека. — Шляпа-сама-не-может. Давайте-откроем-дверь-и-посмотрим.

Людвигу Четырнадцатому снова надо было спешить. Он выскочил в щель как раз в тот момент, когда человек открыл дверь курятника.

Естественно, что шляпу с пугала Людвиг Четырнадцатый с собой не захватил. И поэтому он успел ещё услышать, как Петер сказал:

— Вот-видите-я-говорил-правду.

— Ничего-не-понимаю, — прозвучал ответ человека. — Ну-а-ты-что-скажешь-Максимилиан?

Пёс лаял. Ведь он-то всё давно понял. Собаки, они такие.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Людвиг Четырнадцатый успел как раз к ужину.

Все сёстры и братья окружили Лабана, а тот с удовольствием растянулся на полу.

— Как хорошо я поспал, — говорил он, хитро улыбаясь.

— С чего это ты спал днём? — спросил его Леопольд. — Что ты, маленький?

— Мы ведь лисы, — подражая папе Ларссону, важно ответил Лабан. — Маленькие у нас спят ночью, когда нам, взрослым, пора на прогулку.

— Какую прогулку? — удивилась Лоттен.

Лабан таинственно усмехнулся и, подмигнув папе Ларссону, сказал:

— Возвращусь с подарком, тогда узнаешь.

— Малыши, спать! — засуетилась мама Ларссон. — Завтра опять вас не добудисься.

Тринадцать лисят послушно исчезли в детской. А Лабан направился к выходу.

— Будь осторожен, — сказал ему папа Ларссон на прощание.

— Всё будет хорошо. Вспомни, я ведь самый хитрый лисёнок в лесу. — И Лабан нырнул в темноту.

Людвиг Четырнадцатый ворочался в своей кровати. «Только бы с Лабаном не случилось ничего слишком страшного», — думал он.

Едва Людвиг Четырнадцатый заснул, как вдруг в норе поднялся ужасный шум.

— Ай, ай, ай, ай! — выл кто-то. — Мне так больно. Ай, ай, ай, ай! Это был Лабан. Он, наверное, только что вернулся домой.

Людвиг Четырнадцатый испугался. Что там придумала Тутта Карлссон? Он ведь просил её ничего не говорить человеку, собаке, детям и маме детей.

От крика Лабана проснулись все. Людвиг Четырнадцатый открыл дверь в гостиную. Там... на диване, который смастерил сам папа Ларссон, лежал Лабан и выл. Мама Ларссон держала его голову на своих коленях и чесала лапой за ушами. Но Лабан был безутешен.

Папа Ларссон стоял у его хвоста и рассматривал что-то, висевшее на самом кончике. Людвиг Четырнадцатый сразу догадался, что это такое. Тутта Карлссон как-то рассказывала ему о таких вещах: это была мышеловка!

— Ой, ой, ой, ой! — стонал Лабан. — Я при смерти. Я истекаю кровью...

— Нет, не истекаешь, — резко оборвал его папа Ларссон. Он был очень сердит. — Ну, а если уж тебе чуть-чуть больно, то следует заметить, что ты сам виноват. Зачем хвастал, что ты самый хитрый на миллион вокруг? Надо же! Лис угодил в мышеловку!

— Вот с каким подарком ты возвратился, — хихикнула Лоттен.

— Ой, ой! — взмолился Лабан. — Сперва отцепите меня от неё, а потом я согласен выслушать что угодно.

— Ты ещё ставишь условия? — возмутился папа Ларссон и не спеша продолжал: — Что скажет дедушка, то есть твой прадедушка! Нет уж, изволь сперва подробно рассказать всё по порядку, а потом я подумаю, стоит ли убрать эту штуку с твоего хвоста.

Папа Ларссон любил поговорить. Но Лабану казалось, что никогда

ещё он не говорил так длинно. А Лабану так хотелось, чтоб его поскорее отцепили от мышеловки, и он заспешил, глотая окончания слов:

— Я прокрал... на овся... поле. Нич... так особен... я не слы... и не ви... Ост... только добе... до курят... А там сыр...

— Что? Сыр? Ты испугался сырости? — прервал его папа Ларссон. — А ну-ка изволь произносить все слова полностью, — неумолимо добавил он.

— Я и говорю полностью! — взвыл Лабан. — Сыр. Не сыро, а сыр. Я почувствовал запах сыра. Ты же сам говорил: что сыр полезен. Я и решил попробовать этот ох...

— Какой ещё ох? — совсем вскипел папа Ларссон.

— Не ох, а ох этот сыр! Передо мной лежал маленький кусочек...

— И ты сразу же попался на приманку. — Папа Ларссон постарел на глазах.

— Нет. Я всё-таки хоть немножко, но хитёр, — возразил Лабан. — Я решил не подходить слишком близко, а просто подпихнуть хвостиком этот ох, этот сыр к себе поближе.

— И ловушка захлопнулась, — заключил папа Ларссон.

Лабан кивнул и опять завыл.

— Так больно было! — визжал он. — Я даже не смог удержаться и закричал. И тогда проснулись все куры и петух, и цыплята, и, наверное, все яйца, и такой поднялся шум! А потом проснулись и люди, и Максимилиан. И мне пришлось уносить ноги. Но я заодно унёс и эту мышеловку. Ох, ох, сыр!

— Бедный мой Лабан, — запричитала мама Ларссон, погладила его по хвосту и покосилась на папу Ларссона. — Не так уж просто забираться в курятник. Ведь это с ним в первый раз.

— Бедный я, бедный... — стонал Лабан. — Наверное, я полхвоста потерял.

— Ничего, пройдёт, я наложу пластырь, — пообещала мама Ларссон со слезами на глазах. — Завтра всё будет хорошо. Ну отцепи же его наконец, он больше не будет, — сказала она папе Ларссону.

Папа Ларссон отцепил мышеловку и положил её на стол.

— Вот видите, — обратился он ко всем лисятам, толпившимся в дверях. — Не я ли всегда говорил вам, что людей и собак следует остерегаться. Лабан, ты будешь каждый вечер рассказывать младшим, что такое мышеловка.

Братья и сёстры украдкой захихикали.

— Хитрый Лабан совсем не хитрый, хитрый Лабан совсем не хитрый, — пропентала Лоттен.

Лабан закрыл лапами уши, чтобы не слышать.

— Псс, — свистнул Людвиг Четырнадцатый и помахал ему лапкой. — Пссслушай, я всё же думаю, что ты хитрый.

— И ты туда же? — огрызнулся Лабан, зализывая хвост.

— Нет, что ты, — заверил его Людвиг Четырнадцатый. — Ты всё же всегда был самым хитрым на целую милю вокруг. Ну так вот, если бы ты решил достать сыр не хвостом, то мышеловка вцепилась бы тебе в нос. А это куда хуже!

Наступило утро. Постаревший папа Ларссон снова помолодел. Он уже сидел в гостиной в своём любимом кресле и размышлял. Он думал о мышеловке. Никогда ещё, за всю свою долгую жизнь, он не слышал, чтобы

люди мышеловку ставили там, где спуют куры. Тут что-то не так. Во-первых, кто-то знал, что вечером в курятник нагрянут незваные гости. Во-вторых, куры знали о мышеловке.

Кто же их предупредил?

Не уходил ли Людвиг Четырнадцатый вчера днём из дома?

Папа Ларссон решил, что теперь ему следует взяться и за младшего сына. Он позвал Людвига Четырнадцатого.

— Ну, сынок, а где ты гулял вчера? Ты, надо сказать, довольно долго отсутствовал.

Людвиг Четырнадцатый стыдливо отвернулся:

— Просто гулял.

Папа Ларссон внимательно посмотрел на него.

— Может, у курятника?

Людвиг Четырнадцатый кивнул.

— Так-с. И ты рассказал Тутте Карлссон и всем остальным курам, что ночью к ним должен прийти Лабан? — с трудом сдерживаясь, продолжал допрос папа Ларссон.

Людвиг Четырнадцатый снова кивнул.

Волоски на шубе у папы Ларссона так и поднялись дыбом.

— А как же ты пробрался в курятник? — зло спросил он. — Ведь было совсем светло. Тебя могли увидеть.

Людвиг Четырнадцатый рассказал, как он взял шляпу и как прокрался к курам.

После этого он даже не решился посмотреть на папу Ларссона. Ведь от такого горя тот мог снова постареть на глазах.

— Ты очень сердишься? — прошептал он, спрятав нос и глаза в свою шубку. — Я не знал, что они такое надумают с мышеловкой.

Людвиг Четырнадцатый осторожно вытащил из шубки нос и открыл глаза. Нет, это невозможно — папа Ларссон хохотал.

— Ты что, не сердишься? — переспросил Людвиг Четырнадцатый.

— Следовало бы, хи-хи-хи, да, пожалуй, весьма следовало бы, — смеялся папа Ларссон. — Но ты и сам не представляешь, какой ты у нас хитрый! — Он вздохнул. — А всё же нехорошо обманывать своих, — добавил он.

— Я не хотел, — улыбнулся Людвиг Четырнадцатый. — Я только хотел, чтобы Лабан не причинил зла моей лучшей подруге и её родственникам.

— Хорошо сказано, — заметил папа Ларссон. — Но вот мой тебе

совет. Не рассказывай Лабану, что это из-за тебя он подцепил на хвост мышеловку. А то, надо полагать, он когда-нибудь тебе весьма напомним об этом. Да, и вот ещё, — добавил папа Ларссон, — больше ты не должен играть с Туттой Карлссон. Она и её родственники отнюдь не наша компания.

— Папа, — начал было Людвиг, — Тутта и я...

— ...больше никогда не будете играть вместе, — решительно закончил за него папа Ларссон.

— Ну почему все звери в одном лесу не могут быть друзьями! — глубоко вздохнул Людвиг Четырнадцатый.

— Тоже мне философ! — сказал папа Ларссон. — Подрастёшь — поймёшь. А пока будет так, как я сказал.

Людвиг Четырнадцатый подумал, что он никогда-никогда этого не поймёт. Даже когда постареет. Он понуро вышел из норы и лёг на покрытый мхом камень.

Так он и лежал и думал, как ему жалко всех и самого себя.

Сначала ему не разрешили играть с добрыми зверятами. Потом с ним поссорился Максимилиан. А теперь вот он больше не сможет встретиться и с Туттой Карлссон. «Лучше уж я был бы игрушкой для человеческих детей, — думал Людвиг Четырнадцатый. — Тогда, по крайней мере, я каждый день виделся бы с Туттой Карлссон».

Но хотя он ещё совсем не состарился, а уже и он понимал, что скоро ему захотелось бы обратно домой в лес, потому что дом для лис — это лес. Нет, он не смог бы быть игрушкой для человеческих детей.

— Бедный я, бедный... — простонал Людвиг Четырнадцатый. — Какой ужасный мир! Бедный я, бедный. Мне никогда больше не будет весело.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Людвиг Четырнадцатый очень удобно лежал в укрытии возле камня: он никому не был виден, зато сам мог увидеть всё, что хоть чуть-чуть двигалось...

Любопытно, что это там жёлтенькое, словно крохотное солнышко, катится за кустами? Людвиг Четырнадцатый прищурился, будто и в самом деле посмотрел на солнышко.

Нет, не может быть! Неужели он только что видел жёлтый пушок Тутты Карлссон? Интересно, что она здесь делает?

— Людвиг-виг, — пропищал голосок. — Кто ви-ви-видел Людвига Чет-чет-четырнадцатого?

Людвиг испугался. Как же так? Ещё узнает папа Ларссон. Тутта у самой норы.

— Исчезни, — зашипел он. — Сгинь сейчас же.

— Чив-чив-чего это ты такой злой? — жалобно пропищала Тутта Карлссон. — Здравствуй! Ты что, больше не любишь меня?

— Очень люблю! Если бы не любил, разве я говорил бы, чтоб ты сгинула, — вздохнул Людвиг Четырнадцатый. — Зачем только ты пришла?

— Чтобы сказать тебе, что на вас надвигается беда. Вы в опасности. Впусти меня в дом. Я не вижу тебя. Где ты?

Ну что было делать Людвигу Четырнадцатому?

— Я не знаю, — заколебался он. — Чужим нельзя показывать вход. Ведь это лисья нора!

— Знаю, что не пин-пин-пинкубатор! А тебе можно было в курятник? Я ведь лисицами не пит-пит-питаюсь! — запищала Тутта Карлссон. — Они уже близко! Я тоже в опасности. Ну же, где вход?

— Около камня, покрытого мхом, — решил Людвиг Четырнадцатый.

Но Тутта Карлссон не стала дальше его слушать. Она быстро-быстро замахала своими маленькими крылышками и чуть было не прыгнула прямо на Людвига Четырнадцатого.

— Идите обедать! — послышался голос мамы Ларссон из кухни. — Не хватает только Людвига.

— Ну как твой хвост, Лабан? — спросил папа Ларссон и положил себе земляничного крема из консервной банки.

— Бывает хуже, — сказал Лабан, держа кверху кончик хвоста, на который мама Ларссон наклеила пластырь. — В следующий раз я покажу этим курам... — Лабан вдруг умолк и, показывая лапой на дверь, добавил: — А вот и одна из них сама к нам пришла. Живая-живёхонькая, но хочет быть супом.

Папа и мама Ларссоны и все их дети с удивлением уставились на незваную гостью.

— Такая молоденькая! — вздохнула мама Ларссон.

В норе воцарилась тишина.

— Разрешите представить вам мою подругу Тутту Карлссон, — наконец промолвил Людвиг Четырнадцатый.

— Тутта Карлссон! — воскликнул папа Ларссон, и кончик его носа

покраснел от смущения и удовольствия. Но тут же он гневно посмотрел на Людвига: — Помнится, я не так давно говорил тебе, чтобы ты не смел больше играть с Туттой Карлссон?

— А я и не собираюсь играть, — гордо ответила Тутта Карлссон вместо Людвига Четырнадцатого. — Я пришла не играть, а спасать! — Она даже ни разу не заикнулась.

— Жалкий маленький цыплёнок хочет спасти самую храбрую в лесу семью лис, — засмеялся папа Ларссон. — От кого же, разрешите спросить?

— Прислушайтесь и примувайтесь! — ответила Тутта Карлссон.

Все лисы подняли носы.

— Я, кажется, чую собаку, — сказала наконец мама Ларссон.

— Это Максимилиан, — сообщила Тутта Карлссон.

— А я слышу шаги и голоса, — сказал папа Ларссон.

— Это люди с нашего двора, — подтвердила Тутта Карлссон.

Папа Ларссон забеспокоился:

— Ну-ка, рассказывай. Что случилось?

Лисята завывли.

— Спокойствие, спокойствие и ещё раз спокойствие! — сказал папа Ларссон. — Нечего выть. Меня сотни раз преследовали, но я, как изволили видеть, цел и невредим.

Но на этот раз по всему видно было, что и он испугался.

— А почему, собственно, люди решили начать охоту на нас именно сегодня? — снова обратился он к Тутте.

— Им кажется, что вокруг нашего курятника разгуливает уж слишком много лис. Сначала пришёл один, прикрывшись старой шляпой... — Она посмотрела на Людвига Четырнадцатого. — А потом поздно вечером пришёл второй и угодил прямо в мышеловку, — добавила она. — И вот тогда люди решили выгнать вас из леса.

— А как же наша прекрасная квартира? — завывли Лоттен и Линнеа. — Никогда у нас больше не будет такой уютной детской.

— Перестаньте, девочки! — прикрикнул папа Ларссон. — Ещё не родился тот, кто мог бы прогнать нас из дому.

— Ты должен не разговаривать, а думать, — заохала мама Ларссон. — Ох, я-то знаю, что такое охота на лис. Сначала придёт одна собака и вспугнёт нас. А потом следом явятся охотники. Ты должен что-нибудь придумать, папа Ларссон.

— Я уже начал думать, — ответил папа Ларссон.

— Я помогу тебе думать, — сказал Лабан и сильно-сильно сморщил свой лоб.

— Леопольд! Ну-ка взгляни, можем ли мы вылезти через лаз у камня, — начал командовать папа Ларссон.

Леопольд убежал, но тут же вернулся.

— Там стоит человек, — доложил он.

— Лассе-старший! — приказал папа Ларссон. — Посмотри, не можем ли мы выбраться через старое дупло.

Лассе-старший шмыгнул в другую сторону, вернулся и, вытянувшись, сообщил:

— Другой человек.

— Нет, нам ни за что не выбраться отсюда, — захныкали Лоттен и Линнеа. — Нас обязательно поймают.

— Ладно, сейчас как раз время открыть вам одну тайну, — спокойно начал папа Ларссон. — Из норы есть ещё один лаз, и знаю его только я один.

— Да здравствует хитрость, да здравствует папа, ура-а! — закричали обрадованные лисята.

Но мама Ларссон волновалась:

— Мы, конечно, можем вылезти через твой потайной вход. Но куда же мы потом денемся? Вполне возможно, что весь лес так и кишит этими охотниками да собаками.

— Дайте я ещё раз серьёзно подумаю, — попросил папа Ларссон.

— А я помогу, я ведь очень хороший помощник, верно же, — подхватил Лабан и, нахмутив лоб, задумался.

Но тут сам папа Ларссон сдался.

— Нет, во всём лесу не найти нам хорошего укрытия, — вздохнул он. Лабан тоже вздохнул.

— И я так думаю. Во всём лесу не найти нам хорошего укрытия.

И тогда все в норе вдруг услышали писклявый тоненький голосок:

— Я знаю одно пи-пи-писклячительное укрытие. Там вас ни одна такса и никакой пи-пи-пинчер не разнюхает.

Это сказала Тутта Карлссон. Все прямо так и выпучили на неё глаза.

— Ты шутишь, — недоверчиво промямлил Лабан. — Где же это такое укрытие, о котором даже сам папа Ларссон не знает?

Тутта гордо посмотрела на лисят:

— Наш курятник-ник! — Она запрыгала. — Ник-ник-ник!

Папа Ларссон не поверил своим ушам — спрятаться в курятнике!

— Ведь там вас ник-ник-никто не станет искать, — продолжала Тутта Карлссон. — А когда облава кончится, вы возврати-ти-титесь сюда.

— А ты уверена, что остальным курам понравится наше нашествие? — спросил осторожно папа Ларссон.

— Если я скажу, что вы папа и мама, братья и сёстры Людвига Четчет-четырёхнадцатого, то вас примут с радостью, — заверила Тутта Карлссон.

— Ну что ж, благодарю вас за приглашение, — заключил папа Ларссон. — А сейчас пора выбираться через тайный лаз. Помните, никого шума!

Вся большая семья лис незаметно прокралась через лес и через клубничную поляну. У самого двора Тутта Карлссон на минуточку исчезла в курятнике, чтобы предупредить о приходе гостей. Пока она была там, лисы прямо сгорали от нетерпения.

— А если они не согласятся? — беспокоилась мама Ларссон. — Да ещё вдруг наябедничают Максимилиану?

— Давайте пока спрячемся, — подхватили Линнеа и Лоттен, — только подальше от собачьей конуры.

Но тут в дырке появилась сначала головка Тутты Карлссон, а потом и вся она.

— Куда ты, куда ты, а ты, Лоттен, куда? — впервые в жизни закухтала она. — Милости прошу!

Семья Ларссонов вползла в курятник. Малыши, ещё ни разу не видевшие, как выглядят эти дворцы изнутри, с любопытством оглядывались по сторонам. А папа Ларссон стоял посреди курятника и чувствовал себя немножко пристыжённым.

— Привет, карикатура! — сказал он, обращаясь к Петрусу Певуну. — Разрешите приветствовать вас!

Петух раскрыл крылья и высоко задрал клюв.

— Ку-ка-ре-ка-тура! Так они отвечают на гостеприимство! — возмутился Петрус Певун. — Надеюсь, господин Ларссон не думает, что мы станем для него ещё и обедом. Нет, вы только слышали — ку-ка-ри-ка-тура!

— Я хотел быть просто вежливым, — взял себя в руки папа Ларссон, он даже покраснел. — Давно я здесь был в последний раз, когда-то в молодости.

— Да, я помню, — поддержал разговор Петрус Певун. — Тогда я был ещё маленьким петушком. Удивительно, как мне удалось вырасти.

— Тогда у меня были другие гм-гм... заботы, — сказал папа Ларссон и пошёл на мировую. — А теперь я вообще уже не такой хитрый.

— Зато ваш сын — настоящая бестия, — заметил Петрус Певун. Лабан вытянулся, чтобы все его видели.

— Вы слышите, — прошипел он, обращаясь к Лассе-младшему и Лоттен. — Даже эта домашняя птица знает, какой я хитрый.

— Я говорю о малыше Людвиге, — не обращая на него внимания, продолжал Петрус Певун. — Подумать только: чтобы лис явился предупредить кур об опасности. Да ещё в шляпе. Я предлагаю троекратное кука-ре-рура-ура-ура! В его честь!

— Ура! Ура! Ура! Да здравствует Людвиг! Да здравствует шляпа! — запищали цыплята.

— Ваша дочь тоже очень способная, — похвалил папа Ларссон Тутту. — Если бы не она, нам бы туго пришлось. Я всегда говорил, что Тутта и Людвиг стоят друг друга. Они настоящие друзья.

— Ну, сколько можно стоять и расхваливать малышей, — закудахта-ла госпожа Наседка. — Давайте лучше позаботимся о наших гостях и устроим настоящий пир. Вы любите яйца?

Лисята так шумно запрыгали от радости, что самые маленькие цыплята, испугавшись, попрятались под крылышки своих мам.

— Конечно же, конечно, — продолжала госпожа Наседка. — Сегодня у нас будет большая яичница.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Вот это был праздник так праздник!

Никогда ещё никто не видел и не ел такую большую яичницу! После сытной еды семью лисов начало клонить в сон.

Но вскоре дети начали возню — лисята и молодые петушки затеяли борьбу и осторожненько покусывали друг друга.

А лисички и молодые курочки, собравшись у одной стены, бросались пуховыми мячиками и сплетничали о нарядах.

Мама Ларссон и госпожа Наседка сидели на мягких подушках и мирно беседовали на хозяйственные темы. Госпожа Наседка учила маму Ларссон, как нести яйца, потому что именно куры умеют это делать лучше всех. А мама Ларссон учила госпожу Наседку, как приобрести себе шубку на зиму, потому что именно это знают лучше всех лисицы.

Петрус Певун восседал на своей жёрдочке, а под ним лежал папа Ларссон. Оба чувствовали себя просто превосходно и вели мужской разговор.

— Представить себе только, как это вы, господин Петрус, управляе-тесь со всеми женщинами, — говорил папа Ларссон.

— Пустяки, важно только, чтобы они не слишком ку-ка-ро-лесили, — отвечал ему Петрус Певун. — Как интересно с вами беседовать! Мы станемся друзьями, не правда ли?

— Конечно, — заверил его папа Ларссон. — Верьте Ларссонам, как любим мы говорить у себя в семье.

Тутта Карлссон и Людвиг Четырнадцатый внимательно прислушивались. А потом подбежали к своим отцам.

— Значит, мы можем играть друг с другом! — закричал Людвиг Четырнадцатый.

— Пожалуйста, — сказал Петрус Певун.

— Конечно же, конечно, — подтвердил папа Ларссон.

Лисам было так хорошо в курятнике, что они совсем забыли о времени. И когда мама Ларссон выглянула во двор через маленькое окошечко, было уже совсем темно.

— Нам пора домой, — сказала она.

— Тихо, — сказал папа Ларссон и наострил уши. — Я чувствую, люди возвращаются с охоты на нас.

Послышались шаги и голоса.

— Мне-думалось-что-лисы-у-нас-в-мешке, — сказал человеческий голос. — Но-лисёнок-оказался-хитрее. Целый-день-мы-провели-в-лесу-но-так-и-не-увидели-даже-лисьей-шубки.

Лисы и куры переглянулись, как заговорщики.

— Как-ты-думаешь-где-они-могли-спрятаться? — спросил другой голос. — Максимилиан-потерял-след-и-почему-то-хотел-возвращаться-прямо-домой.

Пёс сильно залаял.

— Ай, перестань! — закричал на него хозяин. — Перестань-злиться-на-лис-за-то-что-они-тебя-обманули.

Но Максимилиан не унимался.

— Твой-пёс-дает-так-словно-всё-лисье-семейство-притаилось-в-куратнике, — засмеялся какой-то человек. — Меняй-ка-ты-себе-собаку.

— От-этого-лучше-не-станет, — ответил хозяин. — Все-собаки-глупы-и-избалованны.

Чтобы не рассмеяться, молодые курочки засунули свои головки глубоко под крылышки, а лисята покусывали себе хвостики.

Наконец шаги и голоса удалились.

— Как видите, и на этот раз опасность миновала, — гордо констатировал папа Ларссон. — Я соскучился по своему креслу, сделанному из детской коляски. Пора и честь знать.

— Обещайте. не забывать наш дом, — попросил Петрус Певун.

— Только сначала вы придёте к нам, — ответила мама Ларссон.

— И к нам, и к ним, — кудахтали курочки.

— Никогда ещё у нас не было таких хороших друзей, — подвывали лисята.

Над лесом стояла жёлтая, как цыплёнок, луна. Из курятника вышли папа Ларссон, мама Ларссон, Лабан, Леопольд, Лаге, Лассе-старший и Лассе-младший, Леннард, Лео и Лукас, Лаура и Линнеа, Луиза, Лидия и Лоттен. Самым последним вышел Людвиг Четырнадцатый.

Он долго махал хвостиком, пока видел Тутту Карлссон.

— Куда ты, куда ты?.. — задумчиво говорила она ему вслед.

Лисы пробежали через двор на клубничную поляну. И прошмыгнули мимо пугала. Шляпа на нём покачивалась от ветра, но это никого не пугало.

Максимилиан лежал в конуре и смотрел на длинную шеренгу лис, мелькавшую в отблесках луны.

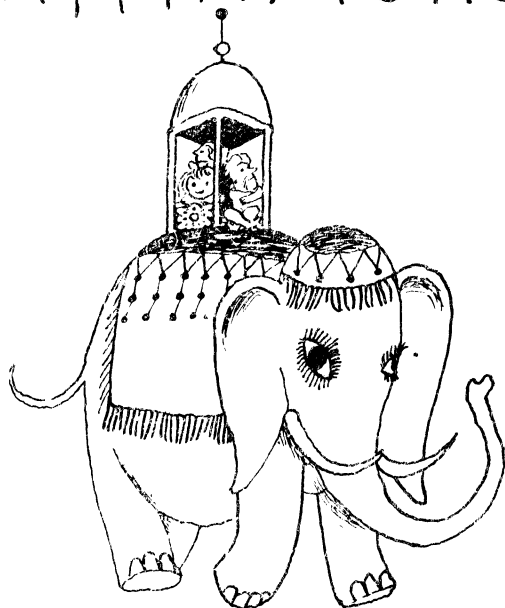
Но он даже не пошевелинулся.

— Нет, нет, нет. и ещё раз нет, — простонал он, чувствуя себя совсем одиноким. — Лисы дружат с курами. А мне не дают даже лаять. Если рассказать об этом, так никто же мне не поверит. Никто, никогда!

Турбёрн Эгнер

Люди и разбойники
из
КАРДАМОНА

Перевод с норвежского
П. Величко
Стихи перевёл
Ю. Вронский

Глава первая

НЕМНОЖКО О ГОРОДЕ КАРДАМОНЕ И О СТАРОМ ТОБИАСЕ, ЖИВУЩЕМ В БАШНЕ

Кардамон — это крохотный городок, а находится он так далеко, что почти никто о нём и не знает, только мы с тобой, да мама с папой, да бабушка с дедушкой, ну и, может быть, ещё кое-кто.

Кардамон — удивительный город, он не похож на обычные города. Там можно встретить живых разбойников! Или, например, ручного льва! Или даже говорящего верблюда!

В Кардамоне живёт старей Тобиас с длинной бородой, мальчик Рем с собачкой Бубби и тётушка София с маленькой Камомиллой. А самый главный в Кардамоне — Бастиан, он следит за порядком. Бастиан добрый и очень не любит никого наказывать. Прохаживаясь по городу, он приветливо здоровается с жителями и проверяет, всем ли хорошо живётся. А больше он ничего не проверяет, если только его не попросят. Он всем ласково улыбается и поёт вот такую песенку:

Я целый день хожу-брожу,
Гляжу туда-сюда,
Меня сердитым не видал
Никто и никогда.

Слежу, чтоб был покой и мир
В пределах городка —
Не все ещё, не все ещё
Сознательны пока.

Чтоб стал прекрасней во сто крат
Прекрасный Кардамон,
Я был, конечно, очень рад
Издать такой закон:

«Будь не злым, работай честно
И умей дружить.
Если все такими станут,
Славно будет жить!»

Посредине города Кардамона стоит высокая круглая башня. Такая высокая, что достаёт почти до облаков. А на самом верху башни живёт симпатичный старичок. Это и есть Тобиас. Он умнее всех в городе — должно быть, потому, что у него длинная-преддлинная борода.

Тобиас наблюдает за погодой в Кардамоне. У него есть большая подзорная труба, и он целыми днями сидит в своей башне и смотрит в трубу на небо. Как только он заметит, что на город надвигаются тучи, он сразу выходит на балкон и кричит громким голосом:

— Внимание, внимание! Слушайте сводку погоды на вторую половину дня: затяжной, обложной дождичек!

Все люди бегут скорее домой за зонтиками и галошами, а когда начинает моросить дождичек, он им уже не страшен.

И вот однажды Тобиас, как всегда, сидел в своей башне и следил за погодой. Вдруг он увидел вдалеке чёрную, мрачную грозовую тучу. Он тотчас выбежал на балкон и закричал что было духу:

— Внимание, внимание! Слушайте сводку погоды: струистый, водянистый дождь!

Народ помчался домой за зонтиками и плащами, а у кого на дворе сушилось бельё, те поспешили снять его, хоть оно и высохло всего наполовину. Но пока они всё это делали, ветер переменился, и тучи поплыли в другую сторону, а в Кардамон так и не пришли. Люди же ходили по городу с зонтиками, в плащах, в галошах или ботах и всё поглядывали на небо.

— Да где же он, этот дождь? — говорили они.

Но дождя не было и в помине. Тогда многие надулись и заворчали:

— Сегодня Тобиас оставил нас в дураках.

За весь тот день не вышло ни одной дождинки. А на следующий день Тобиас опять заметил вдалеке тёмные тучи. Оп, как обычно, поспешил на балкон и закричал на весь город Кардамон:

— Слушайте сводку погоды на вторую половину дня: сильнящий, проливняющий дождище!

Но все сказали:

— Ну нет, Тобиас, теперь ты нас в дураках не оставишь!

И никто не побежал домой за зонтиком, бельё' продолжало висеть на верёвках, а женищины прогуливались по городу в нарядных соломенных шляпках. Но тут на Кардамон напоззла туча, и дождь полил как из ведра. И все, кто был на улице, промокли до нитки, соломенные шляпки набухли и раскисли, а бельё на верёвках стало мокрее, чем когда его только повесили, и пришлось его снова снимать да отжимать.

Люди удивлённо переглядывались и говорили друг другу:

— Как странно! На этот раз Тобиас будто и не оставил нас в дураках, а мы всё равно в дураках остались.

У Тобиаса был маленький друг по имени Рем. А у Рема была собачка Бубби. Рем с Бубби часто заходили в гости к старому Тобиасу. Они сидели втроём на башне и смотрели на облака или же разглядывали звёзды.

— Видишь воп ту звезду? — спрашивал Тобиас. — Это звезда исполнения желаний. Если ты когда-нибудь заметишь, что она вопла внутрь лунного серпа, то можешь загадать всё, что захочешь.

— Тогда я бы загадал, чтобы стать таким же умным, как ты, — говорил Рем.

— Да ты и так станешь, — отвечал ему Тобиас.

— Ты думаешь? — не верил Рем.

— Конечно, станешь, — говорил Тобиас. — А когда я состарюсь и не смогу ничего больше делать, ты займёшь моё место в башне и будешь наблюдать за погодой.

— А вдруг я не справлюсь? — говорил Рем. — Ведь у меня же нет бороды.

— У тебя и борода отрастёт, вот увидишь, — успокаивал его Тобиас.

А потом он усаживался поудобней со своей подзорной трубой и принимался осматривать окрестности. И при этом напевал песенку о том, какая бывает погода при восточном ветре и при западном, при северном и при южном:

Если ветры шлёт восток,
Значит, лету вышел срок,
Значит, осень к нам пришла,

Дождь и слякоть принесла.
Всюду слышно: ой-ой-ой!
Все скорей бегут домой,
Если у них нету
Зонтика с собой.

Если север ветры шлёт,
Знай, теперь пришёл черёд
Зимних дней, студёных дней —
Одевайся потеплей!
Потешается мороз,
Щёки щиплет нам до слёз.
Можно очень просто
Отморозить нос.

Если запад начал дуть,
Обожди пускаться в путь,
Запад шлёт нам ураган
Из морских далёких стран.
Тех, кто с зонтиком идёт
И не ведает забот,
Всех из Кардамона
Мигом унесёт.

Ветры с юга к нам летят,
Я им очень, очень рад,
Тут нетрудно предсказать,
Что вернётся к нам опять
Лето с солнцем и теплом,
И кричу я всем кругом:
Счастлив вас поздравить
С тёплым летним днём!

Пока Тобиас, Рем и Бубби сидели наверху, в башне, жизнь в городе Кардамоне шла своим чередом. Люди встречались и вежливо говорили друг другу:

— Здравствуйте, как поживаете?

По улицам брели ослы и мулы и волокли за собой тележки или тащили на спине большие корзины. А в корзинах лежали апельсины и бананы, фишки и кардамон, потому что всё это росло в садах и на полях за городской стеной.

Автомобилей в городе не было, но зато там был трамвай, один-единственный. Он был двухэтажный, старый и уютный. Ходил он от городских ворот через главную площадь до моста возле парка. Маршрут был не

очень-то длинный: всего-навсего две остановки. Но жители города любили свой трамвай и каждый день на нём катались: кто ехал по делу, а кто просто так, для удовольствия.

— Пожалуйста, прошу вас, входите и садитесь, — приглашал вагоновожатый.

И люди рассаживались, одни на верхнем этаже, другие на нижнем.

— Готово, поехали, — говорил кондуктор, и трамвай трогался.

Кондуктор запевал свою песенку, а все пассажиры ему подпевали:

Поскольку кардамопец ты,
Живи не унывай!
Автомобилей нет у нас.
Однако есть трамвай.
На север с юга ходит он
И с севера на юг,
А я на нём кондуктором,
И ты мне лучший друг!

Звучит в нём музыка и смех
И место есть всегда для всех,
И если едешь до конца,
То доезжаешь до кольца,
А хочется обратно,
Садись и поезжай.
Билет бери бесплатно
И пряник получай!

Вожатый без сомнения
Добрейший человек,
Катать в трамвае жителей
Готов хоть целый век.
И, если просят песенку,
Поёт про Кардамон.
Неплохо, если б стали все
Таковыми же, как он.

Кто пряник съел, бери другой,
А кто не хочет, песню пой.
А кто сидеть не хочет здесь,
Пожалуйста — на крышу лезь,
На крыше так приятно
В погожий летний день.
Весь день туда-обратно
Катайся, коль не лень!

Глава вторая

ТРОЕ РАЗБОЙНИКОВ: КАСПЕР, ЕСПЕР И ЮНАТАН

На пустынной равнине невдалеке от Кардамона стоял высокий и нескладный дом. А в доме жили Каспер, Еспер и Юнатан. Каспер был самый старший, Еспер — самый красивый, а Юнатан — самый прожорливый из них троих. И были они разбойники, но надо сказать, что эти трое были всё-таки не такие злые, как многие другие разбойники. Больше всего на свете им нравилось просто сидеть у себя дома и ничего не делать.

У них и домашнее животное было, в котором сочеталось приятное с полезным. Кто, как ты думаешь? Лев! Для льва он был довольно послушный и, можно сказать, вполне безбидный. Правда, однажды он откусил Есперу большой палец на ноге. Но Каспер говорил, что это не так уж важно, потому что, когда Еспер в сапогах, этого всё равно никто не заметит.

Но всё-таки Еспер был недоволен львом.

— Лев у нас какой-то не такой, как надо, — ворчал он.

— А я тебе скажу, лев — самое полезное и приятное из всех домашних животных, — возражал ему Каспер.

— Что полезное — я и сам знаю, — отвечал Еспер. — Но когда тебя пытаются съесть, то это не очень-то приятно, даже если отъедают самую малость.

— Просто день был такой неудачный — лев у нас был голодней, чем всегда, — вмешивался Юнатан; уж кто-кто, а Юнатан знал, что такое быть голодным.

— А ты подумай, как нам выгодно держать льва, — говорил Каспер. — Пока мы его не завели, в доме было полно крыс и мышей, а теперь они где? Ни мышоночка, ни крысёночка!

— И правда ведь, Еспер, — говорил Юнатан.

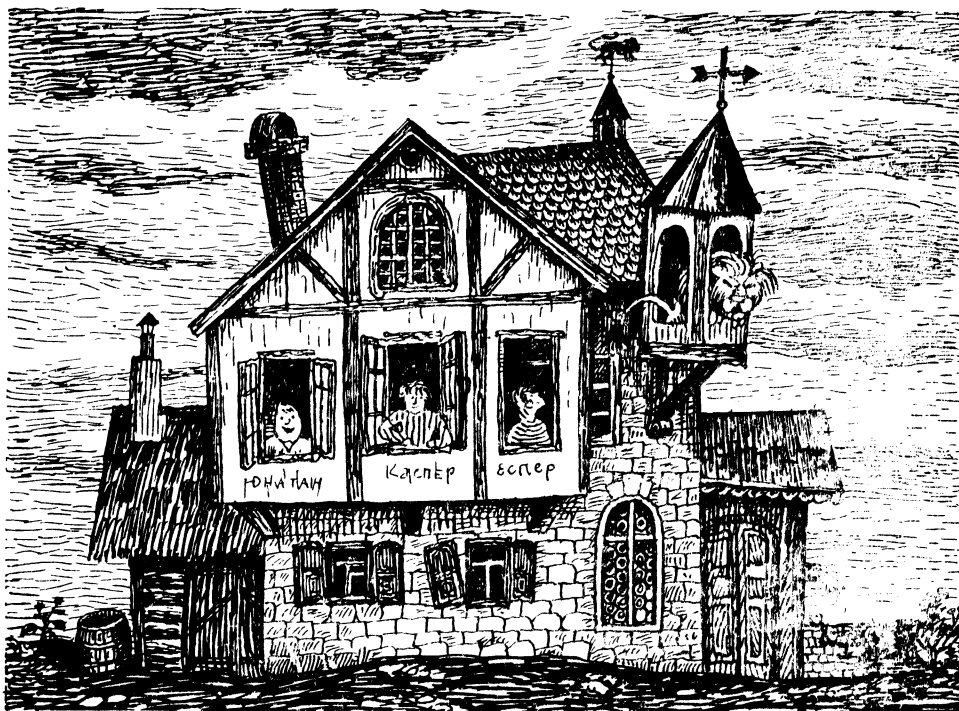
— Да это я и сам знаю, — бурчал Еспер.

— И потом, — продолжал Каспер, — не забывай, что лев — это лучший сторож, о каком только можно мечтать. Ни Гастнан, ни кто другой просто не осмелится прийти и схватить нас, пока у нас в доме есть лев.

— И верно ведь, Еспер, — вставлял Юнатан.

— Да конечно, конечно, — отвечал им Еспер, — но я всё равно говорил и говорю, что жить с этим львом под одной крышей мне неприятно!

Вот такие мелкие перебранки затевали между собой трое разбойников по нескольку раз на день. И из-за чего они только не ссорились!

— Не пора ли нам перекусить? — спрашивал, например, Юнатан.

— Пора, — отвечал Каспер. — Чур, Еспер сегодня готовит!

— Нет, пусть Юнатан готовит, раз он больше всех ест, — возражал Еспер.

— Да я же на этой неделе каждый день готовил обед! — возмущался Юнатан. — Хватит с меня!

— Тогда пусть Каспер готовит, — упряился Еспер.

— А по-моему, Еспер должен готовить, — настаивал Каспер.

— И по-моему тоже, — говорил Юнатан.

— Но где же справедливость? — негодовал Еспер. — Ведь я один съедаю меньше, чем вы вдвоём!

Во время одной такой перебранки они вдруг услышали, что лев ходит взад и вперед по соседней комнате и недовольно ворчит. Трое разбойников прислушались и встревоженно переглянулись.

— Лев, кажется, злится, — сказал Еспер.

— Он, наверное, голодный, — заметил Юнатан.

— Отдайте-ка ему остатки сосисок, — распорядился Каспер.

— Сосисок больше нет, — сказал Еспер.

— Нет? — удивлённо переспросил Каспер.

— Юнатан съел все сосиски, — сказал Еспер.

— Кажется, я их и правда доел, — признался Юнатан.

— Тогда дайте ему кусок копчёного окорока, что висит у нас на чердаке, — сказал Каспер.

— Никаким окороком у нас на чердаке и не пахнет, — ответил Еспер.

— Как, и окорока уже нет?

— Юнатан доел всю ветчину.

— Неужели это правда? — заорал Каспер.

— Вообще-то вполне возможно, — пробормотал Юнатан. — Что ж делаешь, не сидеть же голодному.

— Ну и ну, выходит, в доме нет никакой львиной еды? — спросил Каспер.

— Выходит, что нету, — согласился Юнатан.

— Вот видишь, Каспер, — сказал Еспер, — вот он каков, этот Юнатан. Поэтому я и говорю, пусть он сам готовит еду.

— Да готовить-то не из чего, — ухмыльнулся Юнатан.

— Как, и человеческой еды уже нету в доме? — взревел Каспер, не на шутку рассердившись.

— Не-а, нету, — ответил Юнатан.

— Ах вот как! — сказал Каспер. — Тогда у нас выход один: сегодня же ночью идти разбойничать!

— Вот и отлично, — обрадовался Юнатан. — Нам самое время запастись всякой всячиной.

— Как только стемнеет, мы двинемся в путь, — сказал Каспер.

— Мы двинемся в путь, — повторил Еспер.

— С мешком и с ведром, — сказал Каспер.

— С мешком и с ведром, — отозвался Юнатан.

Разбойники уселись, сложили руки на коленях и стали ждать, когда стемнеет. А как только стемнело, они заперли свой дом на замок и отправились в город разбойничать. И по дороге напевали такую песенку:

Мы все на цыпочках идём,
 Пускаясь за добычей,
 Совсем немного мы крадём —
 Таков у нас обычай.

Спустилась ночь на Кардамон,
И в сон весь город погружён.

Кто всегда осуществляет
Самый смелый план?
Это Каспер, это Еспер,
Это Юнатап.

Пробравшись к булочнику в дом,
Мы, трое осторожных,
Немного хлеба заберём
И несколько пирожных.

Да, может случиться, Юнатап
Набьёт коврижками карман.

Кто утащит тут немного
И немного там?
Это Каспер, это Еспер,
Это Юнатап.

Заходим в лавку мясника,
Берём бифштексы с кровью.
Бифштексы и окорока
Полезны для здоровья.

А вот телячья голова —
Какое лакомство для льва!

Кто утащит тут немного
И немного там?
Это Каспер, это Еспер,
Это Юнатап.

Во мраке ночи мы втроём
Разбойничаем дружно.
Один мешок набьём добром,
А больше нам не нужно.

Пока весь свет окутан тьмой,
Бежим домой, бежим домой!

Кто ночами, кто почами
Бродит тут и там?
Это Каспер, это Еспер,
Это Юнатап.

Глава третья

МЯСНИК СЕРДИТСЯ, БАСТИАН ОГОРЧАЕТСЯ, А СИЛИУС НИКАК НЕ СДВИНЕТ С МЕСТА СВОЕГО ОСЛА

Кардамонский мясник страшно рассердился. Да и как было не рассердиться? Войдя утром в свою лавку, он обнаружил, что ночью в ней побывали разбойники и украли четыре конченных окорока, пять кругов колбасы, три куска свиного сала и телячью голову, не говоря уже о бифштексах и сосисках. Мясник был человек добродушный, но тут он ступил кулаком по прилавку и закричал:

— Я сейчас же иду к Бастиану! Расскажу ему всё про разбойников, и пусть он немедленно их арестует!

Сказано — сделано. Мясник тут же отправился на поиски Бастиана и встретил его на городской площади.

— Так больше продолжаться не может! — сердито заявил мясник.

— Ну конечно, не может, — сразу согласился добрый Бастиан. — Да, кстати, а что не может продолжаться?

— Сегодня ночью у меня в лавке побывали разбойники!

— Боже мой, как это неприятно, — огорчился Бастиан.

— Это просто безобразие! — воскликнул мясник.

— Конечно, безобразие, — подтвердил Бастиан. — Может быть, они к тому же что-нибудь у тебя взяли?

— Ещё бы не взяли! — сказал мясник. — Четыре конченных окорока, пять кругов колбасы, три куска свиного сала, телячью голову, да сверх того уйму бифштексов и сосисок!

— Такие печальные новости в такой чудесный день, — ещё больше огорчился Бастиан.

— Надо что-то делать! — потребовал мясник.

— Да, безусловно, — ответил Бастиан. — Сейчас я запишу это в мою записную книжечку.

— Разбойников надо арестовать! — закричал мясник. — И немедленно!

— Ну-ну, зачем же так спешить? Последними — людей напомним, — возразил Бастиан. — Сначала запишем, а потом поразмыслим хорошенько, что тут можно сделать. Тихе едем — дальше будем!

Но мясник пришёл в такую ярость, что повёл себя почти неприлично.

— Что тут размышлять? — завопил он. — Этих разбойников давным-давно пора арестовать!

Бастиян грустно покачал головой и сказал:

— Послушай, дорогой мясник! А тебе приходилось когда-нибудь арестовывать людей, у которых есть лев?

— Нет, — ответил мясник, — но я же не главный в городе, а ты — главный!

— Да, но ведь и я перестану быть главным, если лев меня съест, — возразил Бастиян.

Мясник смутился:

— Прошу прощения, уважаемый Бастиян, об этом я как-то не подумал.

— К тому же сегодня и день неподходящий, чтобы мне кого-то арестовывать, — сказал Бастиян. — Ты же знаешь, завтра у нас Праздник Лета и Солнца, и у меня сейчас хлопот — полон рот. В парке на старой сцене будет концерт, выступит городской оркестр, будет музыка, пение и всё такое прочее.

— Ну конечно, — сказал мясник. — Да нет, я только хотел рассказать, как всё было.

— Но я, не теряя времени, начну обдумывать это дело, — заверил его Бастиян. — Вот прямо сейчас пойду по улице и буду думать.

И Бастиян пошёл по улице и стал обдумывать дело о разбойниках. И обдумывал его очень глубоко, но... не очень долго. Потому что он вдруг заметил толпу людей, которые стояли среди улицы и на что-то смотрели.

— Что здесь происходит? — спросил Бастиян, подойдя поближе.

— Да вот осёл Силиуса никак не хочет дальше идти, — объяснил ему парикмахер Сёренсен.

— Нет, вы видали что-либо подобное? — кипятился хозяин осла Силиус. — У этого осла ни стыда, ни совести! Его же с места не сдвинешь!

— Ты остановил всё движение на улице, мой добрый Силиус, — укоризненно заметил Бастиян.

— Ну да, остановил! — ответил Силиус. — Что ж я, виноват, что этот упрямец не желает идти!

— Скажи, пожалуйста, а груз в тележке тяжёлый?

— Какой там тяжёлый, несколько пустых мешков из-под картошки.

— Мы сейчас поможем тебе столкнуть с места твоего осла, — сказал Бастиян. — Идите-ка все сюда!

И все стали помогать: и парикмахер Сёренсен, и школьный учитель, и сапожник, и трамвайный кондуктор. Кто тянул осла сзади, а кто сзади подталкивал.

— Н-но, пошёл! — кричали они.

А осёл — осёл стоял как вкопанный. Нисколючко, ну ни капельки не подвинулся.

— Да что ж это такое, в самом-то деле! — возмутился Бастиан.

А Силиус взглянул на него и сказал:

— Да, вот такое это животное! Представляете себе, у него ведь хватит упрямства и сегодня весь день, и завтра так простоять! Если только этот бессовестный осёл вдруг не передумает. Или не начнёт пятиться задом!

— Сегодня и день ужасно неподходящий, чтобы вот так стоять и ни с места, — сказал Бастиан. — Ты же знаешь, Силиус, какой у нас завтра праздник, у меня и без того хлопот — полон рот.

— Да уж, — мрачно сказал Силиус, — надо бы хуже, да некуда.

Как раз в это время на улице появился старый Тобиас.

— Вон Тобиас идёт, — обрадовался парикмахер Сёренсен. — Уж он-то обязательно что-нибудь придумает, он ведь у нас самый умный

А Силиус посмотрел на Тобиаса и растерянно сказал:

— Извини, пожалуйста, Тобиас. Посоветуй, как мне быть. Понимаешь, мы вот тут стоим. То есть, не мы, а осёл стоит. С места не желает сдвинуться. И трамвай из-за него стоит, не может дальше ехать. И Бастиан вот тоже с нами стоит. Скажи, ну что мне, бедному, делать?

— Гм, — задумался старый Тобиас. — Вот что: отцепи-ка для начала тележку, а там посмотрим.

— Да что ты, это не поможет, — сказал Силиус, но всё же сделал, как Тобиас велел.

— А теперь, Силиус, — продолжал Тобиас, — теперь подкати тележку вот сюда и поставь её сбоку от осла, вот так. Ну, а теперь мы дружно возьмёмся, поднимем эту строптивую скотинку и поставим её на тележку: раз-два, взяли!

И они все вместе подняли осла и поставили на пустую тележку. Но он и там продолжал стоять всё так же неподвижно. И вид у него был всё такой же упрямый.

— Ну вот, — сказал Тобиас. — А теперь, Силиус, тебе остаётся лишь взяться самому за оглобли и отвезти своего осла домой.

Бедный Силиус впрягся в тележку и поволок её домой. А осёл стоял себе удобенько наверху и радовался, что может спокойно ехать на тележке, вместо того чтобы самому её тащить. «Хи-ха! Хи-ха!» — говорил он. Ослы всегда так говорят, когда им что-нибудь правится.

— Баловство одно, — ворчал Силиус.

Но порядок был восстановлен, движение в Кардамопе снова наладилось, и трамвай с пассажирами продолжал свой путь по обычному маршруту: от городских ворот до моста и обратно.

Силиус уже скрылся из виду, а остальные всё не расходились. Они смотрели вслед Тобиасу и говорили:

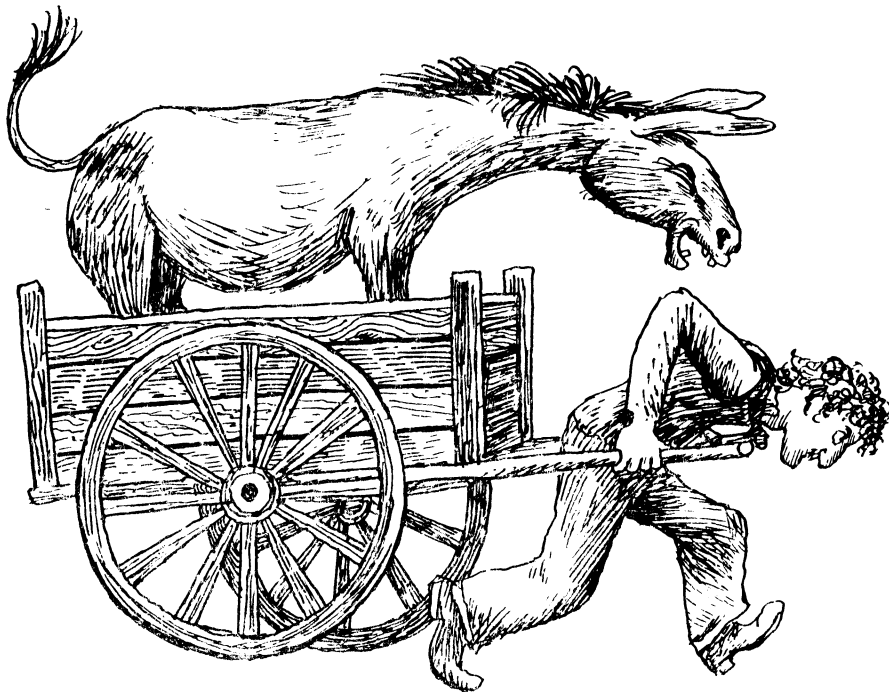
— Ну и Тобиас! До чего ж умён! Светлая голова!

— Да, — спохватился вдруг парикмахер Сёренсен, — мне ведь надо поторапливаться, у нас вот-вот репетиция начнётся. Сами знаете, какой завтра день!

И он заспешил в свою парикмахерскую. А там его уже ждали трое добрых друзей: молочник, барабанщик и портной. Все они пришли со своими инструментами. Ведь сегодня у кардамонского городского оркестра последняя репетиция накануне большого праздничного дня.

— Давайте скорей начинать, — сказал парикмахер Сёренсен. — Три-четыре!

И они заиграли новый «Кардамонский марш», который разучивали к Празднику Лета и Солнца.

Глава четвёртая

МАЛЕНЬКУЮ КАМОМИЛЛУ НЕ ПУСКАЮТ НА ПРАЗДНИК В ГОРОДСКОЙ ПАРК

И вот наконец настал Праздник Лета и Солнца в городе Кардамоне. Всё началось с того, что рано утром музыканты кардамонского городского оркестра в белых фуражках и с цветами в петлицах выстроились на главной площади и сыграли «Кардамонский марш».

А день был чудесный! Солнце ярко светило, дома были украшены цветами, флаги весело полоскались на высоких мачтах. Дети в этот день не учились, а взрослые не работали. И все надели нарядное воскресное платье, хотя это был просто-напросто вторник.

Из окрестностей Кардамона люди съезжались в город в пёстрых расписных повозках. У осликов висели на шее венки из цветов, а на голове развевались кисти из разноцветных бумажных полосок. Красота была необыкновенная!

Все шли в этот день в парк. Впрочем, нет, не все. Маленькая Камомилла не шла в парк. Тётушка София её не пустила. И ей было очень обидно: ей ведь тоже хотелось побыть на празднике вместе со всеми, погулять в парке и послушать музыку и пение. Но что ж поделаешь. Уж если тётушка София сказала «нет», значит, нет никакой надежды. Ведь тётушка София такая сердитая и сварливая, что даже сам Бастиан её побаивается.

Камомилла села за пианино и начала разучивать свой урок по музыке, потому что, когда играешь, всегда становится легче на душе.

И как раз когда она сидела и играла маленький вальс, мимо её дома проезжал верхом на ослике её лучший друг Томми. Камомилла играла так красиво, что Томми остановился у неё под окном и заслушался. А Камомилла под собственную музыку пела тоненьким голоском:

Ах, как я стараюсь,
Клавишей касаюсь —
Раз, и два, и три,
Раз, и два, и три.
Главная забота —
Не нарушить счёта,
Раз, и два, и три,
Раз, и два, и три.
Кто играет долго,
Тот добьётся толка,
Раз, и два, и три,
Раз, и два, и три.

Стану я постарше —
Вальсы, польки, марши
Приходи послушать —
Не забудь, смотри!
Раз, и два, и три.

— Камомилла, а Камомилла! — крикнул Томми.

И Камомилла выглянула в окно.

— Как ты хорошо играешь! — сказал Томми.

— Правда? — спросила Камомилла, просияв от удовольствия.

— Мой папа тоже здорово играет, — сказал Томми. — Только не на пианино, а на трубе.

— Труба звучит очень красиво, — сказала Камомилла.

— Сегодня городской оркестр будет выступать в парке, так что ты сама услышишь, как он играет, — продолжал Томми.

— Да нет, я ведь никуда не пойду, — ответила Камомилла.

— Почему же? — удивился Томми.

— Тётушка Софья говорит, всякие праздники и развлечения — это не для маленьких девочек. И поэтому мы обе, и я и тётушка Софья, останемся дома.

— Это обидно и досадно, — сказал Томми. — Если бы тебе разрешили пойти в парк, ты бы могла покататься верхом на Понтиусе. — Так звали его ослика.

— Да, это досадно и обидно, — сказала Камомилла.

— А ты не можешь удрать из дома незаметно для тётушки Софьи? Хочешь, я помогу тебе вылезти в окошко? — предложил Томми.

Но Камомилла грустно покачала головой:

— Нет, так я не могу.

— Ну, тогда надо ещё что-нибудь придумать. — Томми думал изо всех сил, но так ничего и не придумал — дело-то было не из лёгких. — Знаешь что, — сказал он, — влезу-ка я на башню да спрошу старого Тобиаса, уж он наверняка что-нибудь посоветует.

— Думаешь, посоветует?

— Конечно, вот увидишь!

И Томми помчался к старому Тобиасу.

— Маленькую Камомиллу не пускают на праздник, — пожаловался он. — Правда же, это обидно?

— Конечно, ужасно обидно, — согласился Тобиас. — Мы непременно должны ей помочь.

И они стали вместе думать, как бы это сделать.

— Послушай-ка, Томми, — сказал Тобиас, — я, кажется, знаю способ: нужно, чтобы кто-нибудь уговорил тётушку Софию пойти в парк на праздник. Потому что если она сама пойдёт, то нельзя же будет оставить Камомиллу одну дома. И придётся взять её с собой!

— Отличный способ! — обрадовался Томми.

— Отличный и вполне приличный, да только трудный. Тут главное — пайти подходящего человека.

И они опять стали думать, кто бы мог уговорить тётушку Софию пойти на праздник.

— А что, если мне самому попробовать? — сказал Тобиас.

— Вот это и был бы самый подходящий человек, — одобрил Томми.

Не откладывая дела в долгий ящик, Тобиас надел своё воскресное платье, и немного погодя он уже стучался в дверь к тётушке Софии. Тётушка София открыла ему сама.

— Это вы? — удивилась она.

— Да, это я. Я пришёл пригласить вас на Праздник Лета и Солнца.

— Нет, благодарю. Я не могу. Мне придётся остаться дома с Камомиллой.

— Но почему же, разве маленькая Камомилла не может пойти вместе с нами? — спросил Тобиас.

— Нет! — строго ответила тётушка София. — Она ещё слишком мала для всяких праздников и развлечений.

— Вовсе она не мала и не велика, а в самый раз! Ведь там же будет праздничное представление для детей и взрослых. И я, например, обещал Бастиану, что тоже выступлю со своей песенкой.

— Вот как? — Тётушка София почесала себе перепосицу и задумалась. — М-да! — сказала она наконец. — Что ж, тогда я, пожалуй, пойду.

— Очень приятно! — воскликнул Тобиас.

— Ладно, посмотрим, — буркнула в ответ тётушка София.

— Ура! — закричала Камомилла.

— Пожалуйста, никаких ура! — прикрикнула на неё тётушка.

И они все вместе отправились в парк: тётушка София, Камомилла, старый Тобиас и Томми со своим осликом Понтиусом.

— Если Камомилла хочет, она может покататься на Понтиусе, — предложил Томми.

— Ой, конечно, хочу! — закричала Камомилла.

И старый Тобиас поднял её и усадил верхом на Понтиуса. А Томми пошёл сбоку, держа ослика за уздечку.

— Камомила теперь, чего доброго, будет делать без спросу всё, что захочет, — недовольно ворчала тётушка София.

Вот так они все четверо и пожаловали на праздник, одна приехала верхом, а трое пришли пешком.

Глава пятая

КАРДАМОНСКИЙ ПРАЗДНИК ЛЕТА И СОЛНЦА

Когда старый Тобиас, тётушка София, маленькая Камомила и Томми с Понтиусом пришли в парк, то первым, кого они встретили, был, разумеется, сам Бастиан.

— Здравствуй, Тобиас! — сказал он. — Спасибо тебе за хорошую погоду. Здравствуйтесь, тётушка София! Очень приятно, что и вы пришли.

И он побежал дальше, у него ведь было столько забот.

В парке играла музыка, крутились карусели, раскачивались качели, мелькали знакомые лица. А ещё там был слон, большой-пребольшой, высокий-превысокий, и на самом верху, у слона на спине, были устроены места для сидения. Добрый старый Тобиас тут же купил билеты на слона, и они вчетвером прокатились по парку. А ослика Понтиуса пришлось привязать к дереву.

Когда время подошло к пяти часам, народ стал рассаживаться на скамейках перед старой театральной сценой. Все ждали большого праздничного концерта. Но Тобиас был не простой зритель, он ведь сам собирался выступить со своей песенкой. И поэтому он, а с ним и его спутники получили места в первом ряду. Старый Тобиас был очень доволен. И даже тётушка София чуточку подобрела и повеселела.

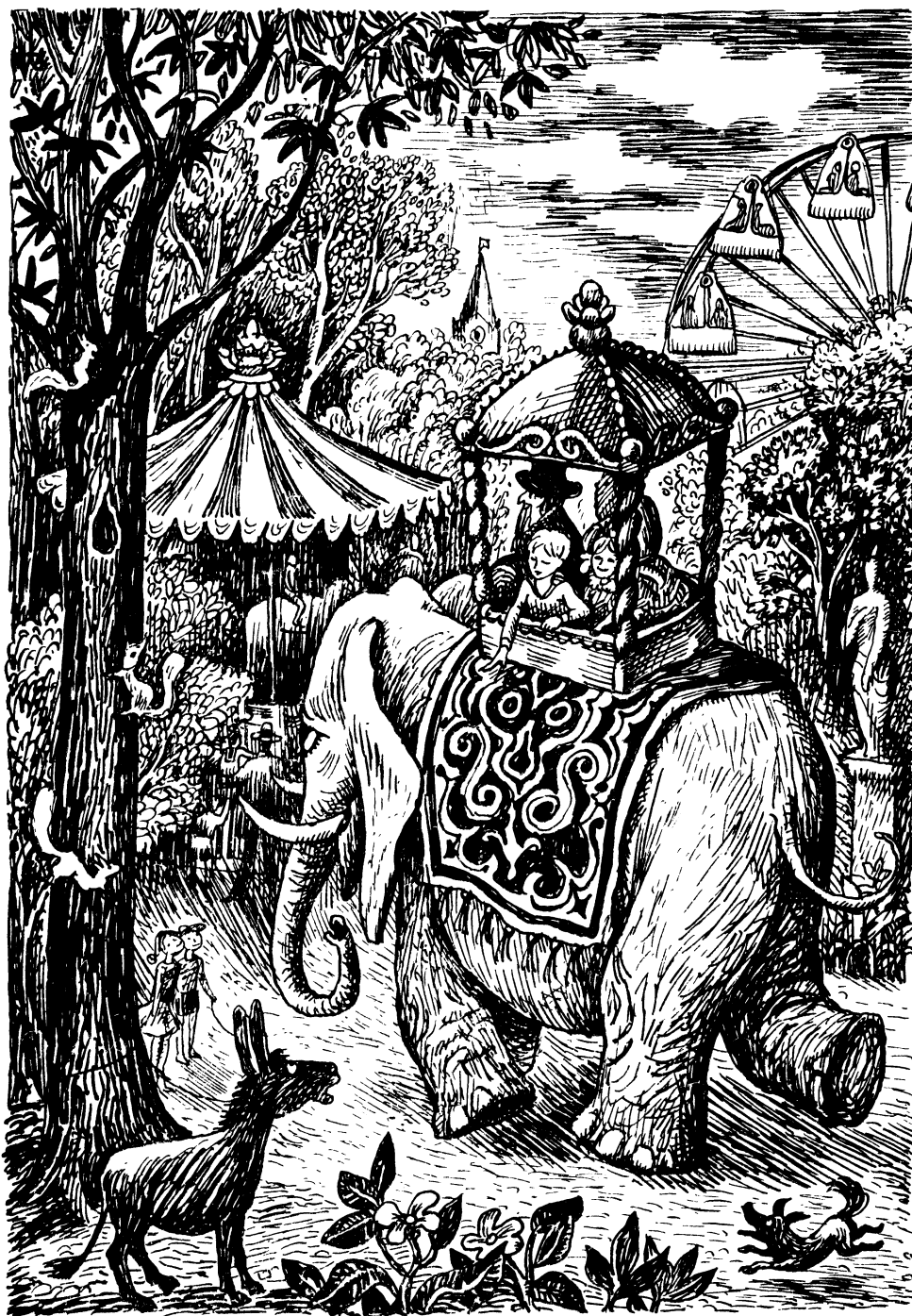
Перед самым началом концерта к первому ряду вдруг подбежал Бастиан. Было заметно, что он волнуется.

— Дорогая София, — сказал Бастиан, — случилась ужасная неприятность: наша певица так долго упражнялась, что совсем охрипла! Вы бы не могли спеть вместо неё какую-нибудь песенку?

— Нет! — сказала тётушка София.

— Ну пожалуйста, спойте, а? Нам было бы так приятно!

— Нет! Я знаю всего одну песню, и она совсем не подходит для праздника.

— Что вы! Нам любая песня подойдёт. Ну пожалуйста, не отказывайтесь, скажите, что вы согласны!

И, к всеобщему изумлению, тётушка София ответила:

— Ну ладно уж, спою. Но тем хуже для вас, потому что песня совершенно неподходящая.

— Огромное вам спасибо! — радостно воскликнул Бастиан.

Он весело вспрыгнул на сцену, раздвинул занавес — и праздничное представление началось.

Сперва оркестр сыграл марш. Потом вышел Бастиан и произнёс приветственную речь.

— Дорогие друзья! — сказал он. — Поздравляю вас с Праздником Лета и Солнца! Я очень рад видеть вас здесь, на нашем большом концерте для детей и взрослых! Первый номер, который вы только что прослушали, назывался «Кардамонский марш». Вторым номером нашей программы выступит наш общий друг Тобиас. Он споёт песенку о том, какая бывает погода, когда ветер дует с востока и с запада, с севера и с... ну, в общем, ещё с одной стороны, не могу сейчас вспомнить, с какой. Пожалуйста, Тобиас!

И Тобиас спел, и ему очень много хлопали.

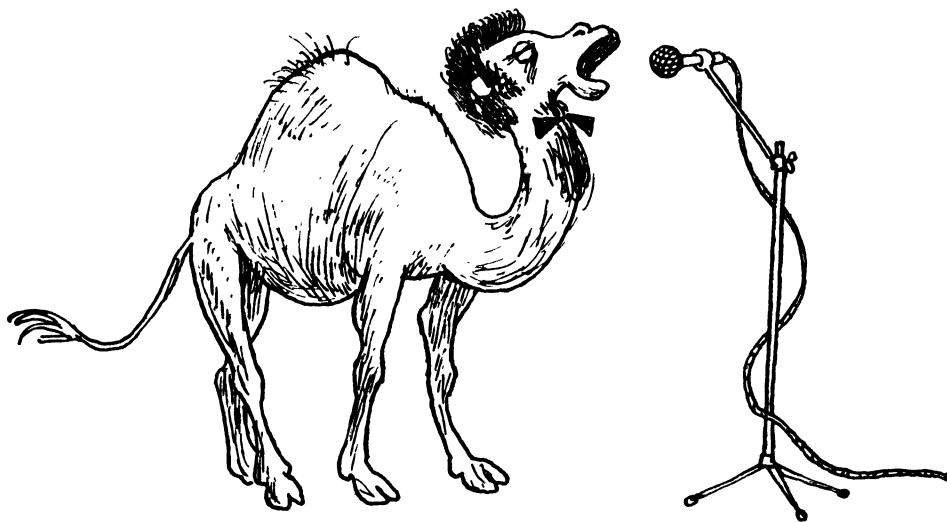
— Огромное спасибо, Тобиас, очень хорошая песенка, — сказал Бастиан. — А теперь, дорогие друзья, перед вами выступит собачий хор города Кардамона в следующем составе: Джерри, Бубби, Лапка, Рекс и собака парикмахера Сёренсена. Они споют песенку «Братец Яков, спишь ли ты?». Три-четыре!

Собаки запели, и у них получалось очень красиво.

— Огромное спасибо! — сказал Бастиан. — Четвёртый номер нашей программы будет тоже совершенно необычный: перед вами выступит говорящий верблюд! Верблюды, умеющие говорить, встречаются очень редко, а этот верблюд уж и вовсе редкий, потому что он ещё и петь умеет. Вот он перед вами, говорящий верблюд, который споёт вам свою песенку!

Верблюд поклонился и запел басом:

Я живу в пустынях Азии,
Грузы тяжкие таскаю.
Впрочем, для разнообразия
Я и в Африке бываю.
Что вы так глядите, зрители,
Будто перед вами чудо?
Неужели вы не видели
Говорящего верблюда?

Верблюду хлопали до тех пор, пока он не спел свою песенку ещё раз. Только после этого Бастиан снова вышел на сцену и объявил следующий номер.

— Итак, дорогие друзья, — сказал он, — мне посчастливилось уговорить тётушку Софию, чтобы она тоже спела нам песенку. Правда, она говорит, что её песенка не подходит для нашего праздничного концерта, но я-то уверен, что она прекрасно подойдёт. Пожалуйста, тётушка София!

И София запела:

Ах, как я зла, ах, как я зла,
Терпеть уже невмочь,
Здесь в Кардамоне глупости
Творятся день и ночь.
Вот если б стали все, как я,
Пошло бы всё на лад.
Но нет, об этом здесь у нас
И слушать не хотят.
АХ!

Вот Бастиан — он очень добр,
И всеми он любим.
Таким ли надо быть ему?
Нет, нет, совсем другим!
Суровым быть и всех ругать
Положено ему.

Как можно чаще должен он
Сажать людей в тюрьму.
ВОТ!

А наш вожатый депь-депёской
Смеётся и поёт.
Но он совсем не должен петь
И развлекать народ.
Все знают, что вожатому
Положено не петь,
А молча свой трамвай вести
И лишь в звонок звенеть.
ДА!

Мальчишки в нашем городе
Овсянки не едят,
А лопают пирожное,
Пломбир и мармелад.
Будь я на месте их мамаш,
Умыла б их чуть свет.
И никому бы не дала
Ни тортов, ни конфет.
НЕТ!

А наш прекрасный Бастиан
Спокойно смотрит сон,
Когда разбойники во тьме
Крадутся в Кардамон.
Но пусть они придут сюда —
Подкараулю их
И здесь без вашей помощи
Поймаю всех троих.
ДА!

— Вот такая песня! — сказала тётушка София. Она быстро спустилась и села на своё место.

Зрители смеялись — почти все. А кто не смеялся? Как ты думаешь?

Когда Бастиан вышел на сцену, он почему-то даже не улыбался.

— Огромное спасибо! — сказал он с серьёзным лицом. — Очень... э-э... забавная песенка, спасибо! А теперь опять выступят наши собачки, потому что собачий хор разучил ещё одну вещь. Это старинная песенка о спящей красавице, которая проспала сто лет.

Бубби и её друзья вышли и затянули на свой собачий лад песню о спящей красавице. И всё шло хорошо, пока они не допели до середины. Но

тут вдруг на сцене поднялась невообразимая кутерьма, вместо пения слышалось грозное рычание, а затем оглушительный лай. Публика хохотала, держась за животы. А Бастиан, красный от смущения, вышел и сказал:

— Извините нас, пожалуйста, произошло небольшое недоразумение. Во всём виновата чёрная кошка, которая забежала на сцену. Но сейчас её хозяин Силиус заберёт её отсюда, и мы попробуем начать песенку сначала. Пожалуйста, три-четыре!

На этот раз всё сошло благополучно, спящая красавица проспала сто лет и проснулась. И на этом концерт окончился.

Бастиан поблагодарил зрителей за то, что они не скупились на хлопки, и сказал, что в парке их ждут карусели, качели и другие весёлые развлечения.

— А если кому-нибудь захочется, то можно будет даже покататься верхом на говорящем верблюде, — добавил он. — Но только предупреждаю: разговаривать с верблюдом во время катания строго воспрещается!

Глава шестая

ПРО ТЕХ, КОГО НЕ ПОЗВАЛИ НА ПРАЗДНИК

В парке продолжалось весёлое гулянье. А снаружи за оградой уныло вздыхали три человека, которых никто не позвал на большой кардамонский праздник. Это были разбойники Каспер, Еспер и Юнатан. Они залезли на высокое дерево, где их никто не мог увидеть, и оттуда смотрели на качели, карусели и на всё остальное.

— Здорово они там веселятся! — сказал Юнатан.

— Подумаешь, мы здесь тоже веселимся, — проворчал Каспер.

— Ну нет, мы всё-таки не так, — возразил Еспер.

— Я вот не разберу, что это они там такое едят? — спросил Юнатан.

— Небось обыкновенные сосиски, — буркнул Каспер.

— Нет, не сосиски. Это что-то белое, с круглым верхом, и они всё время лижут его.

— Да ну, небось что-нибудь невкусное, — не очень уверенно сказал Каспер.

И они перестали об этом говорить.

— Глядите, какой слон! — сказал Юнатан.

— Везёт им, они и на слоне покататься могут! — позавидовал Еспер.

— Правда, вот бы попробовать проехаться разок, — сказал Юнатан.

— А знаете, что мы можем сделать? — оживился Еспер. — Мы можем подождать, пока кончится праздник, а потом ночью взять и украсть слона!

— Скажешь тоже! — ответил Каспер. — Никакой слон нам абсолютно не нужен!

— Как это — не нужен? Очень даже нужен!

— Да для чего он нам?

— Ну, например, когда мы разбойничаем, можно ехать верхом туда и обратно! И мешки тяжеленные на себе носить не придётся, — сказал Еспер.

— Конечно, — поддержал его Юнатан. — А главное, мы за один раз гораздо больше сможем украсть!

— Неужели вам не ясно, что нельзя брать с собой слона, когда мы идём разбойничать? — сказал Каспер.

— Это почему же?

— Да потому! Ну, подумай своей головой: как мы протащим его в дверь, когда заберёмся в мясную лавку?

— И правда ведь, Еспер, — согласился Юнатан.

— А как бы, интересно, он лазал за нами вверх и вниз по всем лестницам? — продолжал Каспер.

— Ну ладно, тогда не будем красть слона, — разочарованно сказал Еспер.

Они посидели, помолчали. Потом Еспер печально сказал:

— А всё-таки это ужасно грустно, что нас никто никогда не пригласит на такой вот праздник.

— Да, обидно, — вздохнул Юнатан, — в такие дни они, уж наверное, и едят что-нибудь особенно вкусное.

— Нам и так распрекрасно живётся, — сердито сказал Каспер.

— И потом, ещё очень обидно, — продолжал Юнатан, — что мы никогда не можем покататься на трамвае.

— Да это небось ничуть не интересно, — сказал Каспер.

— Ещё как интересно! — возразил Юнатан.

Тут Еспер хитро улыбнулся:

— А у меня есть отличная идея!

— Ну так выкладывай, что за идея, — нетерпеливо потребовал Юнатан.

— Всё очень просто. Здесь сидим мы. В парке гуляют кондуктор с вагоновожатым. А вон там стоит трамвай — один-одинёшенек!

— Ага! — обрадовался Юнатан. — Я, кажется, понимаю, к чему ты клонишь!

— Давайте украдём трамвай!

— Давайте!

Трое разбойников поспешно слезли с дерева и прокрались к одинокому трамваю.

— А думаешь, он у нас поедет? — усомнился Каспер.

— Не бойся, — успокоил его Еспер. — Это штука нехитрая: тут поверти, там покрути да в звоночек позвони — он и поедет!

Так они и сделали — и трамвай действительно поехал! Каспер стоял впереди и управлял, а Еспер с Юнатаном ходили по вагону и всё с любопытством осматривали.

— Ой, Юнатан, гляди-ка! — крикнул вдруг Еспер. — Целый ящик пряников!

— Ух ты, вот это да! — обрадовался Юнатан. — Это же именно то, чего мне так не доставало!

— Каспер! Каспер! Останови трамвай! Ты только посмотри, что мы нашли! — закричали они.

— Что там такое?

— Целый ящик пряников!

— Дайте-ка мне попробовать! Ум-м, до чего вкусно! Кажется, это ванильные!

— Нет, ты не угадал, — со знанием дела возразил Юнатан. — Это кардамонные пряники.

— Но зачем им понадобилось держать в трамвае пряники — ума не приложу, — удивлялся Каспер.

— Наверное, кто-нибудь просто вёз их, а потом и забыл весь ящик в трамвае, — предположил Еспер.

— Вот уж никогда бы не подумал, что можно забыть ящик с кардамонными пряниками, — сказал Юнатан.

— Мы заберём его с собой! — распорядился Каспер.

Трое разбойников благополучно доехали на трамвае до самых городских ворот. Ну, а дальше трамвай не ходил. Они подхватили ящик с пряниками и пешочком отправились домой. Теперь-то уж они отпразднуют День Лета и Солнца!

Глава седьмая

ТРАМВАЙ ПОТЕРЯЛСЯ

Праздник в Кардамоне ещё не кончился, и никто не думал ни о чём, кроме развлечений, пока вагоновожатый не обнаружил пропажу: трамвай исчез с остановки! Вагоновожатый пришёл в ужас и бросился искать Бастиана. А Бастиан как раз только что слез с говорящего верблюда, на котором он катался.

— Бастиан, Бастиан! — крикнул ему вагоновожатый. — Трамвай украли!

— Не может этого быть! — ответил Бастиан.

— Правда украли. Да вы сами посмотрите — нет же его!

— А точно ли он стоял здесь на остановке?

— Совершенно точно!

— А кондуктор не мог один поехать прокатиться?

— Не мог!

— Ну, тогда это просто загадочное происшествие, — сказал Бастиан.

— Чудеса, да и только! — подтвердил вагоновожатый.

— К тому же сегодня и день ужасно неподходящий, чтобы трамвай пропадал, — огорчился Бастиан. — У меня и так хлопот — полон рот. Ну ладно, запишу это в свою записную книжечку.

Трамвайный кондуктор катался тем временем на карусели. Когда карусель остановилась, он слез и подошёл к вагоновожатому.

— Карусель — это прелесть! — сказал кондуктор.

Но вагоновожатому было не до того.

— Трамвай украли! — сказал он.

— Как, весь трамвай? — испугался кондуктор.

— Весь трамвай!

— Ну и дела!

В этот момент Бастиан поднял глаза от записной книжечки и спросил:

— Послушайте, а трамвай может ехать не по рельсам?

— Нет, уважаемый Бастиан. Это абсолютно невозможно.

— Но ведь в таком случае он должен находиться где-то между парком и городскими воротами?

— Совершенно верно, уважаемый Бастиан.

— Ну, тогда мы его сейчас найдём! — радостно воскликнул Бастиан и облегчённо вздохнул. — Именем закона, пошли за мной! — приказал он.

И они пустились на поиски трамвая.

Трамвай стоял у городских ворот. И первым, кто его увидел, был сам Бастиан.

— Вот он, пожалуйста, ваш трамвай! — гордо сказал он.

— Правда, — обрадовались остальные, — нашёлся!

— Цел и невредим, — сказал вагоновожатый и, подойдя поближе, ласково похлопал трамвай по боку.

— Только ящик с пряниками куда-то делся, — сказал кондуктор.

— Неужели украли? — удивился вагоновожатый.

— Да ладно, это пустяки, — сказал Бастиан. — За сегодняшний день все так наедятся пряниками, что завтра вполне без них обойдутся.

— И то верно, — согласился вагоновожатый.

— Ну вот, — сказал Бастиан. — А теперь и на праздник можно вернуться.

— Тогда, пожалуйста, входите и садитесь, — пригласил кондуктор. И они поехали обратно в парк.

Глава восьмая

ЮНАТАНУ ПРИХОДИТ В ГОЛОВУ НОВАЯ БЛЕСТЯЩАЯ ИДЕЯ

После прогулки на трамвае Каспер, Еспер и Юнатан много дней подряд сидели дома. А дома у них было, как всегда: пыль, грязь и всё перевернуто вверх дном. Разбойники только и делали, что ссорились, кому делать то, а кому это, но дело с места не двигалось.

Беспорядок в доме становился всё ужасней. Никто из них не любил прибираться — поэтому никто и не прибирался. Никто не любил мыть посуду — никто её и не мыл. Одежду свою они бросали где попало, грязную посуду оставляли где придётся, найти было ничего невозможно. И три разбойника целыми днями ходили взад-вперёд, натываясь друг на друга, и что-нибудь искали: штаны или рубашку, кастрюлю, сковородку или чашку. И вот какую они пели песенку:

Где мои чулки?
Где мои шнурки?
Где моё белье?
Где моё пальто?
Где моё... моё...
Сам не знаю что.

Кто сожрал творог?
Кто украл пирог —
Тут лежал кусок
На сковороде?

Где пакет с кокосами?
Банка с абрикосами?
Ящик с папиросами?
Где? Где? Где?

Где тарелка? Ложка? Вилка?
Кружка и стакан?
Где же Каспер, где же Еспер,
Где же Юнатан?

— Нам нужна женщина в доме, — решительно сказал Каспер.

— Чтобы следила за порядком, — поддержал его Еспер.

— И готовила вкусную еду, — мечтательно проговорил Юнатан.

— Да, — повторил Каспер, — нам необходима женщина, чтобы вести для нас хозяйство.

— Только кто же согласится поступить к нам на службу? — сказал Еспер.

— А что, если нам кого-нибудь украсть?! — предложил вдруг Юнатан.

И все трое сразу загорелись этой мыслью.

— Надо такую, чтоб умела ухаживать за поросятами и львами! — сказал Каспер.

— И чтобы умела весь дом содержать в чистоте и порядке! — сказал Еспер.

— И чтобы умела вкусно готовить! — сказал Юнатан.

— А я, кажется, знаю одну подходящую особу, — хитро подмигнул Каспер.

— Ну-ну, говори скорей! — потребовал Еспер.

— Да не тяни же! — крикнул Юнатан.

— Мы украдём Софию! По слухам, она всем хозяйкам хозяйка, а готовит так, что пальчики оближешь.

— Прекрасная мысль! — одобрил Еспер.

— Только, говорят, она очень злая! — осторожно заметил Юнатан.

— А хоть бы и так, — возразил Каспер, — пеужели мы, трое храбрых разбойников, забоймся какой-то тётушки Софии!

— Это-то ладно, — сказал Еспер, — по вот как мы сумеем её выкрасть?

— Да, тут дело не простое, — озабоченно сказал Юнатан.

И разбойники долго сидели, чесали в затылках и раздумывали.

— А я знаю, как мы сделаем, — предложил Каспер. — Ночью, когда совсем стемнеет, проберёмся к ней в дом и выкрадем её прямо спящую.

— А если она вдруг проснётся? — засомневался Юнатан.

— Может, ещё и не проснётся, — успокоил его Еспер.

— Ну всё, решено! — сказал Каспер.

Трое разбойников уселись и стали дожидаться, когда настанёт ночь. И вот часы пробили двенадцать раз. Разбойники вскочили.

— Еспер, тебе запира́ть дверь!

— Есть, запира́ть дверь!

— А льва с собой возьмём? — спросил Юнатан.

— Ни в коем случае, — ответил Каспер. — Он ещё повалит там что-нибудь с перепугу, только шуму наделает. Оставьте его в комнате да запи́рите покрепче дверь.

— Есть! — ответил Еспер.

— Готово! — сказал Юнатан.

И они пустились в путь. Впереди шагал Каспер с фонарём, за ним следовал Еспер со связкой ключей, а позади всех шёл Юнатан с краюшкой хлеба и куском колбасы.

В городе было темно и тихо. Даже сам Бастиан в этот час мирно спал у себя в постели. Разбойники подкрались к дому тётушки Софии и прислушались. Ни звука. Еспер подошёл к двери и стал пробовать ключи из своей связки, вставляя их по очереди в замочную скважину. Наконец тридцать пятый ключ подошёл. Они вошли на цыпочках в коридор и снова прислушались. Из-за ближайшей двери доносились странные свистящие звуки.

— Это тётушка София храпит, — прошептал Еспер.

— Всё идёт точь-в-точь по плану, — отметил Каспер.

Они осторожно открыли дверь на кухню — и увидели, что тётушка София спит там в гамаке!

— Вот это удача! — прошептал Каспер. — Мы её утащим прямо с гамаком.

— Беритесь за петли! — сказал Еспер.

Разбойники сняли гамак с крюков, вытащили его через кухонную дверь в коридор, оттуда на улицу и дальше понесли через весь город к себе домой. А тётушка София всю дорогу безмятежно похрапывала.

Дома разбойники повесили гамак на кухне, а сами потихоньку прокрались к себе в спальню и улеглись спать до следующего утра.

- Спокойной ночи, — сказал Каспер.
- Спокойной ночи, — сказал Еспер.
- А интересно будет, когда она проснётся, — сказал Юнатан.

Глава девятая

ТЁТУШКА СОФИЯ ПРОСЫПАЕТСЯ

На следующее утро тётушка София проснулась и удивлённо огляделась по сторонам.

— Фу, какой кошмарный беспорядок, — с отвращением сказала она.

Потом она встала и пошла в соседнюю комнату. А там сидели трое разбойников и с интересом ждали, что произойдёт.

— Кто живёт в этом доме в такой грязище и разгроме? — грозно спросила тётушка София.

— Дорогая София, — ответил Каспер, — это мы тут живём.

— Да что вы говорите! Это вы! А то я сама не вижу! Подойдите-ка живо ко мне и представьтесь как полагается!

Каспер взглянул на двух остальных.

— Лучше уж, пожалуй, не перечить, — шепнул он и выступил вперёд. — Я... меня зовут Каспер, — пробормотал он.

— Ещё раз, пожалуйста, да полюбезнее!
— Вот ещё, как хочу, так и представляюсь! — огрызнулся Каспер.
— Чтоб ты не смел так разговаривать с дамой!
— Вот ещё, как хочу, так и... гм... — Тут Каспер запнулся, и продолжения не последовало.

— Следующий! — приказала тётушка Софья.
— Меня зовут Еспер, — сказал Еспер и вежливо поклонился.
— Это уже лучше. Следующий!
— А я... меня зовут... как его... Юнатан, — неуверенно представился Юнатан.

— Ага! Значит, тебя зовут Юнатан. Ну-ка, Юнатан, подойди ко мне поближе. Покажи-ка мне свои уши!

— Уши мои, а не ваши! — обиделся Юнатан.
— Фу, до чего они чёрные! — сморщилась тётушка Софья. — Ты же сто лет их не мыл.

— Юнатан-моет-уши-когда-он-сам-пожелает! — зло отчеканил Каспер.
— О да, я это сразу заметила, — ехидно сказала Софья.

После этого она долго и пристально всматривалась во всех троих.
— А теперь извольте мне объяснить, как и почему я очутилась в этом доме!

— Э-э-э... видите ли, дорогая Софья... мы... это самое... мы вас украли, — выговорил Каспер.

— Ах вот оно что! И вы считаете, что так поступать красиво?
— Ну, как вам сказать, красиво — не красиво... Дело просто в том, что нам необходима женщина в доме. Такая, чтоб вела для нас хозяйство, — объяснил Каспер.

— Чтобы прибиралась и поддерживала порядок, — добавил Еспер.
— И чтобы готовила вкусную еду, — сказал Юнатан.
— Понятно! Ну, а сами вы что же собираетесь делать?
— А сами мы что захотим, то и будем делать! — опять огрызнулся Каспер.

— Ах вон как, значит, что захотите!
— Вот именно! — сказал Юнатан.

Тётушка Софья пошла в другие комнаты.

— У вас тут настоящий свинарник, — сварливо заметила она.
— Нет, свинарник у нас в другом конце дома, — сказал Еспер.
— И сколько же там поросят?
— У нас только один поросёнок, — ответил Юнатан.

— Там один да здесь три, значит, всего четыре, — сказала Софья.
— Про что это она? — не понял Каспер.
— Это она про нас, — объяснил ему Еспер.
— Я же говорил, она злющая, как ведьма! — сказал Юнатан.
— Имейте в виду, в этом доме распоряжаемся мы! — крикнул Каспер.
— Да, так и знайте! — поддержал его Еспер.
— А ну-ка ты, который Еспер, поди-ка сюда! — скомандовала вдруг тётушка Софья.

Еспер взглянул на своих двух товарищей и пожал плечами. Но послушаться всё же не решился.

— Видишь весь этот развал и кавардак? — спросила Софья.
— Что хочу, то и вижу! — буркнул Еспер.
— Прекрасно, — сказала Софья. — Так вот, сейчас ты займёшься уборкой. Сначала соберёшь все разбросанные вещи, а потом сложишь одежду Каспера — туда, одежду Юнатана — сюда, а свою собственную положишь вот здесь!

— Не умею я прибираться!
— Не умеешь, так научись.
— Вот ещё, почему это я, пусть Юнатан прибирается!
— Юнатан тоже без работы не останется, — утешила Еспера тётушка Софья.

Юнатан тихонько поднялся и попытался незаметно улизнуть из комнаты — но не тут-то было.

— Юнатан, ты куда? — окликнула его тётушка Софья.
— Я сейчас, — сказал Юнатан, — мне только надо на минуточку выйти.

— Никуда тебе не надо. Ты сейчас будешь собирать разбросанные чашки, миски, тарелки, ложки и ножи. А потом будешь мыть посуду.

— Почему это я, пусть Каспер моет, — надулся Юнатан.
— У меня и для Каспера дело найдётся, — сказала Софья.
— Очень мне надо, — возмутился Каспер, — что сам захочу, то и буду делать!

— Будешь делать то, что я тебе велю! Наколешь дров, затопишь печь и вскипятишь воды, чтобы Юнатану было чем мыть посуду.

— Что ж ему, горячая вода для этого нужна?
— Обязательно! А потом еще раз вскипятишь воды, потому что она нам для другого дела понадобится.

Трое разбойников упирались, сколько могли, но тётушка Софья кого

угодно могла переупрямить, и было бесполезно говорить «нет», когда тётушка София сказала «да». Они нехотя принялись за работу, а тётушка София приглядывала за ними и напевала:

У вас ужасный кавардак,
Объедки тут и там!
Повсюду мусор, пыль и грязь
И разный старый хлам.
Но Еспер здесь немедленно
Порядок наведёт,
А после с Юнатаном он
Посуду мыть пойдёт.

А Каспер нам сейчас воды
Согреет для мытья.
Кто неавидит чистоту,
Тот попросту свинья.
Хотя вы и разбойники,
Запомните, друзья:
Я беспорядка не терплю —
Хозяйка в доме я!

— Не понимаю, для чего нам такая уйма горячей воды? — ворчал Каспер, наполняя всё новые котелки, лоханки и вёдра.

— Мыться будете! — сказала София.

— Не буду я мыться! — выпалил Каспер.

— Не будешь — не надо, тогда и есть не проси. В таком виде я тебя за стол не посажу.

— Мне-то хорошо, я, по счастью, не грязный, — сказал Еспер.

— Не грязный? А ну-ка покажи свои руки! Фу, какая гадость! А теперь шею! Так я и знала — серая, как пасмурный день!

И пришлось Есперу мыться, и Касперу, конечно, тоже. У Юнатана руки были чистые: он же только что всю грязную посуду перемыл. Зато ему пришлось вычистить зубы и хорошенько вымыть себе уши.

— Ну так, — сказала тётушка София, — а теперь можете скинуть сапоги да носки и помыть себе ноги, пока я буду готовить еду.

Тут уж Каспер вконец разозлился.

— Ноги-то мыть зачем, их же всё равно под столом не видно! — крикнул он.

Но тётушка София уже ушла, и пришлось им волей-неволей исполнять её приказание.

Пока они мыли ноги, у них было время обсудить положение, благо Софья не могла их услышать.

— Украла ведьму на свою голову, вот дураки-то, — сказал Еспер.

— Я же предупреждал, что она злющая, — сказал Юнатан. — Надо было слушать, когда вам говорили!

— Это всё Каспер придумал, будто женщина в доме нужна, — сказал Еспер.

— Это вовсе Юнатан придумал, что надо нам кого-нибудь украсть, — возразил Каспер.

— Мало ли что, — ответил Юнатан, — не я же придумал, что надо украсть тётушку Софию!

— Конечно, это всё Каспер, — поддержал его Еспер.

— Ну и ладно, я — так я, — сердито пробормотал Каспер.

— Вот бы нам опять остаться одним, — вздохнул Юнатан.

— Правда, вот бы здорово было, — мечтательно сказал Еспер.

И они втроём стали думать, как бы им избавиться от тётушки Софии.

— А давайте просто попросим её: мол, будьте так добры, вернитесь, пожалуйста, к себе домой, — предложил Каспер.

— Давайте, — согласился Еспер.

— Только, чур, кто-нибудь из вас с ней поговорит, а мне неохота, — заявил Юнатан.

— Так и быть, я сам ей скажу, — вызвался Каспер.

Когда они помылись и пришли в столовую, Каспер сказал вежливо-превежливо:

— Дорогая София, не будете ли вы так добры вернуться обратно, к себе домой?

— Нет, — решительно ответила София, — раз уж я здесь очутилась, никуда я отсюда не уйду!

— Вот тебе на́, — растерялся Каспер.

— Но постойте... как же это так? — не поверил Еспер.

— А вот так: не уйду, и всё! — ответила София.

— Бедные мы, несчастные... — жалобно простонал Юнатан.

В тот же день после обеда разбойники вдруг заметили, что к дому приближаются какие-то люди. Это оказался сам Бастиан, а с ним мясник и ещё двое.

— Ого, сам Бастиан к нам идёт, — сказал Каспер.

— Плохо наше дело, — помрачнел Еспер.

— А может, они просто за тётушкой Софией пришли? — с надеждой сказал Юнатан.

— Они, уж конечно, и нас захотят арестовать, — сказал Каспер. — За мной, ребята, да поживей!

И они спрятались в подвале.

— Именем закона, откройте! — крикнул Бастиан и застучал в ворота разбойничьего дома.

Им открыла тётушка София.

— Это замечательно, что мы вас нашли, — радостно сказал Бастиан.

— Вот как? — холодно сказала София.

— Мы пришли освободить вас от разбойников!

— Это ещё зачем?

— Затем, что разбойники вас украли! Но теперь вы спокойно можете вернуться с нами домой.

— Нет уж, спасибо, я лучше здесь останусь. Мне тут прекрасно живётся. По крайней мере, есть на кого сердиться!

Мужчины недоуменно переглянулись.

— Это вы серьёзно? — спросил Бастиан.

— Вполне серьёзно!

— Позвольте... а лев? Ведь он же опасный!

— Никакой он не опасный!

— Странно, однако, — сказал мясник.

— Так или иначе, — сказал Бастиан, — нам придётся арестовать разбойников и отвести их в тюрьму.

— Сажать их в тюрьму совершенно ни к чему, — сказала тётушка София. — Я их и так к рукам приберу. Дайте только срок. И грядки будут копать, и овощи выращивать, и кардамон разводить. Они у меня попляшут! Зато уж станут приличными людьми!

— Да, да, конечно, — торопливо согласился Бастиан. Он ужасно обрадовался, что можно их не арестовывать. — Но тогда... тогда нам, пожалуй, и делать здесь больше нечего.

— Действительно, вроде бы нечего, — развели руками остальные.

И они отправились восвояси.

А трое разбойников сидели в подвале и слышали всё до единого словечка. Они поглядывали друг на друга, и вид у них был довольно-таки жалкий.

— Не хочет она домой, и всё! — печально сказал Каспер.

— Вот несчастье-то! — вздохнул Еспер.

— А слышали, что она сказала? — напомнил им Юнатан. — Они, говорят, будут у меня грядки копать! Нет, вы слышали?

— Овощи выращивать и кардамон разводить, — повторил Каспер.

— Но она нас спасла от ареста, — сказал Еспер.

— По мне, так уж лучше быть арестованным, чем жить с ней под одной крышей, — уныло проговорил Юнатан.

— Как хотите, братцы, а надо что-то делать! — сказал Каспер.

Разбойники долго сидели, ломали себе голову, что бы им такое сделать, и в конце концов Юнатан придумал отличный план.

— Это же проще простого: когда Софья ночью уснёт, мы возьмём и украдём её обратно! Отнесём туда, откуда принесли!

— Просто и гениально! — одобрил Каспер.

— У тебя голова на плечах есть! — похвалил Юнатана Еспер.

— А то как же, — сказал Юнатан.

И вот ночью, когда в доме всё стихло и Софья сладко уснула в своём гамаке, трое разбойников сняли гамак с крюков и осторожно прокрались с ним в город, к тому дому, откуда они выкрали тётушку Софию. А она знай себе похрапывала всю дорогу.

Никем не замеченные, они благополучно вошли в дом, и когда гамак с тётушкой Софией был повешен на старое место у неё на кухне, трое разбойников, чрезвычайно довольные, отправились к себе домой. Они шли счастливые и пели от радости, потому что теперь опять всё стало, как прежде:

Скорей домой, скорей домой
Бежим своей дорогой!
Теперь мы славно заживём
Без этой дамы строгой.
Мы ничего не будем мыть,
Тереть, и чистить, и скоблить!

Пусть с уборкой, пусть с уборкой
Возится болван,
Но не Каспер, но не Еспер,
Но не Юнатан!

Мы умывать лицо своё
Навеки перестанем.
Не тратить воду на мытьё,
А пить её мы станем.
Долой уборку и мытьё!
Какое славное житьё!

Пусть отныне, сколько влезет,
Моется болвац,
Но не Каспер, но не Еспер,
Но не Юнатан!

Колоть дрова и печь топить
Не надо вольным людям.
И в дом хозяйку приводить
Мы ни за что не будем!
Весь дом вверх дном перевернём
И заживём, как прежде, в нём!

Глава десятая

НОЧНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ В ЛАВКЕ МЯСНИКА

В городе Кардамоне жизнь текла как обычно. Праздник Лета и Солнца давно прошёл, тётушка София жила у себя дома, потому что разбойники украли её обратно, и добрый Бастиан радовался, что всё так хорошо и спокойно.

Но булочник и мясник никогда не чувствовали себя совершенно спокойно. По ночам они спали не так крепко, как остальные горожане, тревожно ворочались с боку на бок, а время от времени просыпались и прислушивались.

И вот однажды тёмной ночью мясника разбудили какие-то подозрительные звуки, доносившиеся из лавки.

— Это разбойники, — сказал он жене и тут же вскочил с постели и стал натягивать штаны. — Наконец-то я их поймаю!

— Но тебе одному с ними не сладить, — сказала жена. — Их же, наверное, трое, да ещё, чего доброго, лев с ними!

— И то правда!

— Смотри же, один не ходи, позови кого-нибудь на подмогу!

— И то дело!

Мясник потихоньку выбрался на улицу и подошёл к соседнему дому, в котором жил булочник. Окно в спальню было раскрыто, мясник просунул в него голову и позвал:

— Эй, булочник, проснись!

— Что там такое стряслось? — спросил булочник.

— Разбойники пришли воровать!

— Ой, батюшки, ой, матушки! — всполошился булочник. И тоже выпрыгнул из постели и натянул на себя штаны. — Где они?

— У меня в лавке. Сколько их — не знаю, небось не один, а целых двое, а то так и все трое!

— Тогда не мешало бы сходить за Бастианом, — предложил булочник.

— Вот и я так думаю, — сказал мясник.

И они пошли разбудили Бастиана:

— Разбойники забрались в мясную лавку!

— Да что вы, не может этого быть! — не поверил Бастиан.

— Правда, — сказал мясник, — и на этот раз мы должны их поймать!

— Непременно должны, — ответил Бастиан и тоже натянул на себя штаны.

Все втроем они подошли к мясной лавке, остановились и прислушались — изнутри доносились весьма подозрительные звуки.

— Ну вот, слышите? — спросил мясник.

— Слышим, — ответил булочник.

— Теперь нам надо их перехитрить, — сказал Бастиан. Он повернулся к булочнику: — Ты станешь у входной двери и будешь следить, чтоб никто не сбежал. А мы тем временем войдем в лавку через чёрный ход. Понятно тебе?

— Ясно как день! — ответил булочник.

И он стал перед дверью в лавку, а двое других прокрались во двор.

— Там у тебя окно открыто, — шепнул Бастиан мяснику.

— И верно, открыто, чудеса в решете!

Бастиан немножко подумал, прежде чем действовать дальше, а потом сказал:

Ты влезешь в лавку через это окошко, а я в тот же самый миг войду через заднюю дверь — вот мы их и поймаем! Ясно тебе?

— Всё понятно! — ответил мясник и полез в окно.

Бастиан рывком открыл дверь и громко крикнул:

— Именем закона, вы арестованы!

В лавке было довольно темно, но они услышали, как что-то стукнулось об пол, и увидели, как кто-то шмыгнул за прилавок.

— Сейчас же вылезай! — крикнул Бастиан. — Мы всё равно тебя видели!

Секунду было совсем тихо, а потом из-за прилавка показалась взъерошенная голова. Бастиан от удивления широко раскрыл рот, а мясник от изумления вытаращил глаза. Это оказался не здоровенный детина-

разбойник и не свирепый лев, а... Кто бы ты думал? Всего-навсего Бубби, собачка маленького Рема.

— Вот тебе на! Значит, это ты у нас разбойник? — сказал Бастиан.

— Экая жалость, — разочарованно протянул мясник.

— Почему же жалость?

— Потому что, если б это были разбойники, мы бы их наконец поймали.

— Верно, поймали бы, — согласился Бастиан.

— Ну ладно, — сказал мясник. — Придётся вместо них собаку арестовать.

— А думаешь, надо? — спросил Бастиан с сомнением.

— И ты ещё спрашиваешь! — возмутился мясник. — Да я просто требую этого! Вон у неё живот-то как раздулся — сколько там сосисок да бифштексов!

И Бубби была арестована именем закона. Бастиан привязал ей к ошейнику верёвочку и повёл за собой под арест. А на улице у входа в лавку стоял на страже булочник.

— Ну как, — спросил он, — поймали разбойников?

— Вот он, разбойник, — сказал Бастиан и кивнул на Бубби.

На следующее утро к дому Бастиана подошёл маленький мальчик. Это был, конечно же, Рем. Он робко постучал в дверь, и Бастиан крикнул:

— Войдите! Ах, это ты! — сказал он, увидев перед собой мальчика.

— У меня пропала собака, — грустно сообщил Рем.

— Неужели? Не может этого быть!

— Правда. Её всю ночь не было дома.

— Так вот, — сказал Бастиан, — твоя собака арестована. Она сегодня ночью бегала воровать сосиски и бифштексы.

— Что вы, нет, это невозможно, моя Бубби не такая!

— Такая-сякая намазаная сухая, — печально сказал Бастиан.

— А где же она теперь?

— Теперь она сидит в тюрьме. Но ты не думай, ей там хорошо.

Рем попросился к Бубби в тюрьму и увидел, что она лежит на коврике и спит сладким сном, усталая и сытая после бурной ночи, проведённой в лавке мясника. Учуяв Рема, она вскочила и от восторга завиляла хвостом.

— Что же ты наделала! — воскликнул Рем. — Ты съела чужие сосиски и бифштексы!

И тогда Бубби стало очень стыдно, она низко опустила голову, а хвост просунула между задними лапами.

— Бубби говорит, что больше никогда не будет так делать, — сказал Рем.

— Ну ладно, тогда мы, так уж и быть, отпустим её на этот раз. Мясник-то тоже хорош, оставил окно в лавке на ночь открытым, — сказал Бастиан.

Глава одиннадцатая

СЕКРЕТНЫЕ СВЕДЕНИЯ О СТАРОМ ТОБИАСЕ, ЖИВУЩЕМ В БАШНЕ

Бастиан заботился, чтобы людям в Кардамоне жилось весело, он очень любил устраивать всякие праздники. Но Праздник Лета и Солнца давно прошёл, а Бастиан всё никак не мог придумать, что бы такое ещё отпраздновать. И вот однажды, когда он, по обыкновению, совершал утренний обход города, ему встретился маленький Рем.

— Рассказать тебе секрет? — спросил Рем.

— Конечно, расскажи!

— Старому Тобиасу завтра исполняется семьдесят пять лет!

— Не может этого быть! Неужели Тобиасу уже семьдесят пять?

— Правда-правда, он сам мне сказал, я ведь сейчас от него иду.

— Но тогда мы должны это отпраздновать! — воскликнул Бастиан.

— Надо ему что-нибудь подарить, — сказал Рем.

— Непременно, — сказал Бастиан. — И произнести поздравительную речь!

— И потом, пусть городской оркестр сыграет ему марш!

— Да, и ещё хорошо бы спеть юбилейную песню!

В это время по улице проходила тётушка София.

— А вы, оказывается, в городе? — заметил Бастиан.

— Где я есть, там и есть! — сварливо ответила София.

— Между прочим, старому Тобиасу завтра исполняется семьдесят пять лет!

— Вот как! Я думала, ему уже больше, — сухо заметила тётушка София.

— Тобиас — исключительно милый и приятный человек, — сказал Бастиан.

— Да уж поприятнее некоторых других, — пробурчала тётушка Со-

фия, и кто её знает, кого она имела в виду. — Кстати, надо же сделать ему подарок, — добавила она.

— Мы как раз только что об этом говорили, — оживился Бастиан. — Весь вопрос в том, что бы нам ему подарить?

— Ну, например, будильник, — сказала София, она ведь всегда думала лишь о полезных вещах.

— Лучше бы всё-таки что-нибудь такое, что доставит ему радость и удовольствие, — возразил Бастиан.

— Нож для чистки картофеля и тёрку, — предложила София.

— Что-что? — переспросил Бастиан.

Тут к ним подошёл парикмахер Сёренсен. Бастиан и его посвятил в их важный секрет.

— Можно подарить ему ослика, тогда он будет ездить верхом, вместо того чтоб ходить пешком, — сказал парикмахер Сёренсен.

— Да, но башня такая высокая и лестницы такие крутые, что Тобиас, пожалуй, намучается с осликом, — возразил Бастиан.

— А может, подарить ему животное поменьше, но такое, чтоб можно было с ним разговаривать? Тогда ему будет не так скучно сидеть одному у себя наверху, — сказал маленький Рем.

— Давайте купим ему попугая, — поддержал Рема парикмахер Сёренсен. — С попугаем можно по-правдашнему разговаривать.

— Вот это действительно неглупая мысль, — обрадовался Бастиан.

— Все должны сложиться ему на подарок, — строго сказала тётушка София.

— Все без исключения! — подтвердил Бастиан.

И они отправились к торговцу птицами, у которого среди множества пташек самых различных видов, размеров и цветов, с самыми различными хвостами, клювами и голосами оказался один драгоценный попугай, подобного которому никто никогда не видывал.

— Редкостный экземпляр, — сказал им торговец птицами, — умеет говорить, умеет петь, умён чрезвычайно!

— А нельзя ли послушать? — спросила тётушка София.

— Отчего же, извольте, с превеликим удовольствием, — ответил торговец птицами, и по его знаку попугай запел:

Я говорящий попугай,
Я родом из Австралии.
Я образован, я умён,
Я скромн и так далее.

Я знаю сто учёных слов:
Ракетодром, регалия,
Европа, лайнер, сенбернар,
Транзистор и так далее.
Я замечательно пою,
Играю и так далее.
А иногда я говорю:
Я родом из Австралии!

— И в самом деле редкостный попугай! — восхищённо сказал Бастиан.

— Для Тобиаса это просто клад, — сказал парикмахер Сёренсен.

— Его и купим, — сказала тётушка София.

Потом они обсудили, что ещё необходимо сделать, чтобы отпраздновать семидесятипятилетие Тобиаса как можно лучше и торжественней. И Бастиан тотчас занялся подготовкой к празднику, стал ходить по городу, со всеми разговаривать, всё записывать, улаживать, устраивать и организовывать.

Вагоновожатый получил задание сочинить красивую юбилейную песенку. Школьный учитель срочно написал новый марш в честь Тобиаса. Почти все в Кардамоне должны были успеть что-нибудь сделать к завтрашнему торжеству. И когда старый Тобиас после обеда пришёл в парикмахерскую, чтобы подравнять себе бороду ко дню рождения, двери оказались заперты. Потому что парикмахер, вместе с другими музыкантами кардамонского городского оркестра, репетировал в это время новый юбилейный марш. «Как жаль, что как раз сегодня закрыто», — сказал Тобиас самому себе.

Он постоял возле парикмахерской и послушал красивую музыку. И подумал ещё: что это за новый марш разучивает наш оркестр?

Глава двенадцатая

ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ЮБИЛЕЙ

Когда старый Тобиас на следующее утро выглянул из окна своей башни, он увидел множество флагов и услышал музыку. Он очень удивился и никак не мог понять, что происходит. «Может быть, сегодня какой-нибудь праздник, а я и позабыл?» — подумал он и заглянул в свой календарь, чтобы проверить. Но нет, день был самый обыкновенный.

Тогда он вышел на балкон и стал смотреть на город. В это время на улице показалась торжественная процессия — все его друзья, взрослые и дети, шли с флагами и цветами, а впереди шагали музыканты в праздничных белых фуражках. И стар и мал весело махали и кивали ему и кричали «ура». И тут только Тобиас понял, что и музыка, и флаги, и крики «ура», — всё это было в честь него самого. И тогда он очень обрадовался.

Тем временем его друзья подошли к самой башне. Бастиан выступил вперёд и произнёс поздравительную речь:

— Дорогой Тобиас! Ты у нас самый лучший, и самый добрый, и самый умный во всём городе Кардамоне. Поэтому сегодня ты получишь от нас замечательный подарок. Это тебе от нас от всех — учёный попугай! Вот увидишь, он тебе очень понравится. А теперь мы споём тебе новую юбилейную песню, которую мы сочинили в честь тебя по случаю торжественного дня. Три-четыре!

Нашу песню споём веселей,
Веселей,
В честь того, у кого юбилей,
Юбилей!
Чтоб прославить его, нету слов,
Нету слов,
Он, как дома, среди облаков,
Облаков!
Кардамону он нужен,
И со всеми он дружен,
И помочь он всегда всем готов!
Всем готов!

Старый Тобиас наш всех добрей,
Всех добрей!
И всех книг на земле он мудрей,
Он мудрей!
Кто в науку так верно влюблён?
Это он!
И от нас ему низкий поклон,
Да, поклон!
И пусть долгие годы
Предсказатель погоды
Украшает собой Кардамон,
Кардамон!

Затем Бастиан произнёс ещё одну речь:

— Дорогой Тобиас! У тебя немало добрых друзей не только среди двуногих, но и среди четвероногих. Это наши городские собачки. Ты всегда отдаёшь им вкусные кости, когда у тебя на обед жаркое, и всегда ласково гладишь собак, когда они подбегают к тебе, чтоб ты их погладил. Поэтому собачий хор города Кардамона тоже исполнит сегодня песенку в твою честь.

И тут Бубби и её друзья вышли и спели одну из своих песенок.

Когда все речи были сказаны и все песни пропеты, Бастиан взобрал-

ся по всем лестницам вверх на башню и вручил Тобиасу клетку с замечательным попугаем. Тобиас был очень рад.

— Я всегда мечтал о двух вещах, — сказал он. — О щенке и о таком вот симпатичном попугае, с которым можно поболтать о том о сём. И теперь одно из моих желаний исполнилось. Большое спасибо!

Когда Тобиас это говорил, он ещё, конечно, не знал, что второе его желание тоже скоро сбудется. После обеда к нему в гости пришёл его самый лучший друг. Это был маленький Рем. И он принёс с собой корзинку. А в корзинке лежал прелестный щенок.

— Вот, пожалуйста, — сказал Рем. — Это тебе от меня.

— Неужели ты даришь мне эту очаровательную собачку? — спросил Тобиас.

— Да, — сказал Рем. — Это самый красивый из всех Буббиных щенков. И я дарю его тебе, потому что ты всегда будешь с ним ласков и добр.

— Это я тебе обещаю. А ты каждый день будешь заходить проводить нас со щенком, ладно?

— Ладно, — ответил Рем.

— А теперь посмотри, какой мне сегодня ещё преподнесли подарок. Это замечательный, редкостный попугай. Он умеет говорить!

— Я знаю. Он не только говорить, он и петь умеет.

— Ты думаешь? — недоверчиво сказал Тобиас.

— Ну как же! Это-то и есть самое замечательное в твоём попугае!

— погоди, да разве ты уже знаком с моим попугаем? — удивился Тобиас.

— Я ведь тоже ходил вчера его покупать, — объяснил Рем.

Он попросил попугая спеть для Тобиаса, и попугай с удовольствием запел песенку о самом себе.

— Вот это попугай, просто чудо какое-то! — восхитился Тобиас.

— Да, он ужасно умный, — сказал Рем. — И щенок тоже. Сейчас-то он ещё маленький, а подрастёт — увидишь, какой он станет умный!

Глава тринадцатая

НЕОБЫКНОВЕННЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ТОММИ

В тот же самый день, когда Тобиас праздновал своё семидесятипятилетие, Томми поехал прогуляться верхом на ослике. Добравшись до городских ворот, он не повернул назад, а поехал дальше, за город. Погода

была чудесная. Понтиус бежал себе спокойной рысцой, а Томми сидел на ослиной спине, что-то насвистывал и ни о чём не думал.

Когда они порядком удалились от города, Томми вдруг увидел на пустынной равнине высокий и нескладный старый дом. Раньше он так далеко не заезжал и никогда не видел этого дома. Ему очень захотелось узнать, кто в нём живёт. Кругом не видно было ни души, может, в нём вообще никто не живёт?

— Это я должен выяснить, — сказал он самому себе и Понтиусу.

Он привязал ослика к дереву, а сам осторожно подкрался к дому и заглянул внутрь через грязное окошко.

И тут он увидел нечто такое, от чего у него затряслись поджилки и сердце ушло в пятки. Он увидел огромного льва, который лежал и спал на большой старинной кровати. Кроме льва, в комнате никого не было. Беспорядок царил ужасающий. «Странно», — подумал Томми. Он обошёл вокруг дома и заглянул в другое грязное окошко. Там он увидел троих дюжих молодцов, которые слонялись взад и вперёд, натыкаясь на раскиданные повсюду вещи и друг на друга. И тогда Томми понял, кто живёт в этом доме. Ну конечно, это разбойники!

Они, по-видимому, только что встали, потому что один из них был без брюк, на другом не было рубашки, а третий был в одном башмаке. И все трое ходили по комнате, бормоча себе под нос: «Где мои штаны?», «Где моя рубашка?», «Где же мой второй башмак?»

Наконец они оделись и обулись и заговорили о еде.

— Что-то я не найду никакого хлеба, — проворчал Каспер.

— А хлеб нечего и искать, — ответил Юнатан.

— Ты хочешь сказать, что в доме нет хлеба?

— Ни единой булочки, — сказал Еспер.

— Ни малюсенького сухарика, — подтвердил Юнатан.

— Вот досада, — огорчился Каспер, ему так хотелось хлеба.

— У нас есть сало, селёдка и картошка, — доложил Юнатан.

— Это всё совсем не то, что хлеб, — вздохнул Каспер.

— Что верно, то верно, — согласился Еспер.

— Хлебушек — самая вкусная еда, — сказал Юнатан.

Они печально примолкли.

— Придётся нам прогуляться в булочную, — сказал Каспер.

— Как, прямо сейчас? — спросил Еспер.

— Да нет, попозже, когда стемнеет.

А Томми притаился за окном и слышал весь их разговор. Но тут ему

стало страшно слушать дальше, и ещё ему стало страшно, что разбойники его заметят. Поэтому он пополз прочь от разбойничьего дома, взобрался на Понтиуса и быстро поскакал обратно в город.

Вернувшись домой, он рассказал своему папе всё, что видел, и всё, что слышал. Папа слушал его с интересом. Ещё бы, ведь он был хозяин молочной лавки, и разбойники сколько раз приходили к нему воровать сливки и кефир, масло и сыр.

— Уж теперь-то мы их наконец поймаем! — сказал он, потирая руки.

И он поспешил к булочнику. А булочник сходил за мясником. И они втроем долго судили и рядили, что им надо сделать, чтобы поймать разбойников.

— Давайте просто сядем спокойно в булочной и будем их поджидать, — предложил мясник. — А как придут — так мы их сразу поймаем, а как поймаем — так сразу отведём к Бастиану.

— Думаешь, мы управимся одни, без Бастиана?

— Управимся, — сказал мясник. — Нас же трое, и разбойников тоже трое. Как раз по одному разбойнику на брата. Чур, ты, молочник, ловишь самого большого, я ловлю среднего, а ты, булочник, ловишь самого маленького.

— Идёт, — сказал булочник.

— Ладно, — сказал молочник.

На том они и порешили, спрятались в булочной и стали дожидаться разбойников.

Глава четырнадцатая

РАЗБОЙНИКИ ПРИХОДЯТ В ГОРОД

Трое разбойников ничего не знали о планах мясника, булочника и молочника. Они преспокойно сидели дома, мечтали о свежем хлебушке и никак не могли дождаться, когда же наконец станет темно.

— Надо бы льва покормить, пока мы не ушли, — сказал Еспер.

— Отдай ему сало, — распорядился Каспер.

Еспер пошёл в соседнюю комнату. Лев отдыхал, развалившись на постели. Он чутьчку рыкнул, но львы — они ведь постоянно рычат.

— А я тебе принёс чего-то вкусного, — сказал Еспер и дал ему большой кусок сала.

Лев с удовольствием съел его, а потом запил ведром воды. Теперь он

был сыт и в хорошем настроении, и поэтому он подошёл к Есперу и положил голову ему на колени. А Еспер почесал ему за ухом, льву это очень нравилось.

— Ты у нас добрый лев, — шепнул ему Еспер.

— Муррр! — сказал лев.

— Ты никому не позволишь прийти и схватить Еспера, своего лучшего друга, правда ведь?

— Муррр! — снова сказал лев.

— Конечно, я так и знал.

Еспер пощекотал льву подбородок и прислонил свою голову к львиной, а лев закрыл глаза и замурлыкал. А потом он зевнул несколько раз, и Еспер тоже зевнул несколько раз. И потом они оба незаметно задремали и уснули.

Между тем наступил вечер. На дворе стемнело, и двое других разбойников начали беспокоиться, куда это Еспер запропастился.

— Я что-то давно уж его не вижу, — сказал Каспер.

— Он собирался пойти покормить льва, — вспомнил Юнатар.

— А вдруг льву показалось, что еды было маловато, и он...

— Ты хочешь сказать, что, может быть, лев...

— Ну да, вот именно. С этими львами никогда нельзя быть ни в чём уверенным.

— И правда, надо посмотреть, — сказал Юнатан. — Только ты уж первым иди, а то вдруг он ещё не наелся.

Войдя в соседнюю комнату, они увидели, что лев и Еспер мирно лежат на одной кровати и спят.

— Нет, ты посмотри, какие они оба симпатяги, — умилился Юнатан. Но Каспер принялся трясти Еспера, и тот поспешно вскочил с постели.

— Который теперь час? — спросил он.

— Час уже поздний, пора идти.

— А может, нам сегодня льва с собой взять? — предложил Еспер.

— Нет, — ответил Каспер, — никаких львов!

— А ведь он нам может очень пригодиться, если кто-нибудь вздумает нас ловить!

— Никому же не известно, что мы придём именно сегодня ночью! — возразил Каспер.

Разбойники заперли дверь и отправились в путь, бодрые и весёлые: ведь ещё немножко — и они смогут всласть наесться и хлеба, и пирожных, и пряников.

В городе повсюду было тихо и темно, и трое разбойников прокрались по улице напрямёхонько к булочной.

— Теперь осторожно, чтобы булочника не разбудить, — предупредил Каспер.

— Идите на цыпочках, — сказал Юнатан.

А Еспер вынул связку ключей и хотел отпереть чёрный ход. Но когда он взялся за ручку, дверь вдруг сама отворилась.

— Ну и булочник, вот дурачок-то, забыл запереть свою лавку, — удивился Еспер.

— Здорово нам повезло, — обрадовался Каспер.

— Тогда чего же, пошли, и всё тут, — сказал Юнатан.

В булочной было темно, но разбойники и так знали где что лежит — им ведь было не впервой. Каспер достал свой мешок и сунул в него несколько буханок чёрного хлеба, десяток булок, сдобы, кренделя и ещё немало всякой всячины. Еспер ухватил большую плитку сливочного шоколада, а Юнатан набил себе рот пряниками.

Им ещё много чего предстояло уложить в свои мешки, но тут внезап-

по зажёгся свет. Дверь позади них громко хлопнула — и они увидели мясника, булочника и молочника. Разбойники ужасно струсили.

— Ну всё, теперь вы попались, — сказал мясник.

— Фу-ты, какая досада, — огорчился Каспер.

— Я же говорил, надо взять с собой льва, — сказал Еспер.

А Юнатан ничего не сказал, потому что у него рот был набит пряниками.

— Сдадитесь добровольно или будем драться? — спросил молочник. Разбойники постояли, подумали.

— Ну что, ребята, сдадимся? — спросил Каспер.

— А что делать-то, не драться же, — ответил Еспер.

— Если мне дадут ещё три пряника, тогда, так и быть, сдамся добровольно, — сказал Юнатан.

И ему дали. Потом булочник достал толстую верёвку и привязал разбойников одного к другому, чтобы они по дороге не убежали. А чтоб они не убежали все трое с верёвкой, он привязал к ним мясника и молочника, одного с одной стороны, а другого с другой. Так они все, выстроившись в ряд, и пошли по городу к дому Бастиана: впереди гордо шагал булочник, а следом за ним пять человек, связанных вместе толстой верёвкой.

Глава пятнадцатая

БАСТИАН ДОПРАШИВАЕТ РАЗБОЙНИКОВ

Когда мясник, булочник и молочник с тремя разбойниками подошли к дому Бастиана, булочник постучал в дверь:

— Эй, Бастиан, открой нам, пожалуйста!

Сначала Бастиан никак не просыпался, но потом из дома послышался сонный голос:

— Кто это там в неурочный час?

— Это трое разбойников! — ответил булочник.

— Кто-кто? — воскликнул Бастиан. — Что вам здесь надо? Воровать в моём доме строго воспрещается!

— Да нет, это я стучу, булочник. Мы тут поймали разбойников!

— Не может этого быть!

— А вот и может! Открой — сам увидишь!

Бастиан второпях натянул на себя какую-то одежду, сходил за своими ключами и отпер дверь.

— Вот они, разбойники! — сказал булочник.

— Да, но... но их здесь, кажется, целых пять?

— Нет, их только трое. Остальные двое — это же мясник и молочник.

— Ах да, конечно, теперь я и сам вижу. Добрый день, молочник, добрый день, мясник! Или, вернее, добрая ночь — день-то давно кончился. Пожалуйста, пожалуйста, входите все! Добро пожаловать в мой дом!

Бастиан сел за письменный стол, надел очки и раскрыл толстую тетрадь, на обложке которой было написано: «Допросы».

— Итак, значит, вы — трое разбойников, правильно? — спросил он.

— Да, — ответили трое разбойников.

— Сейчас мы это запишем. А как вас зовут?

— Каспер, — ответил Каспер.

— Еспер, — ответил Еспер.

— Юнатан, — ответил Юнатан.

— Ага, — сказал Бастиан и записал в толстую тетрадь их имена. — Ну-с, и что же вы натворили сегодня ночью?

Разбойники переглянулись.

— Говори ты, — сказал Юнатан Касперу.

И Каспер сказал:

— Мы... мы просто вышли воздухом подышать, а на дворе оказалось так холодно, у нас руки очень замёрзли, и тогда мы подумали: наверное,

булочник только что кончил печь хлеб, и в булочной сейчас тепло и уютно, ну, и тогда мы подумали, можно же нам зайти на минутку погреться...

— Что ж, это звучит вполне правдоподобно, — заметил Бастиан и записал слова Каспера в тетрадь.

— Звучит правдоподобно, но это неправда, — вмешался булочник. — Трое разбойников пришли в мою лавку вовсе не греться, а хлеб воровать. Этот верзила успел запихнуть в свой мешок несколько бухапок чёрного хлеба, десяток булок и уйму разных сдоб и кренделей.

— Вот это уже нехорошо. Что ты на это скажешь? — спросил Бастиан у Каспера.

— Да я же их не нарочно взял, это просто несчастный случай. Понимаете, когда мы вошли, в булочной было темным-темно, хоть глаз выколи. А я шёл с мешком в руке, и мешок был раскрыт. И я в потёмках налетел на полку, а на полке лежали чёрные буханки, булки и всякие там сдобы — ну, они и свалились и случайно угодили прямо ко мне в мешок...

— Это... это, пожалуй, тоже звучит почти правдоподобно, — сказал Бастиан.

— Да, но это опять неправда! — воскликнул булочник. — Ведь чёрный хлеб и сдобы лежали на разных полках!

— Ах, на разных? Вот это уже хуже! — опечалился Бастиан. Он строго посмотрел на Каспера и спросил: — Тогда, выходит, вы всё же залезли в булочную воровать хлеб?

— Выходит, что так, — признался Каспер.

— Постой, постой, это мне надо записать. Будь так добр, повтори, что ты сказал!

— Выходит, что так, — медленно, с расстановкой повторил Каспер.

— А у этого толстяка рот был набит пряниками, когда мы их поймали, — сообщил мясник.

— Это правда? — спросил Бастиан.

— Угу, — ответил Юнатан.

— Он у нас ужасно любит кардамонные пряники, — сказал Каспер. «Любит кардамонные пряники», — записал Бастиан в свою тетрадь.

— Может, вы ещё что-нибудь украли?

— Нет, — сказал Каспер, — больше ничего.

— А нет ли у вас чего-нибудь в карманах? — спросил молочник.

И разбойникам пришлось выворачивать карманы. У Каспера не нашли ничего. У Юнатана не нашли ничего. Зато у Еспера нашли большую плитку сливочного шоколада.

— Вот так так, сливочный шоколад! — воскликнул Бастиан.
— Ну и что, подумаешь, я же не для себя, — обиженно сказал Еспер.
— А для кого же?
— Для льва!
— Как ты сказал? Сливочный шоколад для льва?
— Конечно, — ответил Еспер, — сливочный шоколад высшего сорта — это его любимое лакомство.
— Ну-ну. Конечно, очень хорошо с твоей стороны, что ты заботишься о животных, но не очень хорошо с твоей стороны, что ты ворует шоколад, — правоучительно сказал Бастиан.
— Я и сам знаю, — вздохнул Еспер. — Я собирался заплатить булочнику, когда он придёт, но он пришёл слишком быстро, и поэтому я не успел.
— Ну-ну, — сказал Бастиан. — Конечно, если б это было в первый раз, я бы вас, возможно, простил. Вся беда в том, что вы и раньше приходили к нам в город разбойничать, и за это мне придётся, именем закона, вас арестовать. Сорок восемь дней вы будете теперь сидеть в тюрьме.
— Ой, как долго, — сказал Каспер.
— А там тепло? — спросил Еспер.
— Тепло и хорошо, — заверил их Бастиан.
— Ну, тогда ещё ладно! — сказал Каспер.
— А кормить нас будут? — спросил Юнатан.
— А как же, конечно, три раза в день.
— Ну, тогда ещё ничего! — сказал Юнатан.
И троих разбойников отвели в тюрьму, которая помещалась в том же доме, в котором жил Бастиан.

Глава шестнадцатая

ТРИ РАЗБОЙНИКА В ТЮРЬМЕ

Вся тюрьма состояла из одной большой комнаты. Но она была чистая, светлая и уютная. Здесь никогда ещё никто не сидел, а теперь вдруг появилось целых три арестанта. И у Бастиана сразу прибавилось хлопот. Прежде всего он раздобыл им кровати, мягкие и удобные, затем стол и три хороших стула. Теперь разбойникам было на чём спать и на чём сидеть. На следующий день он зашёл спросить, хорошо ли им спалось.

— Спали мы великолепно! — сказал Еспер.

— Кровати у вас здесь превосходные! — сказал Каспер.

— И стулья отличные! — сказал Юнатан.

— Вот и хорошо, — обрадовался Бастиан, ему было очень приятно это слышать. — А теперь я схожу в лавку и куплю вам таз и мыло.

— Дорогой Бастиан, зря вы беспокоитесь! Это совершенно не нужно, честное слово! Нам здесь и так очень хорошо! — закричали разбойники, перебивая друг друга.

— Ничего, мне это не трудно, а помыться время от времени с мылом очень полезно, — сказал Бастиан и ушёл.

У жены Бастиана тоже появилось много новых забот. Раньше она готовила еду только себе да мужу, а теперь надо было ещё трёх разбойников накормить и напоить, а с их аппетитом это было нелегко. Но жена Бастиана была очень милая и добрая женщина, такая же симпатичная, как и сам Бастиан. И она усердно хлопотала, возилась по хозяйству, прибиралась, готовила и при этом любила напевать такую песенку:

Я чищу, мою и скоблю,
Чтоб чистым был наш дом,
А Бастиан, мой добрый муж,
Печётся о другом.
Следит он, чтоб спокойно спал
Наш город дорогой,
Но эти три разбойника
Нарушили покой.

И муж их всех арестовал,
Уж так пришлось ему.
До них никто не попадал
В домашнюю тюрьму.
Они весьма послушные —
Ни ругани, ни драк.
Сказали: здесь им нравится —
Всегда бы жить бы так!

Им вряд ли хочется домой.
И, если я права,
Не так уж плох из них любой,
Как кажется сперва.
Ах, до чего они грязны,
Черны они, как ночь.
Но мыло, щётка и вода
Сумеют им помочь.

В комнате у разбойников появились таз, мыло и вода, хоть они и считали, что это лишнее. А на стол жена Бастиана постелила скатерть и поставила вазу с цветами.

— Ах, до чего у нас чисто и уютно, — сказал как-то Еспер.

— И верно, — согласился Юнатан, — прямо как будто бы мы не разбойники, а настоящие люди. До того чисто и уютно, что я бы, кажется, и сам не прочь чуточку помыться и навести красоту.

— И со мной такая же история, — признался Каспер.

— А что, если нам и правда попробовать немножко, самую малость? — сказал Юнатан.

Он налил в таз воды, намылил мылом тряпочку и легонько потёр себе кончик носа.

— Ну как, очень противно? — спросил Еспер.

— Да нет, ничего страшного, — сказал Юнатан и помыл себе серединки щёк.

— Ну хватит, — сказал Каспер, — теперь моя очередь.

И он тоже принялся мыться. И так старался, что даже уши чуточку помыл и сразу почувствовал, что стал лучше слышать.

Но самым храбрым из всех оказался Еспер. Он настолько осмелел, что погрузил в таз всю голову, так что двое других испугались, как бы он не утонул. А он полоскался и плескался — только брызги летели в разные стороны.

— Ух, до чего здорово! — крикнул он и стал такой чистый, что Каспер с Юнатаном его не узнали.

И Бастиан тоже. Он зашёл спросить, как им живётся.

— Погодите, но... не может же быть, чтобы он был один из вас! — озадаченно сказал Бастиан.

— Очень даже может, — сказал Каспер, — потому что это наш Еспер.

— Он просто так долго мылся, что сам на себя стал не похож, — объяснил Юнатан.

И они все засмеялись.

— Живётся нам здесь так, что любо-дорого, — сказал Каспер.

— Особенно приятно, что можно поговорить с другими людьми, — добавил Еспер. — Раньше мы только друг с дружкой разговаривали, а больше ни с кем, такая скучища.

— Что правда, то правда, — подтвердил Юнатан. — Но самое главное — уж очень вкусно нас тут кормят: то ли дело, когда женщина готовит.

— Всё бы хорошо, — вздохнул Еспер, — одно меня мучает. Просто

покою мне не дает. Мы-то, конечно, блаженствуем, а наш лев, бедняга, сидит в это время один и голодает.

— Да, это свинство по отношению ко льву, — огорчился Бастиан.

— Будьте так добры, — попросил Еспер, — арестуйте и его тоже!

— К сожалению, твоя просьба невыполнима. Лев — это не то животное, которое можно просто так взять и арестовать.

— Но он у нас очень смирный и послушный.

— Лев есть лев. И придётся ему побыть одному, пока вы не вернётесь домой. Но я могу позволить Есперу ходить и кормить его каждый день, — сказал Бастиан.

— Чем кормить-то, у меня же нет львиной еды!

— Эта беда поправима!

Бастиан ушёл и через полчаса вернулся с целым мешком львиной еды. Там было и мясо, присланное мясником, и хлеб, подаренный булочником.

— А вот эта плитка сливочного шоколада высшего сорта — это льву лично от меня, — сказал Бастиан.

И Еспер был на время выпущен на свободу и отправился домой кормить льва. Целый день он пропадал, но под вечер возвратился в тюрьму.

— Лев сожрал почти всё за один присест, — доложил он.

— Вот и прекрасно, — сказал Бастиан.

Глава семнадцатая

ПАРИКМАХЕР СЁРЕНСЕН ПРИХОДИТ В ВОСТОРГ

После того как разбойники несколько раз помылись, они стали выглядеть совсем как нормальные люди. Вот только шевелюры и бороды у них чересчур разрослись. И однажды Бастиан послал за парикмахером Сёренсеном, чтобы тот их подстриг и побрил. Парикмахер пришёл с расчёской и ножницами, с кисточкой и щёткой, да ещё и кларнет с собой прихватил. Ведь парикмахер Сёренсен умел не только стричь да брить да красоту наводить, он ещё был участником кардамонского городского оркестра и каждую свободную минуточку играл и пел. Вот какая у него была любимая песенка:

Весь день стригу и брею,
И завиваю вас,
Но музыка и пение
Милее мне в сто раз.

Я в городском оркестре
Первейший человек.
Играть я на кларнете
Готов хоть целый век.
(Соло на кларнете.)

Ко мне приходит Тобиас
С огромной бородой.
Я мою эту бороду
Горячею водой.
Покуда сохнет борода,
Присяду отдохнуть,
Кларнет достану и ему
Сыграю что-нибудь.
(Соло на кларнете.)

Я ничего так не люблю,
Как музыку свою.
И если брею и стригу,
То песенку пою.
Всё хорошо, порезов нет,
Царапин тоже нет,
А почему? А потому,
Что я люблю кларнет.
(Соло на кларнете.)

Парикмахеру пришлось немало потрудиться с волосами разбойников, потому что они у них были не просто лохматые, но спутанные и свалявшиеся, почти что как войлок. И чтобы привести их в порядок, он долго и старательно их мыл, распутывал и расчёсывал.

— Ой! — вскрикивал Юнатан всякий раз, как мыло попадало в глаза.

А Каспер — так тот даже разобиделся и разворчался.

— Мытьё головы — это чушь и вздор! — недовольно бурчал он.

Но парикмахер Сёренсен не очень-то обращал внимание на их крики и слова. Кто-кто, а уж он знал, какой должен быть вид у нормальных людей. И как ни крути, а без мытья головы всё равно не обойтись. Зато когда он подстриг всех троих и побрызгал им волосы одеколоном, то тут даже Каспер улыбнулся и сказал:

— Эта вода у тебя в бутылке и впрямь приятная и ароматная.

А когда парикмахер после этого расчесал им волосы гребешком и щёткой и уложил их красивыми волнами, они ужасно возгордились и никак не могли наглядеться на себя в зеркало.

— Ну кто бы поверил, что вот это Каспер, — сказал Каспер.

— А кто бы мог поверить, что вот это Еспер, — сказал Еспер.

— И никто бы не поверил, что вот это Юнатан, — сказал Юнатан.

Окончив свой нелёгкий труд, парикмахер захотел немножко отдохнуть и начал играть на кларнете, а трое разбойников сидели и слушали.

— А ты, оказывается, тоже хорошо играешь, — сказал Каспер.

— Как, разве тут ещё кто-нибудь умеет хорошо играть? — удивился парикмахер Сёренсен.

— Мы все трое умеем, — ответил Каспер.

Тут парикмахер совсем изумился:

— Это вы-то умеете играть?

— Конечно, умеем. Мы же были бродячими музыкантами, пока не ушли в разбойники.

Парикмахер протянул Касперу кларнет:

— А ну-ка сыграй, тогда я поверю!

— На этой штуковине я не играю, — сказал Каспер. — Мой инструмент — ффагот, вот! Кларнет — не для меня, нет!

— А Еспер играет на ффлейте, — вмешался Юнатан. — А я умею бить в тарелки и в барабан и во всё остальное, во что можно бить.

— Тогда вы целый оркестр составить можете!

— Ничего мы не можем, потому что у нас больше нет инструментов, — с досадой сказал Каспер.

— Мы их давно продали, — вздохнул Еспер.

— И очень глупо сделали, — добавил Юнатан.

Парикмахера Сёренсена их слова так заинтересовали, что он спросил:

— А вы не разучились играть? Если я вам добуду инструменты, у вас ещё что-нибудь получится?

— Думаю, что получится, — ответил за всех Каспер.

— Тогда я попробую, — сказал парикмахер и отправился в город доставать инструменты.

Не успел парикмахер Сёренсен уйти, как жена Бастиана принесла разбойникам обед. И как же она удивилась, увидев, что волосы у них расчёсаны на пробор и уложены волнами.

— Ой, батюшки, какие вы стали красивые! — воскликнула она.

— Да, мы стали совсем недурны собою, — хвастливо заметил Каспер.

— Вот и пойте теперь свою песенку: «Ах, до чего они грязны, черны они, как ночь!» А мы вон какие чистые, причёсанные и побритые, — с гордым видом сказал Юнатан.

Парикмахер Сёренсен скоро возвратился и принёс с собой барабан и тарелки, флейту и фagот.

— Вот вам, пожалуйста, играйте на здоровье, — сказал он, хотя в глубине души всё ещё немножко сомневался, что разбойники умеют играть.

Но сомнения были напрасны. Каспер так обрадовался, когда получил фagот, что стал ласково гладить его, будто старого друга встретил. И сразу же попробовал взять несколько тонов.

— У меня был точь-в-точь такой же фagот, когда мы были бродячими музыкантами, — сказал он.

А Еспер поднял флейту вверх и заглянул внутрь.

— И у меня была точь-в-точь такая флейта, — сказал он с улыбкой и сыграл на пробу несколько трелей.

— Вы и правда умеете! Теперь я слышу! — радостно воскликнул парикмахер.

— А то как же, конечно, умеем, — сказал Каспер. — Вот сейчас Юнатан освоится с тарелками да барабаном, и мы сыграем настоящий, всамделишный «Марш бродячих музыкантов». Это я, Каспер, сочинил когда-то этот марш!

— Ну всё, если хотите, можем начинать, — бодро сказал Юнатан, постучав в тарелки и барабан.

И они заиграли «Марш Каспера», и парикмахер Сёренсен пришёл в такой восторг, что не мог устоять на месте. Всякий раз, как Юнатан ударял в свои тарелки, парикмахер высоко подпрыгивал и громко кричал:

— Браво! Браво! Брависсимо!

Бастиан тоже прибежал на звуки красивой музыки.

— Теперь у нас в тюрьме будет свой оркестр! — обрадовался он.

А парикмахер попросил разбойников:

— Пожалуйста, научите меня играть этот марш, а я научу молочника, портного и барабанщика. И тогда кардамонский городской оркестр исполнит его в будущем году на Празднике Лета и Солнца!

— Мы ещё одну красивую вещь знаем, — похвастался Каспер. — Не марш, а вальс. И если парикмахеру хочется поплясать — ну, вроде того, как он только что делал, — так это как раз подходящая музыка. Вот послушайте!

И парикмахер от восторга запрыгал ещё выше и потребовал, чтобы они тотчас, без промедления, научили его играть этот вальс.

— Мы с удовольствием тебя научим, — сказал Каспер, — для хорошего человека ничего не жалко.

— Но только придётся отложить это до завтра, — сказал Еспер, — потому что теперь я вынужден уйти.

— Что, Есперу надо уходить? — с сожалением спросил парикмахер у Бастиана.

— Да, — ответил Бастиан, — он должен пойти покормить льва. Он уже и так опаздывает.

Глава восемнадцатая

ЛЕВ ЧЕРЕСЧУР ПРОЖОРЛИВ

Еспера выпустили из тюрьмы, и он отправился к себе в разбойничий дом с мешком, наполненным львиной едой. Идти было далеко, а вышел он на этот раз поздно. И когда он приблизился к дому, то услышал, что лев недовольно рычит.

Вообще-то льву грех было рычать, потому что жилось ему так, что любой другой лев мог только позавидовать. Дверь из его комнаты вела в садик, огороженный каменной стеной, и он мог выходить гулять, когда ему заблагорассудится. А если погода портилась, он мог в любой момент вернуться домой и улечься на кровать. Но он всё-таки рычал, потому что жаждался Еспера.

Когда Еспер отпер дверь и вошёл в дом со своим мешком, лев едва не свалил его с ног от радости. Он вспрыгнул передними лапами ему на

плечи и лизнул прямо в лицо, будто это был не Еспер, а плитка сливочного шоколада.

— Ну-ну, лёвушка, ты всё-таки полегче. Дай-ка мне сначала еду из мешка вытащить.

Еспер достал мясо, сосиски и бифштексы, а потом сходил, принёс ведро воды. На десерт лев получил плитку сливочного шоколада, присланную самим Бастианом. Вид у льва стал довольный и весёлый, а Еспер вдобавок почесал ему за ухом, потому что зверю это очень нравилось.

— Понимаешь, лёвушка, по правде сказать, очень жаль, что тебя не арестовали вместе с нами. Но тут уж ничего не поделаешь. Придётся тебе побыть тут пока одному, мы ведь скоро вернёмся домой. А теперь мне пора обратно в тюрьму, а то Бастиан на меня обидится. Ну, пока, всего хорошего! И смотри, води себя как следует!

С этими словами Еспер запер дверь и отправился в обратный путь.

Парикмахер Сёренсен каждый день заглядывал в тюрьму, поболтать о разных разностях да поучиться у разбойников играть марш и вальс. А сам он тоже научил их играть те вещи, которые умел. С утра до ночи они что-нибудь разучивали и наигрывали.

Бастиану и его жене это доставляло большое удовольствие. Ведь теперь у них в доме как будто каждый день был праздник.

Но зато кое-что другое доставляло Бастиану много хлопот. Ему всё труднее становилось добывать пропитание для льва. Дело в том, что лев был невероятно прожорлив, и неудивительно, что мяснику приходилось постепенно уменьшать ежедневные порции мяса.

И вот однажды Бастиан сказал Касперу, Есперу и Юнату:

— К сожалению, мясник больше не может бесплатно снабжать нас мясом для льва.

— Это очень печально, — сказал Еспер.

— Да, — согласился Бастиан, — надо нам придумать какой-нибудь новый способ добывать львиную еду.

— А может, нам взять да что-нибудь украсть? — по привычке предложил Юнату, совершенно забывшись.

Но Бастиан на него рассердился.

— Ни о каком воровстве не может быть и речи! — воскликнул он. — Это строго воспрещается!

— Ах да, и верно ведь, — спохватился Юнату.

— А может, нам походить по улицам и дворам, поиграть и заработать немножко денег? — предложил Каспер.

И тут Бастиану пришла в голову прекрасная идея.

— Я знаю, что мы сделаем! — радостно воскликнул он. — Вы дадите концерт на городской площади, а люди вам заплатят за музыку — вот и будут деньги на львиную еду!

— Блестящая мысль! — поддержал его парикмахер Сёренсен.

— Но как же нам это организовать? — спросил Каспер.

— Это я беру на себя, — сказал Бастиан. — А ваше дело — играть!

— Думаете, нам и правда заплатят за то, что мы будем играть? — недоверчиво спросил Юнатан.

— В этом нет никакого сомнения! — И Бастиан пошёл в город, готовить всё для концерта.

На следующий день на городской площади был вывешен красочный плакат. На нём крупными буквами было написано:

**КОНЦЕРТ В ПОЛЬЗУ ГОЛОДАЮЩЕГО ЛЬВА СОСТОИТСЯ
НА ГОРОДСКОЙ ПЛОЩАДИ СЕГОДНЯ В 6 ЧАСОВ
ВЕЧЕРА.**

**ОРКЕСТР ЗАКЛЮЧЕННЫХ ГОРОДА КАРДАМОНА ИС-
ПОЛНИТ:**

1. МАРШ КАСПЕРА.

2. ВАЛЬС БРОДЯЧИХ МУЗЫКАНТОВ.

3. ЮБИЛЕЙНЫЙ МАРШ В ЧЕСТЬ ТОБИАСА.

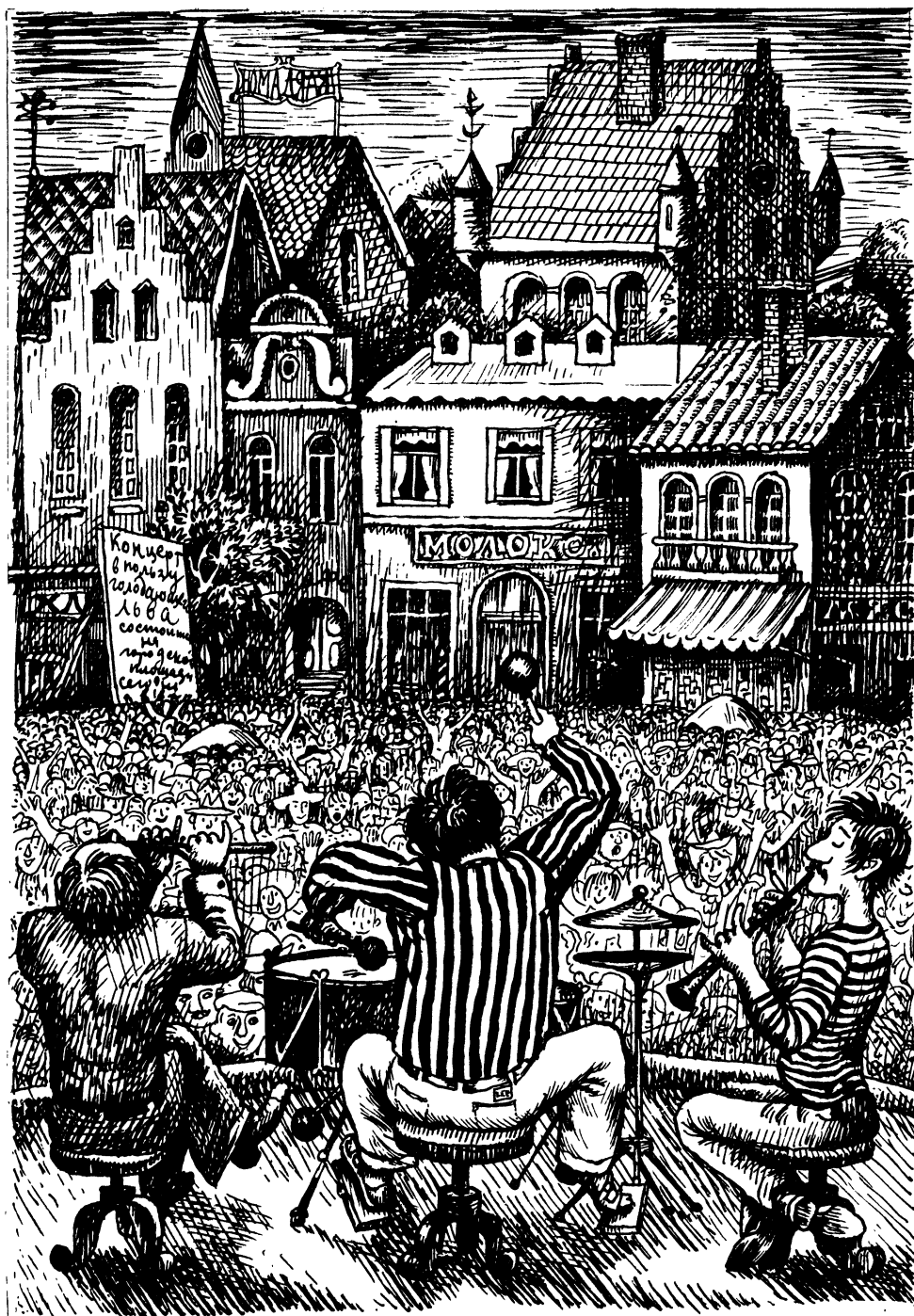
НЕ УПУСКАЙТЕ РЕДКУЮ ВОЗМОЖНОСТЬ!

**КОНЦЕРТ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ, ПРИХОДИТЕ ОБЯЗА-
ТЕЛЬНО!**

И весь день люди шли мимо, останавливались и изучали плакат. А когда пробило 6 часов вечера, вся площадь заполнилась народом. Тут были и взрослые и дети, старый Тобиас и тётушка София, школьный учитель и Томми, Рем и маленькая Камомилла, и многие, многие другие. Парикмахер Сёренсен был за кассира и насобирав кучу денег. А Бастиан был за конферансье. Он выступил вперёд и сказал:

— Добро пожаловать на наш замечательный концерт! Нам очень приятно, что пришло так много народу, это значит, что будет много денег льву на пропитание. Вот перед вами наш оркестр. Каспер играет на ф-готе, Еспер играет на флейте, а Юнатан — на барабане и прочем тому подобном. Первым номером будет исполнен «Марш Каспера».

Оркестр сыграл сначала марш, потом вальс и под конец ещё один марш, которому разбойников научил парикмахер Сёренсен. После каждого номера публика била в ладоши изо всех сил, а когда они кончили играть,

все говорили, что концерт был великолепный. Бастиан пересчитал собранные деньги — их оказалось довольно много. Теперь лев надолго был обеспечен едой.

Глава девятнадцатая

ПОЖАР В БАШНЕ У СТАРОГО ТОБИАСА

Раньше Тобиас жил у себя в башне в полном одиночестве. А теперь он никогда не чувствовал себя одиноким. У него же был щенок, подаренный ему Ремом, да ещё попугай, подаренный всеми жителями Кардамона на его семидесятипятилетие. А попугай был настоящий болтушка. Он говорил и говорил без умолку. Когда же ему надоело говорить, он запевал песенку о самом себе.

Да, это был удивительный попугай, и Тобиас с каждым днём любил его всё сильнее. И щеночка тоже. И жилось им втроём хорошо и весело.

Но вот однажды случилось ужасное несчастье. Тобиас пошёл в лавку за ветчиной, а попугай со щенком остались дома одни. И в это время в башне начался пожар — загорелись входная дверь и нижняя часть лестницы. Кто-то крикнул:

— Пожар!

И со всех сторон народ стал сбегаться на помощь. И Бастиан прибежал, и Силиус, и парикмахер Сёренсен, и другие жители города. А Тобиас как раз возвращался из мясной лавки. Когда он увидел, что у него в башне пожар, он пришёл в отчаяние и крикнул собравшимся людям:

— Кто из вас может спасти моего щеночка и моего попугая? Они остались в башне наверху!

Многие хотели ему помочь и многие пытались. Но, увы, никто не сумел подняться наверх, потому что вся лестница была охвачена огнём. Пожар разгорался всё сильнее. И слышно было, как несчастный щенок тавкает и жалобно скулит.

И тут Бастиан вспомнил о Каспере, Еспере и Юнатане. Ведь они же разбойники и наверняка умеют ловко карабкаться по стенам. Он бросился в тюрьму, отпер дверь и крикнул разбойникам:

— Скорей, скорей, бегите со всех ног! У Тобиаса в башне пожар, и срочно нужна ваша помощь!

Разбойники припустились, Бастиан за ними следом.

— Постарайтесь спасти щенка и попугая, они остались в башне наверху! — крикнул Бастиан.

— Сделаем всё, что сможем! — ответил Каспер.

Добежав до башни, разбойники начали карабкаться по наружной стене наверх.

— Эй вы, внизу, принесите нам длинную верёвку! — крикнул Каспер, взбираясь всё выше.

Булочник сбежал домой за той верёвкой, которой он связывал пойманных разбойников.

— Вот вам прочная верёвка!

И Юнatan спустился немножко вниз по стене, чтобы поймать конец верёвки, а потом опять полез вверх.

— Вот увидите, они не подведут! — воскликнул Бастиан.

А Каспер помахал им сверху рукой:

— Можете на нас положиться!

Он полез ещё выше, а люди внизу затаив дыхание следили за действиями разбойников. И вот Каспер добрался до балкона, перелез через перила и исчез в башне! И весь народ захопал в ладоши от радости и закричал «ура» Касперу. А тем временем Еспер и Юнатан тоже докарабкались до балкона и вошли внутрь башни. И тогда им тоже закричали «ура».

Все стояли и с нетерпением ждали, что же будет дальше. И вот наконец из двери показался Каспер, который нёс клетку с попугаем, за ним появился Еспер со щенком, а последним вышел Юнатан, держа в одной руке подозрную трубу, а в другой — ящик для хранения хлеба. Народ внизу ликовал, все хлопали и кричали «ура», а старый Тобиас от восторга дёргал самого себя за бороду.

— Эй, принимайте! — крикнул Каспер и спустил клетку на верёвке вниз.

Попугай, обычно такой разговорчивый, за всю дорогу от страха не вымолвил ни слова.

Тобиас схватил клетку, и разбойники опять вытянули верёвку наверх. Там они привязали к ней подозрную трубу и ящик с хлебом, и их тоже спустили вниз. А щеночка оставили напоследок, потому что привязать его оказалось не так-то просто.

— Осторожно, — сказал Юнатан, — как бы он не выскользнул из верёвки да не упал на землю!

— Что же нам делать? — заволновался Каспер.

— Обвяжите-ка лучше верёвкой меня, — предложил Еспер.

Так они и сделали: спустили на верёвке Еспера, а щеночка он держал в руках. Оба они благополучно приземлились, и Еспер вручил щенка Тобиасу.

— Вот вам, пожалуйста, ваша собачка, — сказал он.

А Тобиас крепко пожал ему руку и сказал:

— Вы все трое будете всегда моими лучшими друзьями!

Теперь, когда разбойники спасли щенка и попугая, да ещё подозрную трубу и ящик с хлебом в придачу, Бастиан крикнул Касперу и Юнатану, которые всё ещё оставались на башне:

— Эй вы, наверху! Можете теперь спускаться вниз, да побыстрее, а то ещё сгорите!

— Нам пока что некогда! — крикнул ему Каспер. — Надо сначала пожар потушить! Несите нам вёдра с водой!

И все стали носить вёдра с водой и привязывать их к верёвке. Юнатан

поднимал их наверх, а Каспер бежал с ними в башню и заливал водою огонь на лестнице. Юнатан поднимал вёдра, а Каспер заливал огонь, Юнатан поднимал, а Каспер заливал...

Сначала дым повалил сильнее, потом его стало меньше, огонь присмирел, и за каких-нибудь полчаса пожар был полностью потушен. Только тогда Каспер и Юнатан спустились с башни.

Все люди были восхищены тем, как разбойники ловко справились с пожаром.

— Трижды троекратное «ура» в честь троих разбойников! — крикнул парикмахер Сёренсен.

А старый Тобиас сказал Касперу:

— Я за всю свою жизнь не видел таких искусных пожарников, как ты!

— Да, кстати, — заметил Бастиан, — ведь это никуда не годится, что у нас в Кардамоне до сих пор нет собственного пожарника. Не мешало бы нам его завести.

Когда люди это слышали, они закричали все, как один:

— Хотим, чтобы Каспер был у нас пожарником, хотим, чтобы Каспер был пожарником!

— Дельное предложение, я — «за»! — тотчас согласился Бастиан. — А ты как на это смотришь? — спросил он Каспера.

— Мне-то всегда этого хотелось, — признался Каспер.

— Тогда всё в порядке, назначаю тебя главным пожарником города Кардамона!

— А нам, наверное, надо идти обратно в тюрьму? — спросили Еспер и Юнатан.

— Вы можете идти, куда вам вздумается, — ответил Бастиан, — потому что теперь вы больше не арестанты, а свободные люди!

— Совсем свободные? — не поверил Юнатан.

— Совершенно свободные!

— И можем пойти прогуляться по улице, в точности как обычные люди? — спросил Еспер.

— В точности как обычные люди!

— Вот странно-то будет! — сказал Еспер.

— И на трамвае можем покататься? — спросил Юнатан.

— И на трамвае можете кататься, сколько вам угодно, — ответил Бастиан, — хотя бы весь день.

— Вот весело-то будет! — сказал Юнатан.

Каспер, Еспер и Юнатан забежали ненадолго к себе в тюрьму, помы-

лись и почистились после пожара, а потом вышли и стали втроем прогуливаться по улице. И все, кого они встречали, дружелюбно раскланивались с ними. А они тоже вежливо кланялись и отвечали на приветствия.

— До чего же странно! — сказал Каспер.

— Да, вот что значит быть нормальным человеком, — сказал Юнатан.

Когда они подошли к трамвайной остановке, трамвай как раз трогался. Но вагоновожатый его остановил, а кондуктор им сказал:

— Добрый день, не желаете ли прокатиться?

— Спасибо, с удовольствием, — ответили они в один голос. — Это было бы, право же, очень приятно.

Трое друзей вошли в трамвай, и вид у них был довольный и гордый.

— Ну вот, — сказал Каспер, — мы сели, можно ехать.

Кондуктор позвонил в звонок, и трамвай поехал.

Глава двадцатая

ПОЖАРНИК, ПЕКАРЬ И ДИРЕКТОР ЦИРКА

Когда Каспер, Еспер и Юнатан вдоволь накатались на трамвае, они опять пошли прогуляться по городской площади, и им повстречался булочник. Он стоял возле своей лавки и оглядывался по сторонам, будто кого искал.

— Здравствуйте, — приветливо сказал он, — извините за беспокойство, но нет ли у кого-нибудь из вас желания поступить ко мне в пекари? Люди так много за день съедают, а я один не успеваю выпечь столько, чтобы хватило на всех.

— Это, пожалуй, подошло бы Юнатану, — сказал Каспер, — он ведь больше всего на свете любит пряники и пирожные.

Юнатан так и подскочил от радости.

— Неужели я, Юнатан, могу стать пекарем? — спросил он.

— Если только пожелаешь, — ответил булочник.

— Да я всю жизнь об этом мечтал! — воскликнул Юнатан.

— Ты будешь получать хорошее жалованье, а пряников можешь есть, сколько душе угодно.

— Дорогой булочник! А можно, я начну прямо сейчас?

— Хоть сию минуту!

— Вот только сбегая, расскажу Бастиану, ему это наверняка понравится, — сказал Юнатан.

— Ладно, — сказал булочник, — передай ему от меня привет!
И трое друзей отправились к Бастиану, рассказать, что произошло.

— Вот это новость так новость! — обрадовался Бастиан.

— А когда у вас, Бастиан, или у вашей жены будет день рождения, — сказал Юнатан, — на столе в вашем доме всегда будет стоять большой красивый торт, присланный в подарок пекарем Юнатаном. Уж в этом можете не сомневаться!

— Ну вот, Каспер стал пожарником, Юнатан стал пекарем, а со мной что же будет? — грустно спросил Еспер.

— А кем бы тебе хотелось стать?

Еспер помялся и смущённо сказал:

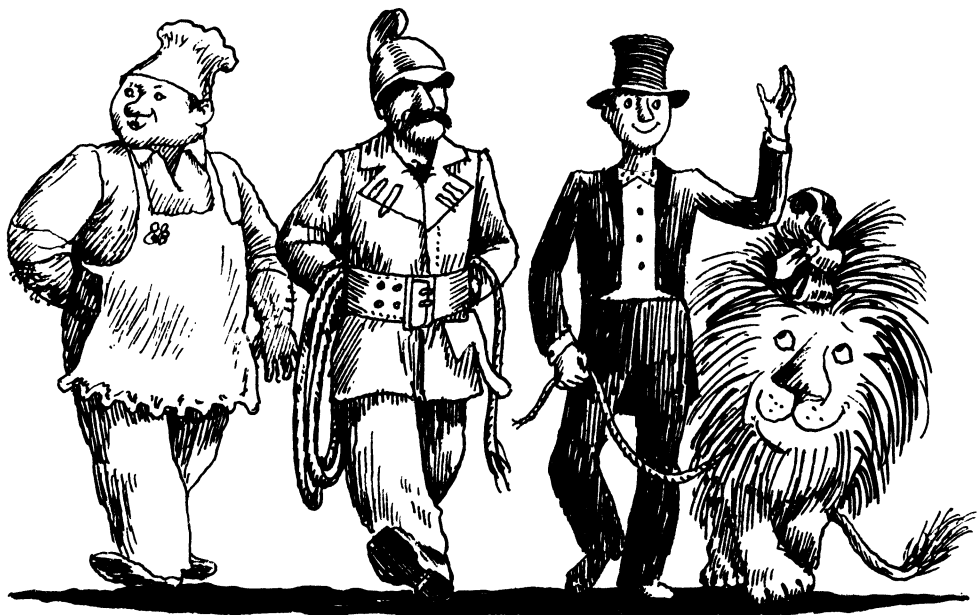
— Нет, я уж лучше промолчу.

— Ну что ты боишься, скажи! — подбодрил его Бастиан. — Глядишь, и твоё желание удастся исполнить.

— Да нет, не могу, я стесняюсь.

— Ладно тебе, говори, что ли, — сказал ему Каспер.

И Еспер наконец решился:

— Мне всегда очень хотелось стать директором цирка.

— Директором цирка? Но это же отлично! Ведь действительно жаль, что такой город, как наш Кардамон, не имеет собственного цирка!

— По-моему, тоже очень жаль, — сказал Каспер, жёлая поддержать товарища.

— Лев у меня уже есть, — продолжал Еспер. — Он умный и добрый зверь и вполне годится для цирка.

— А мы по вечерам можем приходить тебе помогать — будем цирковыми музыкантами, — сказал Каспер. — Марш Каспера прекрасно сойдёт за цирковой марш.

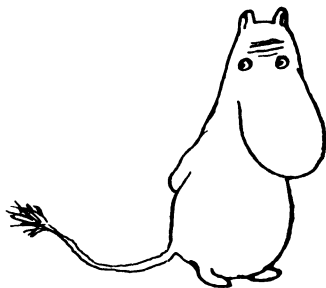
— Всё, решено! У нас в Кардамоне будет свой цирк! — воскликнул Бастиан.

А слово Бастиана было твёрдым, как скала.

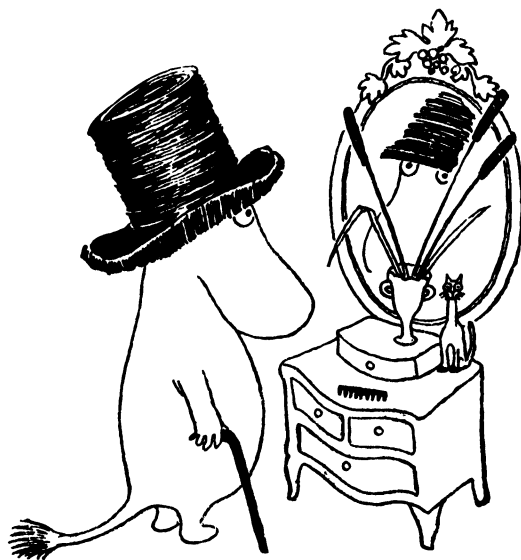
Как видишь, всё кончилось хорошо и для города Кардамона, и для трёх разбойников. В городе был теперь собственный пожарник в красивой форме и собственный цирк со львом и музыкантами. А с тех пор как у булочника появился новый пекарь, в городе стало вдосталь и хлеба, и пряников, и пирожных.

И жизнь в Кардамоне потекла, как обычно. Мясник продавал свои бифштексы и сосиски, молочник торговал маслом и сыром, парикмахер Сёренсен стриг и брил и, кроме того, играл на кларнете. А старый Тобиас сидел наверху в своей башне и следил за погодой. И все жили хорошо: и Томми с осликом Понтиусом, и Рем с собачкой Бубби, и Камомилла, и тётушка София. И Бастиан, конечно, тоже. И ночью все теперь могли спокойно спать, потому что никаких разбойников в городе больше не было.

Тюве Янссон

Шляпа Волшебника

Перевод со шведского
В. Смирнова

ВСТУПЛЕНИЕ

Первый снег пал на Муми-дол хмурым утром. Он подкрался густой и безмолвный и за несколько часов выбелил всю долину.

Муми-тролль стоял на крыльце, смотрел, как зима пеленает землю в свой белый саван, и думал спокойно: «Вечером мы погрузимся в спячку». Ведь все муми-тролли делают так в ноябре (и, по правде сказать, это очень разумно, если кто не любит холода и темноты). Он закрыл дверь, неслышным шагом подошёл к маме и сказал:

— Идёт снег.

— Знаю, — ответила мама. — Я уже приготовила для вас самые тёплые одеяла. Можешь лечь наверху в западной комнате вместе со Сниффом.

— Снифф ужасно храпит, — сказал Муми-тролль. — Можно, я лягу вместе со Снусмумриком?

— Как хочешь, — отвечала Муми-мама. — Тогда устроим Сниффа в восточной.

Муми-семейство, все его друзья и знакомые готовились к долгой зимней спячке серьёзно и обстоятельно. Муми-мама накрыла стол на веранде, но в чашке у каждого были лишь хвойные иголки. (Совершенно необходимо, чтобы желудок был набит хвойными иголками, если предстоит проспать целых три месяца подряд.) После обеда (а он казался уже совсем безвкусным) все чуть серьёзнее обычного пожелали друг другу доброй ночи, и Муми-мама велела всем вычистить зубы. А Муми-папа обо-

шёл весь дом, закрыл все двери и ставни и обернул люстру сеткой от комаров, чтобы не запылилась. Потом каждый залез в свою кровать, устроил в ней вмятину поуютнее, укрылся с головой одеялом и стал думать о чём-нибудь приятном. И только Муми-тролль со вздохом сказал:

— Какую уйму времени мы теряем зря!

— Ничуть! — отозвался Снусмумрик. — Нам снятся сны. А когда мы проснёмся, уже будет весна...

— Мм... — пробормотал Муми-тролль, уже погружаясь в сумрачный мир сновидений.

А на дворе сыпал снег, мелко, но густо. Он уже завалил крыльцо и грузными шапками свешивался с крыши, с наличников окон. Весь Муми-дом скоро должен был превратиться в сплошной пухлый сугроб. Одни за другими переставали тикать часы — пришла зима.

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

**в которой рассказывается о том, как Муми-тролль, Снусмумрик и Снифф
нашли шляпу Волшебника, как неизвестно откуда появились пять
маленьких тучек, а Хемуль обзавёлся новым хобби**

Как-то весенним утром, часа в четыре, над Муми-домом пролетела первая кукушка. Она уселась на синюю крышу Муми-дома и прокуковала восемь раз — с лёгкой хрипотцой, понятно, потому что весна была ещё в самом начале.

Ну, а потом кукушка полетела дальше на восток.

Муми-тролль проснулся и долго лежал, уставясь в потолок и соображая, где он. Он проспал сто ночей и сто дней подряд, он был ещё овеян сновидениями и не хотел расставаться со сном.

Но, перевернувшись с боку на бок, чтобы найти новое удобное положение, он увидел такое, что сон с него как рукой сняло. Кровать Снусмумрика была пуста.

Муми-тролль так и подскочил в постели.

Ну конечно! Шляпы Снусмумрика тоже нигде не видать.

— Это надо же! — сказал Муми-тролль.

Он подошёл к раскрытому окну и выглянул во двор. Ага, Снусмумрик воспользовался верёвочной лестницей. Муми-тролль перебрался через подоконник и, осторожно переступая коротенькими ножками, спустился по лестнице вниз.

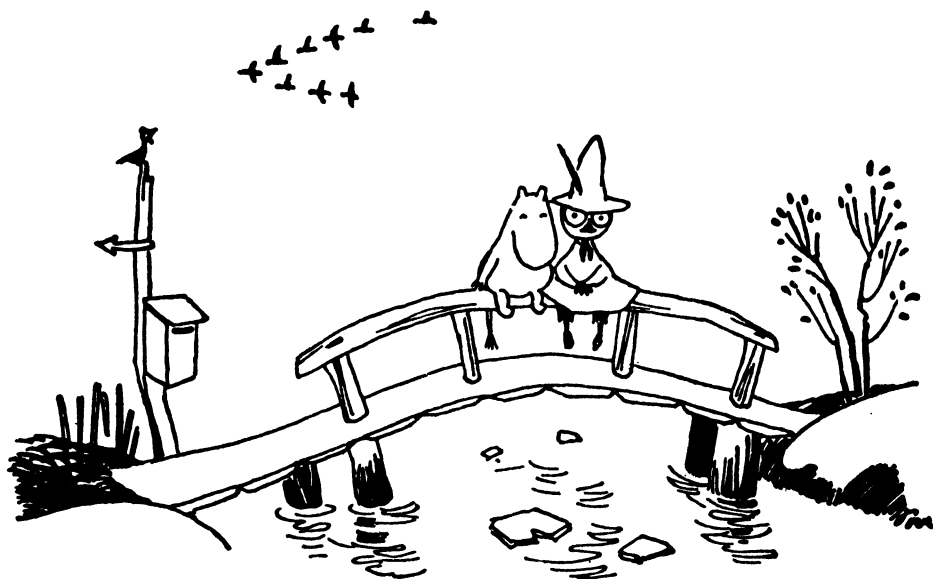
На сырой земле отчётливо виднелись отпечатки ног Снусмумрика. Они были запутанные, словно куриный след, и не было никакой возможности определить, куда он направился. Местами следы делали длинные прыжки и перекрещивались между собой. «Это он от радости, — размышлял про себя Муми-тролль. — А вот тут он перекувырнулся, уж это точно».

Муми-тролль поднял голову и прислушался. Где-то далеко-далеко Снусмумрик играл на губной гармошке, играл свою самую весёлую песенку: «Эй, зверятки, завяжите бантиком хвосты».

Муми-тролль побежал прямо на музыку и внизу у реки увидел Снусмумрика. Тот сидел на перилах моста, нахлобучив на лоб свою старую шляпу, и болтал над водой ногами.

— Привет, — сказал Муми-тролль, усаживаясь с ним рядом.

— Привет, привет, — отозвался Снусмумрик, не отнимая от губ гармошки.

Солнце только что поднялось над верхушками деревьев и светило им прямо в лицо. А они жмурились от его лучей, болтали ногами над бегущей сверкающей водой, и на сердце у них было привольно и беззаботно.

По этой реке они не раз отправлялись в большой мир навстречу необыкновенным приключениям и в каждом путешествии обзаводились новыми друзьями и приводили их к себе домой, в Муми-дол. Муми-папа и Муми-мама принимали всех незнакомцев с невозмутимым спокойствием — лишь ставили новые кровати да расширяли обеденный стол. Так вот и выходило, что в доме всегда было полно народу и каждый занимался чем хотел, нисколько не заботясь о завтрашнем дне. Ну и, разумеется, время от времени в доме случались потрясающие, прямо-таки ужасные вещи, но зато уж на скуку никто пожаловаться не мог. (А ведь это как-никак делает честь любому дому.)

Доиграв последнюю строчку своей весенней песенки, Снусмумрик сунул гармошку в карман и спросил:

— Снифф проснулся?

— Вряд ли, — ответил Муми-тролль. — Он всегда просыпается на неделю позже других.

— Тогда нужно его разбудить, — решительно сказал Снусмумрик и

спрыгнул с перил. — В такой славный денёк непременно надо придумать что-нибудь совсем необыкновенное.

Муми-тролль стал под окошком восточной мансарды и, сунув в рот лапы, дал сигнал по одним им понятной тайной системе: три простых свистка и один долгий. (Это означало: «Есть дело».) Слышно было, что Снифّف перестал храпеть, но не шелохнулся.

— А ну-ка ещё раз! — сказал Снусмумрик, и они повторили сигнал с удвоенной силой.

Окошко с треском распахнулось.

— Я сплю! — сердито крикнул Снифّف.

— Давай к нам, да не сердись, — сказал Снусмумрик. — Мы задумали что-то совсем необыкновенное.

Снифّف наострил помятые со сна уши и спустился вниз по верёвочной лестнице. (Пожалуй, не лишне упомянуть, что в Муми-доме верёвочные лестницы были под каждым окном — ведь выходить каждый раз через крыльцо такая морока!)

День и вправду обещал быть чудесным. Повсюду было полно ещё не совсем проснувшейся от долгой зимней спячки ползучей мелюзги, она шныряла во все стороны и заново знакомилась друг с другом. Одни проветривали платье и чистили щёткой усы, другие строили себе дома, третьи на все лады готовились к встрече весны. Муми-тролль, Снусмумрик и Снифّف то и дело останавливались посмотреть, как строится дом, или послушать какую-нибудь ссору. (Это часто случается в первые дни весны, потому что когда выходишь из спячки, с утра нередко бываешь в дурном настроении.) На ветвях деревьев сидели древесные феи, расчёсывая свои длинные волосы, а в снегу, островками лепившимися с северной стороны стволов, прокладывали длинные ходы мыши и прочая мелюзга.

— С новой весной! — сказал один пожилой ўж. — Как зимовалось?

— Спасибо, ничего, — ответил Муми-тролль. — А вам, братец, хорошо спалось?

— Отлично, — ответил ўж. — Кланяйтесь от меня папе и маме!

Такие вот примерно разговоры вели они с многочисленными личностями, попадавшимися им по пути. Но чем выше в гору, тем безлюднее становилось вокруг, и под конец им лишь изредка встречались хлопотливые мыши-мамы, занятые весенней уборкой.

— Ой, как неприятно! — сказал Муми-тролль, высоко подбирая лапы на тающем снегу. — Муми-тролли не любят, когда так много снега. Это мне мама сказала. — Он чихнул.

— Послушай-ка, Муми-тролль, — сказал Снусмумрик. — Есть идея. Что, если забраться на самую верхушку горы и сложить там пирамиду из камней? Пусть знают, что мы первые побывали на вершине.

— Идёт, — сказал Снифф и тотчас двинулся в путь, не желая никого пропускать впереди себя.

На вершине разгуливал весенний ветер и на все четыре стороны распахивался голубой горизонт. На западе было море, на востоке река, петляя, уползала в глубь Одиноких гор, на севере, как весенний ковёр, про-

стирались дремучие леса, а на юге из трубы Муми-дома курился дымок — это Муми-мама варила к завтраку кофе. Но Снифф ничего этого не замечал. Потому что на вершине горы лежала шляпа, точнее говоря, чёрный цилиндр.

— Кто-то уж побывал тут до нас! — сказал он.

Муми-тролль поднял шляпу и стал её рассматривать.

— Шляпа что надо, — сказал он. — Может, будет тебе как раз впору, Мумрик?

— Нет, нет, — ответил Снусмумрик (он очень любил свою старую зелёную шляпу). — Уж слишком новая!

— А может, она понравится папе? — размышлял вслух Муми-тролль.

— Захватим её с собой, — сказал Снифф. — А теперь я хочу домой. Смерть как хочется кофе. А вам?

— Ещё бы! — с жаром отзывались Муми-тролль и Снусмумрик.

Вот как получилось, что они нашли шляпу Волшебника и забрали её с собой, не подозревая о том, что тем самым превратили Муми-дол в арену всяческого волшебства и удивительнейших событий.

Когда Муми-тролль, Снусмумрик и Снифф вошли на веранду, все уже попили кофе и разбрелись кто куда. Один только Муми-папа остался дома читать газету.

— Так, так, — сказал он. — Стало быть, и вы тоже проснулись. Удивительно пустая сегодня газета. Ручей прорвал запруду и уничтожил поселение муравьёв. Жертв не было. А ещё, в четыре часа утра в долину прилетела первая весенняя кукушка и проследовала дальше на восток.

— Посмотри-ка, что мы нашли, — гордо сказал Муми-тролль. — Мировецкий чёрный цилиндр, как раз для тебя.

Муми-папа оглядел шляпу со всех сторон, а потом примерил перед зеркалом в гостиной. Шляпа была для него чуточку великовата и тяжела, но общее впечатление было весьма внушительное.

— Мама! — позвал Муми-тролль. — Поди-ка взгляни на папу!

Муми-мама открыла дверь, да так и застыла на пороге от удивления.

— Ну как, идёт? — спросил Муми-папа.

— Идёт-то идёт, — отвечала Муми-мама. — У тебя в ней очень мужественный вид. Вот разве что чуточку великовата.

— А так не лучше будет? — спросил Муми-папа и сдвинул шляпу на затылок.

— Мм... и так ничего, — сказала Муми-мама, — только, пожалуй, без шляпы ты выглядишь гораздо солиднее.

Муми-папа оглядел себя в зеркало и спереди и сзади, оглядел с боков и со вздохом положил шляпу на комод.

— Ты права, — сказал он. — Не шляпа красит человека, а человек шляпу.

— Не то хорошо, что хорошо, а что к чему идёт, — добродушно заметила Муми-мама. — Ешьте побольше яиц, дети, ведь вы прожили на хвойных иголках целую зиму!

И она снова ушла на кухню.

— Но ведь должна же она на что-нибудь пригодиться! — не унимался Снифф. — Такая прекрасная шляпа!

— Используем её вместо корзины для бумаги, — ответил Муми-папа и удалился наверх писать мемуары (большую книгу о своей бурной юности).

Снусмумрик поставил шляпу на пол между комодом и кухонной дверью.

— Ну вот, теперь у вас прибавилось обстановки, — сказал он, широко ухмыляясь, — радость обладания вещами была ему совершенно чужда. Он вполне обходился старым платьем, которое носил с того момента, когда родился (где и как — неизвестно), и единственное, с чем он никогда не расставался, была губная гармошка.

— Покончите с завтраком, пойдём проведаем спорков, — сказал Мумитроль и, прежде чем выйти в сад, бросил яичную скорлупу в новую корзину для бумаги, потому что (иногда) он был очень аккуратный мумитроль.

Гостиная опустела. А в углу, между комодом и дверью на кухню, осталась шляпа Волшебника с яичной скорлупой. И тут сотворилось чудо: яичная скорлупа начала преображаться.

Дело в том, что всякая вещь, если она достаточно долго пролежит в шляпе Волшебника, превращается в нечто совершенно иное — и никогда нельзя знать заранее, во что именно. Муми-папе ужасно повезло, что шляпа ему не подошла; побудь он в ней чуточку подольше — и только покровителю всех троллей и сниффов известно, какая участь его ожидала.

Муми-папа заработал лишь лёгкую головную боль (которая прошла после обеда). Зато яичные скорлупки, оставшиеся в шляпе, мало-помалу начали менять свой вид. Они сохранили белый цвет, но всё росли и росли

в размерах и стали мягкими и пухлыми. Немного погодя они целиком заполнили шляпу, а потом из шляпы выпорхнули пять маленьких круглых тучек. Они выплыли на веранду, мягко спустились с крыльца и повисли в воздухе над самой землёй. А в шляпе Волшебника стало пусто.

— Это надо же! — сказал Муми-тролль.

— Уж не пожар ли? — обеспокоенно спросил Снорк.

Тучки неподвижно стояли перед ними и словно чего-то ждали.

Фрёкен Снорк тихонечко протянула лапу и потрогала тучку, которая была к ней поближе.

— Совсем как вата! — удивлённо сказала она.

Тут все придвинулись ближе и стали ощупывать тучки.

— Подушка, да и только, — сказал Снифф.

Снусмумрик осторожно толкнул одну из тучек. Она проплыла немного в воздухе и снова застыла на месте.

— Чьи они? — спросил Снифф. — Как они попали на веранду?

Муми-тролль только покачал головой в ответ.

— Таких чудес со мной ещё не вытворялось, — сказал он. — Пожалуй, надо позвать маму.

— Нет, нет! — возразила фрёкен Снорк. — Исследуем их сами. — Она прижала тучку к земле и погладила её лапами. — Какая мяненькая! — В следующее мгновение она уже сидела на тучке и с хихиканьем подскакивала на ней.

— А я-то! А я-то! — завопил Снифф и мигом взобрался на другую тучку. — А ну давай!

И только он крикнул: «А ну давай!», как тучка поднялась над землёй и описала небольшую изящную дугу.

— О господи! — изумлённо воскликнул Снифф. — Она движется!

Тут уж и все остальные взобрались каждый на свою тучку и закричали: «А ну давай! Гоп!»

Тучки, словно большие послушные кролики, длинными плавными скачками парили над землёй. Ими можно было управлять — это открытие сделал Снорк. Лёгкий нажим одной ногой — поворот. Обеими ногами — полный вперёд. Чуть покачаешь тучку — и она набирает высоту.

Всё это было страшно занятно. Расхрабрившись, они взлетали до верхушек деревьев и даже на крышу Муми-дома. А Муми-тролль остановился на своей тучке перед окном Муми-папы и громко крикнул: «Кукареку!» (Ему просто не пришло в голову ничего более умного, в таком возрасте он был.) Муми-папа выронил ручку и бросился к окну.

— Клянусь моим хвостом! — вырвалось у него. — Клянусь моим хвостом!

Больше он ничего не мог сказать.

— Из этого выйдет мировая глава для твоих мемуаров, — сказал Муми-тролль и, подрулив к кухонному окну, позвал маму. Но Муми-мама спешно готовила мясо с картошкой и луком, и ей было некогда.

— Что ты ещё там придумал, золотко моё? — спросила она. — Смотри не упади!

А внизу в саду Снорк и Снусмумрик изобрели новую игру. Они с разгона сталкивались друг с другом, и кто сваливался на землю, тот проигрывал.

— Сейчас я тебе покажу! — кричал Снусмумрик, пришпоривая тучку. — А ну пошла!

Но Снорк ловко вильнул в сторону и коварно напал на него снизу. Тучка Снусмумрика накренилась, и он воткнулся головой в цветочную грядку, так что шляпа налезла ему на нос.

— Третий раунд! — закричал Снифф — он был судьёй и парил чуть повыше противников. — Счёт: два — один! По местам! Готовы? Начали!

— Прокатимся немножечко вместе? — предложил Муми-тролль фрёкен Снорк.

— С удовольствием, — ответила она и подрулила к нему. — А куда?

— Давай разыщем Хемуля. То-то он удивится!

Они облетели все излюбленные места Хемуля, но его нигде не было.

— Обычно он никогда не уходит из дому надолго, — сказала фрёкен Снорк. — В последний раз, когда я его видела, он разбирал свои почтовые марки.

— Так ведь это было полгода назад, — заметил Муми-тролль.

— Ой, верно! — отозвалась фрёкен Снорк. — Ведь мы же проспали всю зиму.

— И сладко тебе спалось? — спросил Муми-тролль.

Фрёкен Снорк с изяществом перепорхнула через верхушку дерева и, немного подумав, ответила:

— Мне снился страшный сон. Какой-то противный дядька в чёрном цилиндре глядел на меня и усмехался.

— Странно, — сказал Муми-тролль. — И мне то же самое снилось. А что, он был в белых перчатках?

— Вот-вот, — кивнула фрёкен Снорк.

Они плавно парили между деревьями, думая о своём сне, и вдруг увидели Хемуля. Он брёл по лесу, заложив руки за спину и уставившись носом в землю. Муми-тролль и фрёкен Снорк спланировали вниз, пристроились у него по бокам и разом крикнули:

— С добрым утром!

— Ой! — вскрикнул Хемуль. — Ну и испугался же я. Разве вы не знаете, что мне нельзя устраивать такие сюрпризы? У меня сердце в пятки уходит.

— Ах, прости, — сказала фрёкен Снорк. — А ты видишь, на чём мы едем?

— Диковина, ничего не скажешь, — ответил Хемуль. — Ну да уж мне не в новинку, что у вас что ни шаг — то диковина. А я вот захандрил.

— С чего бы это? — сочувственно спросила фрёкен Снорк. — Хандрить в такой славный денёк!

Хемуль покачал головой.

— Не поймёте вы меня.

— Как-нибудь постараемся, — сказал Муми-тролль. — Опять потерял какую-нибудь опечатку?

— Как раз нет, — мрачно ответил Хемуль. — У меня всё цело. Всё до единой марки. Моя коллекция совершенна. В ней нет недостат.

— Ну, так что же тогда? — подбодрила его фрёкен Снорк.

— Я знал, что вы меня не поймёте.

Муми-тролль и фрёкен Снорк озабоченно переглянулись. Они поотступали от Хемуля из уважения к его горю и держались теперь позади. А Хемуль продолжал брести дальше. Они терпеливо выжидали, когда он поведает им свою печаль.

И вот немного погодя Хемуль воскликнул:

— Нет! Это бессмысленно...

А ещё немного погодя сказал:

— К чему всё, всё? Можете использовать мою коллекцию вместо туалетной бумаги!

— Да что с тобой, Хемуль! — взволнованно воскликнула фрёкен Снорк. — Ты прямо-таки кощунствуешь. У тебя самая лучшая коллекция марок на свете!

— В том-то и дело! — в отчаянии сказал Хемуль. — Она закончена! На свете нет ни одной марки, ни одной опечатки, которой бы у меня не было. Ни одной, ни однёшенькой. Чем же мне теперь заняться?

— Я, кажется, начинаю понимать, — медленно произнёс Муми-тролль. — Ты перестал быть коллекционером, теперь ты всего-навсего обладатель, а это вовсе не так интересно.

— Да, — с убитым видом подтвердил Хемуль, — вовсе не интересно. Он остановился и повернул к ним нахмуренное лицо.

— Милый Хемуль, — сказала фрёкен Снорк и тихонько похлопала его по руке. — Я вот что надумала. Не начать ли тебе собирать что-нибудь другое, совсем другое?

— Это идея, — согласился Хемуль. Но морщины по-прежнему не сходили с его лба: он попросту не мог радоваться после такого серьёзного огорчения.

— Ну, скажем, бабочки? — предложил Муми-тролль.

— Это исключено, — сказал Хемуль, и лицо его помрачнело ещё больше. — Бабочек коллекционирует мой двоюродный брат. А я терпеть его не могу.

— Ну, а кинозвёзды? — спросила фрёкен Снорк.

Хемуль лишь презрительно фыркнул.

— Может быть, драгоценности? — с надеждой спросила фрёкен Снорк. — Ведь драгоценностям никогда не будет конца!

— Тьфу! — только и сказал Хемуль.

— Ну, больше я ничего не могу придумать, — сказала фрёкен Снорк.

— Ладно, что-нибудь мы тебе подберём, — утешил его Муми-тролль. — Уж мама-то наверняка сумеет. Да, кстати, ты не видал Ондатра?

— Он ещё спит, — грустно ответил Хемуль. — Он считает, что незачем вставать так рано, и, в сущности, он прав.

И Хемуль в одиночестве побрёл дальше по лесу.

А Муми-тролль и фрёкен Снорк поднялись над верхушками деревьев

и, плавно покачиваясь, поплыли в солнечном блеске. При этом они не переставая думали о том, что́ бы предложить Хемулю для коллекционирования.

— Может быть, раковины? — сказала фрёкен Снорк.

— Или пуговицы от штанов? — сказал Муми-тролль.

Когда они вернулись домой обедать, Хемуль поджидал их на крыльце. Он весь так и сиял от радости.

— Ну? — спросил Муми-тролль. — На чём же ты остановился?

— Растения! — воскликнул Хемуль. — Займусь ботаникой. Это меня Снорк надоумил. Соберу самый замечательный гербарий на свете!

И он развернул полы юбки¹ и показал свою первую добычу. Это был тоненький стебелёк гусиного лука, облепленный комьями земли и листьями.

— *Gagea lutea*, — гордо сказал Хемуль. — Номер первый в коллекции. Безупречный экземпляр.

Он вошёл в дом и вывалил содержимое юбки на обеденный стол.

— Ступай-ка в уголок, — сказала Муми-мама. — Здесь будет стоять суп. Ну как, все в сборе? Ондатр ещё спит?

— Без задних ног, — высказался Снифф.

— Весёлый был сегодня денёк? — спросила Муми-мама, наполняя тарелки.

— Ужасно весёлый! — хором ответило всё Муми-семейство.

Когда наутро Муми-тролль пошёл выпустить тучки из деревянного сарая, их там не оказалось. И никому в голову не пришло, что они имеют какое-либо отношение к пяти яичным скорлупкам, которые как ни в чём не бывало снова лежали в шляпе Волшебника.

ГЛАВА ВТОРАЯ,

в которой рассказывается о том, как Муми-тролль превратился в страшилище и в конце концов отомстил муравьиному льву, а также о таинственном ночном походе Муми-тролля и Снусмумрика

Как-то тихим тёплым днём, когда над долиной шёл летний дождь, обитатели Муми-дома решили сыграть в прятки.

---

¹ Хемуль всегда ходил в платье, унаследованном от тётки. Подозреваю, что все хемули ходят в юбках. Странно, но факт. (Прим. автора.)

Снифф отошёл в угол, закрыл лапами лицо и стал громко считать до десяти. Затем повернулся и начал искать, сперва в обычных потайных местечках, а потом в необычных.

Муми-тролль спрятался под столом на веранде, но на душе у него было беспокойно: слишком уж неподходящее место он выбрал, это факт. Снифф непременно приподымет скатерть, и тогда он пропадёт. Муми-тролль отчаянно шарил глазами вокруг, и тут его взгляд упал на цилиндр, который кто-то задвинул в угол веранды.

Лучше и не придумаешь! Снифф ни за что не догадается искать его под шляпой. Муми-тролль быстро и бесшумно прополз в угол и натянул на себя шляпу. Она доходила ему лишь до живота, но это ничего. Он присядет, подберёт хвост и станет совсем невидим.

Муми-тролль знай себе похихикивал, слыша, как Снифф одного за другим отыскивает участников игры. Хемуль, похоже, опять спрятался под диван, на лучшее у него просто не хватает воображения. Ну, а вот теперь все гурьбой бегают по дому и ищут его, Муми-тролля.

Он всё ждал и ждал, и лишь когда его взяло опасение, что им надоест искать, вылез из шляпы, просунул голову в дверь и сказал:

— Я тут!

Снифф посмотрел на него каким-то странно долгим взглядом, потом с поразительным дружелюбием ответил:

— Я сам тут.

— Это кто такой? — прошептала фрёкен Снорк.

Остальные лишь покачали головами и продолжали пристально рассматривать Муми-тролля.

Бедняжка Муми-тролль! В шляпе Волшебника он превратился в очень странное на вид существо. Всё, что было у него округлым, стало узким, всё маленькое — большим. А самым поразительным было то, что только он один не видел, каким он стал.

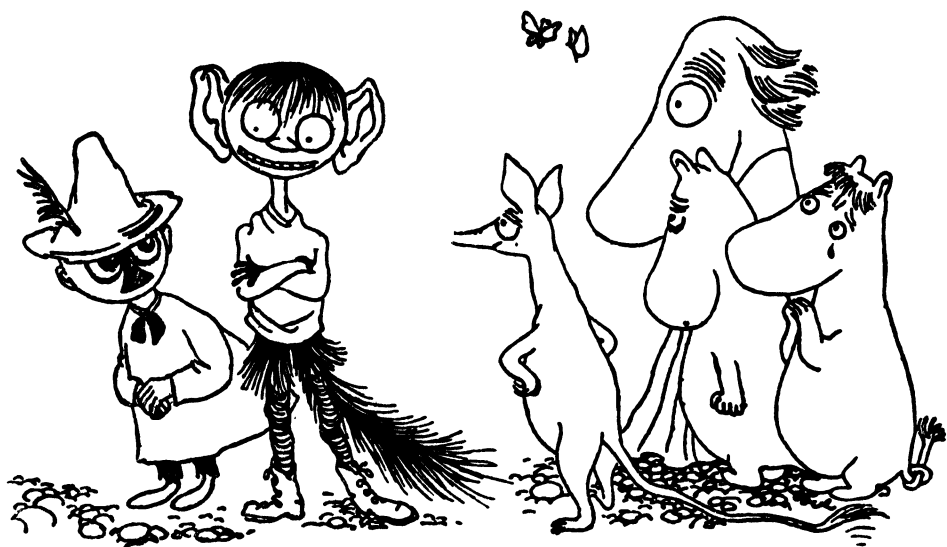
— Во как вы все удивились, — сказал Муми-тролль, делая неуверенный шаг вперёд на длинных шатучих ногах. — Вам ни за что не догадаться, где я был!

— А нам и дела нет, — сказал Снорк. — Ну, а что мы удивились, так это верно, тут хоть кто удивится, такой у тебя мерзкий вид.

— Чего вы на меня надулись? — жалобно спросил Муми-тролль. — А, понятно, вам слишком долго пришлось искать! Что же делать теперь?

— По-моему, прежде всего ты должен представиться, — холодно заметила фрёкен Снорк. — Ведь мы знать не знаем, кто ты такой.

Муми-тролль уставился на неё в оба глаза, но тут у него мелькнула мысль, что это наверняка какая-то новая игра. Он весело рассмеялся и сказал:

— Я король Калифорнии!

— А я сестра Снорка, — сказала фрёкен Снорк. — Вот это — мой брат.

— А меня зовут Снифф, — сказал Снифф.

— А я — Снусмумрик, — сказал Снусмумрик.

— Фу, какие вы нудные, — сказал Муми-тролль. — Не могли выдумать ничего оригинальнее. Пошли во двор, погода, кажется, проясняется.

Он спустился с крыльца, и все последовали за ним, удивлённые и полные недоверия.

— Кто это? — спросил Хемуль, сидевший возле дома и считавший тычинки в подсолнухе.

— Король Калифорнии, — нерешительно ответила фрёкен Снорк.

— Он что, будет жить с нами? — спросил Хемуль.

— Это должен решить Муми-тролль, — сказал Снифф. — Ума не приложу, куда он запропастился.

— Нет, порой ты и вправду бываешь занятый! — расхохотался Муми-тролль. — Подумать только — мы должны искать Муми-тролля!

— А ты с ним знаком? — спросил Снусмумрик.

— Ха-ха-ха! — закатывался Муми-тролль. — Нашел о чём спрашивать! Очень даже знаком, правда-правда!

Казалось, ещё немного — и он лопнет от восторга, так нравилась ему новая игра. Да к тому же он полагал, что великолепно выдерживает свою роль.

— Когда же ты с ним познакомился? — спросила фрёкен Снорк.

— Мы родились одновременно, — отвечал Муми-тролль, не в силах сдержать рвущееся наружу веселье. — Это такой негодник! Его просто нельзя пускать в приличную квартиру!

— Не смей так говорить о Муми-тролле! — вскипела фрёкен Снорк. — Он самый лучший тролль на свете, и мы все ужасно любим его!

Муми-тролль не помнил себя от восторга.

— В самом деле? — сказал он. — Ну, а на мой взгляд он сущий разбойник, да и только!

Фрёкен Снорк разревелась.

— А ну, вали отсюда, — грозно сказал Снорк. — Не то мы тебя так отдубасим, что своих не узнаешь!

Муми-тролль опешил.

— Ну, ну, — сказал он. — Ведь это всего-навсего игра. Я страшно рад, что вы так меня любите.

— Никто тебя не любит! — пронзительно крикнул Снифф. — Бей его, ребята! Гнать отсюда гадкого короля, пусть знает, как наговаривать на нашего Муми-тролля!

И все скопом набросились на бедняжку. Он был слишком ошеломлён, чтобы защищаться, а когда вошёл в раж, было уже поздно: он лежал в самом низу галдящей кучи малы, во все стороны махавшей руками, лапами и хвостами.

Тут на крыльцо вышла Муми-мама.

— Что с вами, дети? — крикнула она. — Прекратить сию же минуту!

— Даём взбучку королю Калифорнии! — всхлипнула фрёкен Снорк. — Так ему и надо!

Муми-тролль выбрался из кучи малы, рассерженный и обессиленный.

— Мама! — крикнул он. — Они первые начали! Трое против одного — это несправедливо!

— Согласна, — серьёзно ответила Муми-мама. — Но ты несомненно раздражил их. Кстати сказать, кто ты такой, малыш?

— Прекратите эту глупую игру! — крикнул Муми-тролль. — С вами совсем не интересно играть! Я Муми-тролль, а вот моя мама. Слышите?

— Никакой ты не Муми-тролль, — презрительно сказала фрёкен Снорк. — У Муми-тролля такие славные маленькие ушки, а у тебя вон какие лопушищи!

Муми-тролль в смнении схватился за голову и нацупал пару больших, в складках, ушей.

— Но ведь я же Муми-тролль! — в отчаянии крикнул он. — Неужели вы мне не верите?

— У Муми-тролля такой маленький, аккуратненький хвостик, а у тебя хвостище, как щётка для чистки ламп, — сказал Снорк.

Увы, это было так! Муми-тролль убедился в этом, ощутив себя сзади дрожащими лапами.

— У тебя глазищи словно тарелки, — сказал Снифф. — А у Муми-тролля такие маленькие приветливые глазки.

— Совершенно верно, — подтвердил Снусмумрик.

— Ты самозванец, — заключил Хемуль.

— Неужели никто мне не верит? — воскликнул Муми-тролль. — Мамочка, погляди на меня, уж ты-то должна узнать своё Муми-дитя.

Муми-мама поглядела в его испуганные глаза-тарелки, она глядела в них долго-долго и наконец сказала:

— Да, это Муми-тролль.

И не успела она это промолвить, как Муми-тролль начал преображаться. Его глаза, уши и хвост уменьшились, а нос и живот увеличились. И вот уж перед ними стоит Муми-тролль во всём своём великолении, такой, каким был.

— Иди же, я обниму тебя, — сказала Муми-мама. — Уж моего-то маленького Муми-сына я узнаю всегда, что бы ни случилось.

Немного погодя в тот же день Муми-тролль и Снорк сидели в одном из своих потайных местечек — под кустом жасмина, в круглом гроте из зелёной листвы, укрывавшей их со всех сторон.

— Да, но ведь кто-то же тебя заколдовал, иначе быть не может, — сказал Снорк.

Муми-тролль отрицательно покачал головой.

— Я не видел ничего особенного, — ответил он. — Ничего такого не ел, не произносил никаких опасных слов.

— А не попал ли ты, случаем, в заколдованный круг? — предположил Снорк.

— Не знаю, — ответил Муми-тролль. — Я всё время сидел под чёрной шляпой, которая у нас вместо корзины для бумаги.

— В шляпе? Внутри? — переспросил Снорк, словно осенённый догадкой.

— Ну да.

Они задумались и некоторое время сидели молча, потом разом воскликнули:

— Всё ясно, в ней-то и дело!..

И пристально посмотрели друг на друга.

— Пошли! — сказал Снорк.

Они поднялись на веранду и осторожно приблизились к шляпе.

— Очень даже обыкновенная шляпа, — сказал Снорк. — Разумеется, если не принимать во внимание, что цилиндр, вообще-то говоря, шляпа очень даже не обыкновенная.

— Но как узнать, что это она всё наделала? — спросил Муми-тролль. — Я в неё больше не полезу!

— Может, заманим туда кого-нибудь? — предложил Снорк.

— Но ведь это подло! — возразил Муми-тролль. — Почём знать, а вдруг этот кто-нибудь уже не превратится в самого себя?

— А если взять врага?

— Гм... — отозвался Муми-тролль. — Кого именно?

— Дикобраза, — сказал Снорк.

Муми-тролль потряс головой.

— Дикобраз слишком велик.

— Ну, тогда муравьиного льва.

— Это подойдёт, — одобрил Муми-тролль. — Муравьиный лев затащил раз мою маму в нору и насыпал ей в глаза песку.

Они нашли большую банку и отправились к морю: как раз там, на песчаном берегу, устраивает свои коварные норы муравьиный лев. Вскоре Снорк нашёл большую круглую яму и отчаянно замахал Муми-троллю.

— Он тут! — прошептал Снорк. — Только как мы заманим его в банку?

— Это я возьму на себя, — шёпотом ответил Муми-тролль.

Он взял банку, закопал её в песок отверстием вверх и громко сказал:

— Жалкие козявки эти муравьиные львы.

После чего сделал Снорку знак, и оба выжидающе усталились в яму. Песок на её дне зашевелился, но никто не показывался.

— Просто жалкие козявки! — повторил Муми-тролль. — Даже в песок они зарываются часами, копуши!

— Так-то оно так, но... — с сомнением начал Снорк.

— Да что там! — перебил Муми-тролль, делая ему яростные знаки ушами. — Просто копуши!

И в то же мгновение из ямы в песке высунулась грозная голова с выпученными глазами.

— Копуши, говоришь? — прошипел муравьиный лев. — Да я закапываюсь в песок за три секунды!

— Тогда, может, дяденька лев покажет нам, как это делается, вот мы и поверим, — вкрадчиво произнёс Муми-тролль.

— Я и вас засыплю песком! — сердито сказал муравьиный лев. — И когда вы окажетесь в моей норе, я вас съем!

— Пожалуйста, не надо! — испуганно сказал Снорк. — Лучше покажите нам, как вы умеете закапываться задом наперёд за три секунды!

— Сделайте это вот тут, тогда мы лучше увидим, — сказал Муми-тролль и показал на то место, где была закопана банка.

— Неужели вы думаете, у меня только и забот, что проделывать фокусы перед всякой малышнёй? — сказал муравьиный лев, но соблазн показать свою силу и ловкость был слишком велик. Презрительно фыркая, он выбрался из ямы и надменно спросил: — Ну, где я должен зарыться?

— Вот тут, — показал Муми-тролль.

Муравьиный лев пожал плечами и устрашающе взъерошил гриву.

— Так смотрите же, крошки-малывки! — крикнул он. — Сейчас я уйду под землю, а как вернусь, съем вас! Раз, два, три!..

И, вращаясь словно пропеллер, муравьиный лев задом наперёд ушёл в песок, прямо в банку. Это и вправду произошло за три секунды, а может, чуть быстрее — за две с половиной, потому что лев ужасно рассердился.

— Крышку, живо! — крикнул Муми-тролль.

Они расшвыряли над банкой песок и крепко-накрепко закрутили крышку. Потом вынули банку и покатали её домой. Муравьиный лев кричал и сыпал проклятиями, но толстый слой песка заглушал его голос.

— Он рвёт и мечет, — сказал Снорк. — Страшно подумать, что будет, если он выберется наружу!

— Не выберется, — спокойно отвечал Муми-тролль. — А когда выберется, то, надеюсь, в преображённом виде, каким-нибудь страшилой.

Подойдя к дому, Муми-тролль сунул лапы в рот и издал три долгих

свистка (что означало: «Произошло неслыханное событие»). Друзья бежали к нему со всех сторон и сгрудились вокруг банки.

— Что там у вас? — спросил Снифф.

— Муравьиный лев, — гордо отвечал Муми-тролль. — Самый правдивый, злой муравьиный лев, мы поймали его.

— Подумать только, какие вы смелые! — с восхищением сказала фрёкен Снорк.

— А теперь мы хотим пересадить его в шляпу, — сказал Снорк.

— Чтобы он превратился в страшилище, как случилось со мной, — сказал Муми-тролль.

— Говори по-людски, если хочешь, чтобы тебя понимали, — сказал Хемуль.

— Ну, стало быть, я спрятался в цилиндр, оттого и преобразился, — пояснил Муми-тролль. — А теперь хотим поставить контрольный опыт — посмотреть, превратится ли муравьиный лев во что-нибудь.

— Но ведь он может превратиться в кого угодно! — воскликнул Снифф. — И станет ещё страшнее, чем муравьиный лев! Вот возьмёт и съест всех нас!

Некоторое время все стояли в боязливом молчании, разглядывая банку и слушая приглушённые вопли, доносившиеся изнутри.

— Ой! — сказала фрёкен Снорк. — Ой! — и совершенно обесцветилась¹.

— А мы спрячемся под столом, пока он будет преображаться, а шляпу прикроем толстой книгой, — предложил Снусмумрик. — Кто экспериментирует, тот всегда рискует. Валите его в шляпу!

---

¹ Снорки часто меняют окраску при душевном волнении. (Прим. автора.)

Снифф метнулся под стол. Муми-тролль, Снусмумрик и Хемуль держали банку над шляпой волшебника, а фрёкен Снорк осторожно отвинчивала крышку. В завихрении песка муравьиный лев провалился в шляпу, и Снорк тут же прикрыл шляпу словарём иностранных слов. После этого все кучей бросились к столу и спрятались под ним. Но ничего особенного не произошло.

Они выглядывали из-под скатерти и ждали. Их беспокойство всё возрастало. Но в шляпе всё было тихо.

— Всё это ерунда, — сказал Снифф.

И как раз в это мгновение словарь иностранных слов начал сморщиваться. Снифф от волнения укусил Хемуля за палец.

— Осторожно! — сердито сказал Хемуль. — Ты укусил меня за палец.

— Ой, прости, — сказал Снифф. — Я думал, это мой палец.

А словарь съёживался и съёживался. Его страницы походили теперь на увядшие листья. Иностранные слова вылезли из него и расползлись по полу.

— Это надо же! — сказал Муми-тролль.

И вдруг что-то произошло. С полей шляпы закапало. Полилось. Вода потоками выплёскивалась на ковёр, и иностранным словам пришлось искать спасения на стенах.

— Муравьиный лев превратился в воду, и всё, — разочарованно сказал Снусмумрик.

— А мне кажется, это песок стал водой, — прошептал Снорк. — Сейчас появится и сам лев.

Снова потянулось невыносимое ожидание. Фрёкен Снорк спрятала голову на груди Муми-тролля, Снифф попискивал от страха. И вот на полях шляпы показался ёжик — наверное, самый маленький ёжик на свете. Весь встопорщенный, мокрый, он поводил носом во все стороны, подслеповато щуря глаза.

Несколько секунд в комнате стояла мёртвая тишина. А потом Снусмумрик расхохотался. Когда он остановился перевести дух, остальные продолжали за него. Все не то что смеялись, а буквально ревели и катались от радости под столом. Не смеялся один только Хемуль. Он с удивлением поглядел на своих друзей и сказал:

— Да, но ведь мы и так знали, что муравьиный лев преобразится! Ума не приложу, чего вы всегда поднимаете столько шуму из-за самых обыкновенных вещей.

А ёжик тем временем с торжественным и чуточку печальным видом

прошествовал к выходу и спустился с крыльца. Вода перестала лить из шляпы и лужей растеклась по полу веранды. А весь потолок кипел иностранными словами.

Когда о случившемся рассказали Муми-папе и Муми-маме, они отнеслись к происшествию очень серьезно и решили, что шляпу Волшебника надо уничтожить. Её осторожно скатили вниз к реке и сбросили в воду.

— Теперь понятно, откуда взялись тучки и страшилище, — сказала Муми-мама, стоя на берегу и глядя, как шляпа уплывает вниз по течению.

— А что, тучки-то были мировые, — сказал несколько расстроенный Муми-тролль. — Пускай бы их было ещё больше.

— Ну да, а также воды и иностранных слов, — сказала Муми-мама. — Боже, что стало с верандой! Ума не приложу, как теперь избавляться от этой ползучей мелюзги. Путается везде под ногами, и никакого порядка в доме!

— Всё равно тучки были мировые, — упорствовал Муми-тролль.

Вечером ему не спалось. Он лежал и смотрел в светлую июньскую ночь, полную одиноких криков, плясок и шороха крадущихся шагов. Благоухали цветы.

Снусмумрик ещё не возвращался. В такие ночи он часто бродил один со своей губной гармошкой. Но в эту ночь его песен не было слышно. Наверное, он отправился в путешествие, делать какие-нибудь открытия. Скоро он разобьёт на речном берегу палатку и совсем перестанет ночевать

дома... Муми-тролль вздохнул. Ему было грустно, хотя тужить было не о чем.

Тут под окошком раздался негромкий свист, и сердце Муми-тролля так и подпрыгнуло от радости. Он тихонько подошёл к окну и выглянул наружу. Свист означал: «Совершенно секретно!» Внизу у верёвочной лестницы стоял Снусмумрик.

— Ты умеешь хранить тайны? — шёпотом спросил он, когда Муми-тролль спустился вниз.

Муми-тролль с жаром потряс головой.

Снусмумрик склонился к нему и сказал ещё тише:

— Шляпу вынесло на сушу, на песчаную отмель чуть ниже по реке. В глазах Муми-тролля сверкнул огонёк.

— Ты согласен? — спросил Снусмумрик простым поднятием бровей.

— Ещё бы! — отвечал Муми-тролль чуть заметным шевелением ушей.

Словно тени, проскользнули они росистым садом к реке.

— Это за две излучины отсюда, — понизив голос, сказал Снусмумрик. — Собственно говоря, спасти её — наш долг; вода, которая в неё затекает, становится красной. Все, кто живёт вниз по течению, в ужас придут от этой жуткой воды.

— Нам следовало подумать об этом с самого начала, — сказал Муми-тролль. Он был горд и рад, что ему довелось выйти вот так ночью вместе со Снусмумриком. Прежде Снусмумрик всегда уходил в свои ночные странствия один.

— Где-то здесь, — сказал Снусмумрик. — В том месте, где в воде начинается тёмная полоса. Видишь?

— Не очень, — отвечал Муми-тролль, который шёл в полутьме, спотыкаясь на каждом шагу. — Я не так хорошо вижу ночью, как ты.

— Не представляю, как мы её достанем, — размышлял вслух Снусмумрик, остановившись на берегу и глядя на реку. — Как жалко, что у твоего отца нет лодки.

Муми-тролль задумался.

— Я не так уж плохо плаваю, — сказал он наконец. — Если только вода не слишком холодная.

— Куда тебе! — с недоверием сказал Снусмумрик.

— А вот возьму и поплыву, — сказал Муми-тролль, и всю его робость как рукой сняло. — В какой это стороне?

— Вон там наискосок, — ответил Снусмумрик. — Ты очень скоро нащупаешь дно отмели. Только смотри, не суй в шляпу руки. Бери за тулью.

Муми-тролль скользнул в тёплую воду и по-собачьи поплыл по реке. Течение здесь было сильное, и сначала он чувствовал себя неуверенно. Но вот он увидел отмель, а на ней что-то чёрное. Он подрул хвостом и тотчас же нацупал лапами дно.

— Ну как, порядок? — негромко окликнул его с берега Снусмумрик.

— Порядок! — отозвался Муми-тролль и выбрался на отмель.

От шляпы вниз по течению тянулась тёмная струя. Это и была та волшебная красная вода, о которой говорил Снусмумрик. Муми-тролль сунул в неё лапу и осторожно лизнул.

— Это надо же! — пробормотал он. — Ведь это фруктовый сок! Подумать только, теперь стоит зачерпнуть шляпой воды, и у нас будет сколько угодно фруктового сока!

И, не помня себя от восторга, он издал свой самый радостный воинственный клич: «Пи-хо!»

— Ну что, нашёл? — озабоченно спросил Снусмумрик.

— Плыву обратно! — ответил Муми-тролль и вновь вошёл в воду, крепко обвив шляпу хвостом.

Плыть против течения, буксируя за собой тяжёлую шляпу, было нелегко, и, достигнув берега, он почувствовал ужасную усталость.

— Вот, — тяжело переводя дух, гордо промолвил он.

— Молодец, — сказал Снусмумрик. — Но где же нам её спрятать?

— Во всяком случае, не в Муми-доме, — ответил Муми-тролль. — Да и в саду вряд ли можно. Её могут найти.

— А что, если в гроте? — сказал Снусмумрик.

— Тогда придётся посвятить в тайну Сниффа, — сказал Муми-тролль. — Ведь грот-то его.

— Место самое подходящее, — раздумчиво сказал Снусмумрик. — Но Снифф слишком мал, чтобы доверить ему такую важную тайну.

— Верно, — серьёзно согласился Муми-тролль. — А знаешь, ведь нам впервые приходится делать что-то такое, о чём нельзя рассказать папе и маме.

Снусмумрик взял шляпу в охапку и пустился в обратный путь по берегу реки. Дойдя до моста, он вдруг остановился.

— Что ты? — встревоженно прошептал Муми-тролль.

— Канарейки! — ответил Снусмумрик. — Вон там, на перилах, три жёлтых канарейки. Чудно, что они ночуют не дома.

— Никакая я не канарейка, — пропищала одна, та, что была к ним поближе. — Я плотвичка.

— Мы все самые порядочные рыбы! — проверещала её подруга.

Снусмумрик сокрущённо покачал головой.

— Вот видишь, каких дел натворила шляпа, — сказал он. — Рыбёшки, как видно, ничего не подозревая, заплыли в неё и преобразились. Так что давай-ка двинем прямо к гроту и спрячем её там!

Идя лесом, Муми-тролль всё теснее жался к Снусмумрику. С обеих сторон тропинки слышались шорохи и шелест крадущихся шагов, веяло жутью. Временами из-за стволов деревьев выглядывали маленькие светящиеся глаза, временами кто-то окликал их с земли или из древесных кущ.

— Ах, какая чудная ночь! — раздавался голос прямо за спиной Муми-тролля.

— Замечательная! — набравшись духу, вторил он, и чья-то маленькая тень проскальзывала мимо него в полутьме.

На побережье было светлее. Море и небо сливались в сплошное бледно-голубое мерцающее пространство. Издали доносились одинокие призывные крики птиц. Близилось утро. Снусмумрик и Муми-тролль забрались в грот и поставили шляпу вверх тормашками в самый укромный уголок, чтобы в неё ничто нечаянно не попало.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ,

в которой описывается, как Ондатр ушёл от мира и пережил нечто неопишное, как «Приключение» занесло Муми-семейство на остров Хатифнаттов, где Хемуль чуть не сгорел, и как над путешественниками разразилась сильная гроза

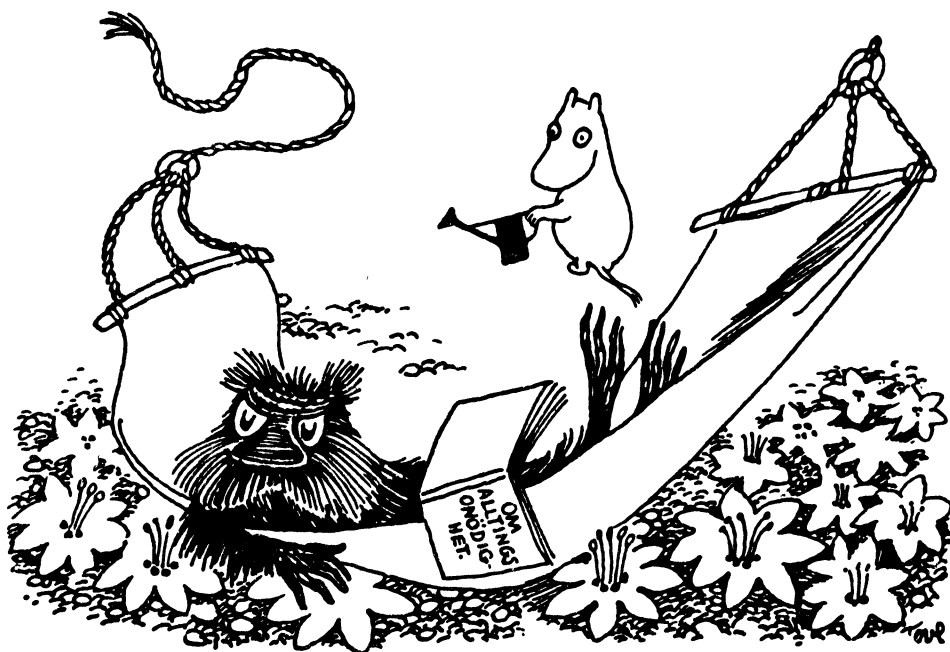
На утро следующего дня, когда Ондатр, по обыкновению, вышел полежать с книгой в гамаке, верёвка оборвалась, и он рухнул на землю.

— Я этого не прощу! — сказал Ондатр, выпутываясь из одеяла.

— Ах, какая досада, — сказал Муми-папа, поливавший саженцы табака. — Надеюсь, вы не ушиблись?

— Не в том суть, — мрачно отвечал Ондатр, дёргая себя за ус. — По мне, хоть земля тресни и огонь сойди с небес — мне дела нет. Это не из тех событий, которые могут смутить мой душевный покой. Но я терпеть не могу, когда меня ставят в смешное положение. Это роняет моё достоинство философа!

— Но ведь только я один и видел, как вы грохнулись, — сказал Муми-папа.

— Как будто этого мало, — сказал Ондатр. — Извольте вспомнить, чего только не потерпелся я в вашем доме! В прошлом году, например, на нас падала комета. Это ничего не значит. Зато вы, наверное, помните, что я уселся тогда на шоколадный торт вашей супруги. Это было чрезвычайно упизительно для моего достоинства. Ваши гости подкладывают щётки в мою постель — очень глупая шутка. Не говоря уже о вашем сыне Мумитролле, который...

— Знаю, знаю, — с виноватым видом упредил его Муми-папа. — Да, конечно, дом у нас беспокойный. Ну, и верёвки с годами перетираются...

— Не смеют они этого делать! — сказал Ондатр. — Пусть бы я до смерти убился — это, разумеется, ничего не значит. Ну, а если бы меня видели ваши молодые люди? Что тогда? Нет уж, лучше брошу всё и снова уйду от мира, буду жить в покое и одиночестве. Это моё твёрдое решение.

— О! — с глубоким уважением произнёс Муми-папа. — Где же вы намерены поселиться?

— В гроте, — ответил Ондатр. — Там никто не нарушит ход моих

мыслей глупыми шутками. Еду будете присылать мне два раза в день. Но не раньше десяти часов.

— Хорошо, — сказал Муми-папа, склонив голову. — Поставить вам там какую-нибудь мебель?

— Это можно, — уже чуть-чуть полюбезнее отвечал Ондатр. — Только самую простую. Я понимаю, вы желаете мне добра, но так или иначе ваше семейство вывело меня из терпения.

Он забрал книгу и одеяло и медленно побрёл вверх по склону. Муми-папа повздыхал немножко, а потом снова принялся поливать табак и вскоре обо всём забыл.

Ондатр пришёл в грот очень довольный. Он расстелил на песке одеяло, уселся и стал думать. Думал он не переставая не меньше двух часов подряд. В гроте царили тишина и покой, сквозь расщелину в потолке заглядывало солнце, мягко озаряя место его уединения. Время от времени, когда сноп солнечного света уходил от Ондатра, тот тихонько подвигался следом за ним.

«Тут я останусь навсегда, навсегда, — думал он. — Как всё это бессмысленно — болтаться по разным местам, болтать лишнее, строить дома, заниматься стряпнёй и обзаводиться собственностью!»

Умиротворённый, оглядел он своё новое жилище и увидел шляпу Волшебника, которую спрятали в самом дальнем углу Муми-тролля и Снусмумрика.

«Корзина для бумаги, — отметил он про себя. — Так, стало быть, она здесь. Ну что ж, на что-нибудь да сгодится».

Он подумал ещё немного и решил вздремнуть. Завернулся в одеяло, положил в шляпу свои вставные зубы, чтобы не обвалить их в песок, и тихо-мирно заснул.

А в Муми-доме тем временем завтракали, и на завтрак были оладьи — золотистые оладьи с малиновым вареньем. Ещё была вчерашняя каша, но на неё никто не польстился, и кашу решили оставить на завтра.

— Сегодня мне хочется чего-то необыкновенного, — сказала Муми-мама. — Мы избавились от зловредной шляпы — это событие надо отпраздновать. Да и надоедает всё время сидеть на одном месте.

— Что верно, то верно! — сказал Муми-папа. — Прогуляться нам не помешало бы. Как вы на это смотрите?

— Мы уже во всех местах побывали, ни одного нового не найдётся! — сказал Хемуль.

— Должно найтись, — сказал Муми-папа. — А нет, так мы его придумаем. Кончайте есть, малыши, — еду забираем с собой.

— А можно доесть то, что уже во рту? — спросил Снифф.

— Не валяй дурачка, — сказала Муми-мама. — Быстренько соберите всё необходимое. Папа хочет немедленно тронуться в путь. Только не берите ничего лишнего. Да, ещё вот что: надо написать записку Ондатру, чтобы он знал, где мы.

— Боже мой! — воскликнул Муми-папа и схватился за голову. — Со всем забыл! Надо отнести ему в грот что-нибудь из мебели и поесть!

— В грот?! — разом вскрикнули Муми-тролль и Снусмумрик.

— Ну да, у гамака оборвалась верёвка, — пояснил Муми-папа, — и Ондатр сказал, что у него нет возможности больше думать и он хочет от всего отказаться. Дескать, вы подкладывали щётки в его постель, и всё такое прочее. Вот он и перебрался в грот.

Муми-тролль и Снусмумрик побледнели и обменялись взглядом, в котором читалась одна и та же ужасная мысль: «Шляпа!»

— Полагаю, всё это не так страшно, — сказала Муми-мама. — Мы прогуляемся к морю и заодно принесём Ондатру поесть.

— Мы столько раз бывали у моря, — захныкал Снифф. — Неужели нельзя поехать куда-нибудь ещё?

— Тихо, малыши! — твёрдо сказал Муми-папа. — Мама хочет купаться. Отправляемся сию минуту!

Муми-мама бросилась собирать вещи в дорогу. Она брала с собой одеяла, кастрюли, берёсту на растопку, кофейник, массу еды, подсолнечное масло, спички и всё то, на чём, в чём и чем едят. Она укладывала зонтик, тёплую одежду, порошки от расстройства желудка, подушки, сетки от комаров, плавки, скатерть и свою сумку. Она страшно суетилась, припоминала, не забыла ли чего, и наконец сказала:

— Ну вот, теперь, кажется, всё! Ах, как это чудесно — побывать у моря!

Муми-папа взял свою трубку и удочку.

— Ну как, готовы? — спросил он. — Ничего не забыли? Выходим!

И они тронулись в путь. Последним шёл Снифф, таща за собой шесть маленьких игрушечных лодочек.

— Как по-твоему, успел Ондатр натворить дел? — шёпотом спросил Муми-тролль у Снусмумрика.

— Будем надеяться, нет! — шёпотом отвечал Снусмумрик. — Только у меня всё равно душа не на месте.

Тут все остановились, да так внезапно, что папа чуть не угодил Хемулю удочкой в глаз.

— Кто это так кричит?.. — взволнованно воскликнула Муми-мама.

Лес сотрясаясь от дикого крика. Кто-то во весь опор мчался прямо в их сторону, подвывая не то от страха, не то от ярости.

— Прячьтесь! — крикнул Муми-папа. — Это какое-то чудовище!

Но не успели они броситься наутёк, как показался Ондатр, с вытаращенными глазами и встопорщенными усами. Он отчаянно размахивал лапами и нёс какую-то несусветицу, никто не понимал, что он хочет ска-

зять. Ясно было одно: то ли он рассердился, то ли испугался, то ли рассердился оттого, что испугался. Не останавливаясь, промчался он мимо них по направлению к Муми-долу.

— Что с ним? — спросила потрясённая Муми-мама. — Ведь он всегда такой степенный, держится с таким достоинством.

— Так убиваться из-за того, что порвалась верёвка у гамака, — сказал Муми-папа и покачал головой.

— А по-моему, он рассердился оттого, что мы забыли принести ему поесть, — сказал Снифф, — и теперь его доля достанется нам.

В тревожных догадках пошли они дальше. А Муми-тролль и Снусмумрик незаметно ушли вперёд и кратчайшим путём направились к гроту.

— Входить через вход нельзя, — сказал Снусмумрик. — Вдруг ОНО всё ещё там. Заберёмся на скалу и посмотрим через расщелину.

В молчании вскарабкались они на скалу и как индейцы подползли к расщелине. Затем с величайшей осторожностью заглянули в грот. Шляпа Волшебника стояла на месте — пустая. В одном углу валялось одеяло, в другом — книга. В гроте никого не было.

Но весь песчаный пол грота был испещрён какими-то странными следами, словно в нём кто-то плясал и скакал.

— Это не следы лап Ондатра! — сказал Муми-тролль.

— Сомневаюсь, лапы ли это вообще, — сказал Снусмумрик. — Уж больно странно они выглядят.

Приятели спустились со скалы, боязливо озираясь по сторонам.

Но ничего страшного они не увидели.

Что именно приключилось с Ондатром, осталось навеки покрытым тайной, потому что сам Ондатр решительно отказывался говорить на эту тему¹.

Тем временем остальные уже добрались до берега моря и кучкой стояли у воды, оживлённо болтая и жестикулируя.

— Они нашли лодку! — воскликнул Снусмумрик. — А ну, бежим смотреть!

Это была сущая правда. Их взору предстала большая, настоящая парусная лодка, покрашенная в лиловый и белый, с обшивкой кромка на кромку, с вёслами и рыбным садком!

— Чья это? — ещё не отдышавшись, спросил Муми-тролль.

---

¹ Если хочешь знать, во что превратились вставные зубы Ондатра, спроси у мамы. Она знает. (Прим. автора.)

— Ничья! — торжествующе ответил Муми-папа. — Её прибило к нашему берегу, а по закону, кто первый нашёл останки кораблекрушения, тому они и принадлежат. Значит, она наша!

— Ей надо дать имя! — воскликнула фрёкен Снорк. — Что, если назвать её «Дорогуля»? Прелесть какое имя!

— «Дорогулю» оставь для себя, — презрительно отозвался Снорк. — Предлагаю назвать её «Орлан».

— Нет, тут непременно нужна латынь! — воскликнул Хемуль. — *Muminates Maritima!*

— Я первый её увидел! — вскричал Снифф. — Мне и выбирать! Назовём её «Снифф» — коротко и ясно. Будет жутко забавно!

— Что жутко, так это точно, — издевательски заметил Муми-тролль.

— Тихо, дети! — сказал Муми-папа. — Тихо. Разве не ясно, что название лодке должна выбрать мама? Ведь это она вытащила нас на прогулку.

Муми-мама так вся и зарделась.

— Куда уж мне, — застенчиво сказала она. — Вот Снусмумрик — тот действительно имеет богатое воображение. Уж конечно, он придумает название лучше меня.

— Право, не знаю, — сказал польщённый Снусмумрик. — По правде говоря, первое, что мне пришло в голову, это «Крадущийся волк» — исключительно стильно.

— Нет, — сказал Муми-тролль, — пусть мама выберет.

— Хорошо, моё золотко, — сказала Муми-мама. — Только не говорите потом, что я глупа и старомодна. Мне казалось, имя лодки должно напоминать нам о том, что она нам даст, ну, я и подумала, что её следует назвать «Приключение».

— Здорово! — сказал Муми-тролль. — Давайте так и назовём её и отпразднуем это! Mamочка, есть у тебя что-нибудь, что могло бы сойти за шампанское?

Муми-мама обшарила все свои корзины.

— Какая жалость! — воскликнула она. — Похоже, я забыла дома фруктовый сок!

— А ведь я спрашивал, не забыла ли ты чего! — строго сказал Муми-папа.

Все ужасно расстроились. Плавание под парусами на новой лодке, не окрещённой по всем правилам, может закончиться плачевно.

И тут Муми-тролля осенило.

— Давай мне кастрюли, — сказал он, наполнил кастрюли морской водой и отправился в грот.

Вернувшись, он подал папе кастрюлю и сказал:

— Ну-ка попробуй!

Муми-папа отпил глоток и просиял от удовольствия.

— Откуда это у тебя, сынок? — спросил он.

— Секрет! — ответил Муми-тролль.

Они наполнили волшебной водой банку из-под варенья и разбили её об нос лодки. Муми-мама гордо продекламировала: «Сим крещу тебя на вечные времена, и имя тебе «Приключение» (такова формула крещения у всех муми-троллей), и все закричали «ура». Затем корзины, одеяла, зонтики, удочки, подушки, кастрюли и плавки погрузили на борт, и Муми-семейство с друзьями поплыли по пустынному зелёному морю.

Погода стояла чудесная, хотя и не совсем ясная, потому что солнце было затянуто лёгкой золотистой дымкой. С туго натянутым парусом «Приключение» стрелой несло к горизонту. Волны звучно плескались о его борта, в снастях свистел ветер, а вокруг носа плясали русалки.

Снифф связал шнурком свои игрушечные судёнышки одно за другим, так что в кильватере у них плыла целая флотилия. Муми-папа рулил, Муми-мама дремала. Ведь очень редко случалось, чтобы вокруг неё было так спокойно. В вышине над ними кружили большие белые птицы.

— Куда мы держим путь? — спросил Снорк.

— Давайте поплывём на какой-нибудь маленький остров! — попросила фрёкен Снорк. — Я ещё никогда не бывала на острове!

— Ну что ж, теперь ты имеешь такую возможность, — сказал Муми-папа. — Высадимся на первом же острове, который увидим.

Муми-тролль свесился с носа, пытаясь рассмотреть морское дно. Это было страшно интересно — глядеть в зеленоватую толщу воды, которую рассекал нос лодки, распуская в стороны белые усы пены.

— Я иду под парусами! — кричал Муми-тролль. — Мы плывём на остров! Пи-хо!

Далеко в море, окружённый бурунами и подводными мелями, лежал необитаемый остров Хатифнаттов. Раз в год Хатифнатты собирались на нём, перед тем как вновь отправиться в свои бесконечные странствия вокруг света. Они стекались сюда со всех концов земли, безмолвные и серьёзные, с маленькими белыми пустыми лицами. Зачем им эти ежегодные съезды, трудно сказать: Хатифнатты не могут ни слышать, ни говорить, а взгляд их всегда направлен на что угодно, только не к той

далёкой цели, к которой они стремятся. Быть может, им просто хочется иметь место, где можно чувствовать себя как дома, где можно немного отдохнуть, повидаться со знакомыми? Съезды эти всегда происходят в июне, и вот случилось так, что Муми-семейство и Хатифнатты прибыли на остров почти одновременно. Пустынный и манящий, возник он из моря в нарядном венце белоснежного прибоя и зелёных кущ.

— Земля! — крикнул Муми-тролль.

Все потянулись через борт посмотреть.

— Тут есть пляж! — воскликнула фрёкен Снорк.

— И отличная гавань! — сказал Муми-папа.

Изящно лавируя между отмелями, он провёл лодку к берегу. Её нос мягко ткнулся в песок. Муми-тролль спрыгнул с ф́алинем (так называется трос, которым лодка крепится к причалу) на сушу, и вскоре берег ожил, наполнился суетой и бурной деятельностью. Муми-мама сложила из камней очаг, чтобы подогреть оладьи, натаскала дров, расстелила на песке скатерть и на каждый угол положила по камню, чтобы её не унесло ветром. Затем расставила чашки, закопала банку с маслом в сырой песок в тени от скалы и под конец украсила стол букетом береговых лилий.

— Мы ничем не можем тебе помочь? — спросил Муми-тролль, когда все приготовления были закончены.

— Вы должны обследовать остров, — сказала Муми-мама (уж она-то знала, чего им больше всего хочется). — Очень важно знать, куда мы попали. Вдруг нам грозит какая-нибудь опасность?

— Верно, — сказал Муми-тролль, и они втроём — он, фрёкен Снорк и Снифф — пошли вдоль южного берега, а Снусмумрик, любивший делать открытия в одиночку, — вдоль северного. Хемуль взял лопату, зелёную коробку для растений, увеличительное стекло и направился прямо в лес в надежде найти там диковинные, ещё никем не открытые растения.

Муми-папа устроился на камне поудить. Солнце незаметно склонялось к закату, золотистая дымка над морем сгущалась.

В самой середине острова расстилалась ровная зелёная лужайка, окружённая цветущим кустарником. Это и было тайное место встреч Хатифнаттов, где они собирались раз в год в середине лета. Их явилось уже сотни три, и ожидалось прибытие ещё примерно четырёхсот пятидесяти. Они молча ходили по траве и церемонно раскланивались друг с другом. Посреди лужайки стоял высокий, выкрашенный в синий столб, а на нём висел большой барометр. Всякий раз, проходя мимо барометра, Хатифнатты низко кланялись ему (и это выглядело очень смешно).

А Хемуль тем временем бродил по лесу, собирая редкие цветы, пестревшие вокруг. Это были совсем не те цветы, что в Муми-доле, о нет, отнюдь нет! Посмотреть только на эти тяжёлые серебристо-белые соцветия, словно отлитые из стекла, на эти двудольные чудо-цветы сумеречных тонов, на эти малиново-чёрные венчики, похожие на корону! Но Хемуль не видел всей этой красоты; он знай считал лепестки-тычинки и бормотал про себя:

«Это будет номер двести девятнадцать в моём гербарии».

Так вышел он на поляну Хатифнаттов и побрёл по ней, рьяно высматривая в траве редкие растения, и поднял глаза только тогда, когда стукнулся черепом о столб. Тут только он с изумлением огляделся вокруг. Впервые в жизни он видел столько Хатифнаттов зараз. Они кишели повсюду и смотрели на него своими маленькими блёклыми глазками. «Интересно, злые они или нет? — с беспокойством подумал Хемуль. — Маленькие-то они маленькие, да уж больно их много!»

Хемуль осмотрел столб и висевший на нём большой блестящий барометр красного дерева. Барометр показывал дождь и ветер. «Странно», — подумал Хемуль, щурясь от блеска солнца, и щёлкнул по барометру. Стрелка сильно упала. А Хатифнатты угрожающе зашипели и сделали шаг по направлению к Хемулю.

— Пожалуйста, не беспокойтесь! — испуганно сказал Хемуль. — Я вовсе не собираюсь отнимать у вас барометр!

Но Хатифнатты не слышали его и сделали ещё шаг в его сторону, шеренга за шеренгой, шипя и размахивая руками. Хемуль страшно перетрусил и огляделся — как бы убраться восвояси. Враг окружал его стеной и подступал всё ближе. А между деревьями мелькали всё новые и новые Хатифнатты, безмолвные, с неподвижными лицами.

— Пошли прочь! — крикнул Хемуль. — Кш! Кш!

Но Хатифнатты продолжали беззвучно приближаться. Тут уж Хемуль подобрал свои юбки и давай карабкаться на столб. Столб был скользкий и грязный, но страх придал Хемулю нехемульскую силу, и вот уж он сидит, дрожа, на верхушке столба и держится за барометр.

Хатифнатты подступили к столбу вплотную и ждали. Словно белый ковёр, они закрыли собой всю поляну, и Хемуль содрогнулся при мысли, что будет, свались он на землю.

— Караул! — крикнул он слабым голосом. — Спасите! Помогите! Лес безмолвствовал.

Тогда Хемуль сунул два пальца в рот и засвистел. Три коротких свистка, три длинных и опять три коротких: SOS...

Снусмумрик, шедший по северному берегу острова, уловил сигнал бедствия и поднял голову, прислушиваясь. Определив направление, он стремглав бросился на помощь. Слабый вначале, свист становился всё явственнее. «Теперь где-то совсем близко», — подумал Снусмумрик и стал осторожно красться вперёд. Между деревьями открылся просвет, и он увидел поляну, Хатифнаттов и Хемуля, уцепившегося за верхушку столба. «Ну и дела», — пробормотал про себя Снусмумрик и крикнул:

— Эй! Я здесь! Как тебя угораздило настроить незлобивых Хатифнаттов на столь воинственный лад?

— Я только щёлкнул по их барометру, — жалобно откликнулся Хемуль. — Стрелка упала. Попробуй прогнать этих противных тварей, милый Мумрик!

— Сейчас подумаем, — ответил Снусмумрик.

(Хатифнатты не слышали ни слова из их разговора, ведь ушей-то у них нет.)

Немного погодя Хемуль крикнул:

— Думай скорее, Мумрик, я, того и гляди, сползу вниз!

— Ну так вот, — сказал Снусмумрик. — Помнишь, как у нас в саду завелись полевые мыши? Муми-папа вкопал тогда в землю много столбов и поставил на них пропеллеры-вертушки. Когда пропеллеры завертелись, их дрожание передалось земле, у мышей сдали нервы, и они убрались восвояси!

— Ты всегда так интересно рассказываешь, — с горечью отозвался Хемуль. — Только хоть убей, не пойму, какое это имеет отношение к моему бедственному положению!

— Самое непосредственное! — ответил Снусмумрик. — Неужели не понимаешь? У Хатифнаттов нет ни дара речи, ни слуха, только зрение, да и то совсем никудышное. Зато у них очень тонкая способность ощущать! Попробуй потряси столб маленькими толчками! Хатифнатты непременно почувствуют дрожание земли и испугаются. Будь спокоен, это проберёт их до самых печёнок. Они чувствительны, как радиоприёмник!

Хемуль попробовал пошатать столб.

— Я свалюсь! — боязливо крикнул он.

— Сильней, сильней! — крикнул Снусмумрик. — Маленькими толчками!

Хемуль затряс столб, и немного погодя у Хатифнаттов появилось неприятное ощущение в ногах. Они ещё сильнее зашипили, беспокойно зашатались и наконец побежали все разом очертя голову.

Поляна опустела в мгновение ока. Хемуль почувствовал такое облегчение, что, сам того не ведая, разжал руки и мешком плюхнулся на траву.

— О, моё сердце! — запричитал он. — Оно опять ушло в пятки! С тех пор как попал я в Муми-семейку, так ничего хорошего и не вижу, кругом беспорядки да опасности!

— Нишкни, — сказал Снусмумрик. — Ты ещё дёшево отделался.

— Ух, негодные твари, — разорялся Хемуль. — Ну, уж барометр-то я прихватил с собой, пусть знают наших!

— Лучше не трогай! — предостерёг его Снусмумрик.

Но Хемуль уже снял со столба барометр и с ликующим видом сунул его под мышку.

— А теперь — к нашим, — сказал он. — Я страшно проголодался.

Когда Снусмумрик и Хемуль вернулись, все сидели и угощались оладьями и щукой, которую Муми-папа выловил из моря.

— Привет! — крикнул Муми-тролль. — А мы обошли весь остров. На той стороне есть ужасно дикие скалы, уходят прямо в море!

— А мы видели кучу Хати́фнаттов! — поведал Сни́фф. — Штук сто, не меньше!

— Не говорите мне о них, — с чувством произнёс Хемуль. — Это выше моих сил. Лучше вот полюбуйтесь моим боевым трофеем.

И он с гордостью выложил на скатерть барометр.

— Ой, какая красивая штука! — воскликнула фрёкен Снорк. — И какая блестящая! Это часы?

— Нет, это барометр, — сказал Муми-папа. — Чтобы определять, какая будет погода — ясно или гроза. Иногда даже случается, он не врёт.

Муми-папа щёлкнул по барометру и нахмурился.

— Будет буря!

— Сильная буря? — боязливо спросил Сни́фф.

— А вот взгляни, — сказал Муми-папа. — Стрелка стоит на поль-ноль — ниже просто некуда. Разве что он хочет сыграть с нами шутку!

Но, судя по всему, барометр не шутил. Золотистая дымка сгустилась в жёлто-серую мглу, море на горизонте зловеще почернело.

— Надо немедленно возвращаться домой! — сказал Снорк.

— Не так сразу! — попросила фрёкен Снорк. — Ведь мы не успели осмотреть толком скалы на той стороне! Мы даже не искупались!

— Пожалуй, и вправду незачем так торопиться, — сказал Муми-тролль. — Посмотрим, что будет дальше. — Ведь это так глупо — открыть остров и сразу домой.

— Но ведь если грянет буря, плыть будет нельзя! — резонно заметил Снорк.

— Вот и хорошо! — воскликнул Сни́фф. — Тогда мы останемся здесь навсегда.

— Тихо, дети! Я должен подумать, — сказал Муми-папа.

Он спустился к воде, потянул носом воздух, повертел во все стороны головой и нахмурился.

Вдали глухо прогрохотало.

— Гром! — сказал Сни́фф. — Ой, страшно!

Над горизонтом стеною вздымалась грозная чёрно-синяя туча и гнала перед собой клочья светлых облаков. Время от времени море озарялось бледным светом зарниц.

— Остаёмся! — решил Муми-папа.

— На всю ночь? — обрадовался Сни́фф.

— Да, пожалуй, — сказал Муми-папа. — А теперь живо строить дом, скоро нас накроет дождём!

Они вытащили лодку на берег и на опушке леса мигом соорудили дом из паруса и одеял. Муми-мама законопатила мхом все щели, Снорк окопал дом канавой для отвода воды. Все носились между лодкой и домом перетаскивая вещи в укрытие. По лесу прошёл ветерок, листья деревьев тревожно зашелестели. Громовые раскаты слышались всё ближе и ближе.

— Схожу на мыс, посмотрю погоду, — сказал Снусмумрик.

Он потуже надвинул шляпу на уши и ушёл. Счастливый в своём одиночестве, выбрался он на далеко выдвинутый в море мыс и стал, опершись спиной о скалу.

Лик моря изменился. Оно сделалось чёрно-зелёным, пенилось верхушками волн, подводные отмели отсвечивали жёлтым фосфорическим светом. Под величественные раскаты грома гроза надвигалась с юга. Она распускала над морем свои чёрные паруса и вырастала вплобе, зловец сверкая молниями.

«Идёт прямо на остров», — подумал Снусмумрик, трепеща от радости и тревожного ожидания. Он зажмурился и представил себе, что парит высоко-высоко на гребне тучи-стены. Могучий проносишься ты над морем в шипении молний.

Солнца уже не было видно. Дождь серой завесой стремительно набегал с моря.

Снусмумрик повернулся и во весь дух припустил обратно.

В палатку он юркнул в самый последний момент: тяжёлые капли дождя уже барабанили по брезенту, хлопавшему на жестоком ветру. Хотя до вечера было ещё далеко, всё вокруг погрузилось во мрак. Снифф с головой закутался в одеяло — так страшно ему было. Остальные, нахохлившись, жались друг к дружке. Чудо-цветы Хемуля благоухали на всю палатку. Теперь буря бушевала совсем близко. Палатка непрерывно озарялась белыми вспышками молний. Гроза с грохотом катала по небу железные вагоны, море сердито бросало на остров свои самые большие валы.

— Слава богу, что мы не вышли в море, — сказала Муми-мама. — Ну и погода!

Фрёкен Снорк, вся дрожа, вложила свою лапу в лапу Муми-тролля, и он чувствовал себя мужественным покровителем.

А Снифф лежал под одеялом и ревел.

— Теперь она прямо над нами! — сказал Муми-папа.

И в тот же миг над островом с шипением вспыхнула гигантская молния. За нею последовал оглушительный треск.

— Ударила прямо в остров! — сказал Снорк.

Это уж было действительно чересчур. Хемуль сидел, обхватив руками голову, и бормотал:

— Беспорядки! Кругом беспорядки!

А гроза уходила на север. Всё отдалённое и отдалённое слышались

громовые раскаты, молнии сверкали не так ярко, и вот уже только дождь шумит вокруг, да море ревёт у берегов.

— Вылезай, Снифф, — сказал Снусмумрик. — Гроза прошла.

Снифф, хлопая глазами, выпутался из одеяла. Ему было чуточку совестно, что он так ужасно ревел, и он зевал и почёсывал у себя за ушами.

— Какой час? — спросил он.

— Без малого восемь, — ответил Снорк.

— Ну так давайте укладываться спать, — сказала Муми-мама. — Столько волнений за один день!

— А мне страшно хочется установить, куда ударила молния, — сказал Муми-троль.

— Завтра! — ответила мама. — Завтра ты всё установишь и поплаваешь в море. А сейчас на острове сыро, уныло и неприятно.

И она подоткнула всем под ноги одеяла и заснула, положив свою сумку под подушку.

А дождь снаружи лил всё сильнее и сильнее, и странные, удивительные звуки вплетались в рёв волн: голоса, топот бегущих ног, смех и бой больших часов где-то на море. Снусмумрик лежал неподвижно, слушал, мечтал и вспоминал свои кругосветные путешествия. «Скоро я снова отправлюсь в путь, — подумал он. — Только ещё чуточку подождать».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,

**в которой фрёкен Снорк лысеет при ночном набеге Хатифнаттов
и в которой рассказывается о чрезвычайно странной находке на берегу
необитаемого острова**

Фрёкен Снорк проснулась среди ночи от ужасного ощущения: что-то коснулось её лица. Не смея открыть глаза, она с беспокойством принялась. Пахло гарью! Фрёкен Снорк натянула на голову одеяло и позвала вполголоса:

— Муми-троль! Муми-троль!

Муми-троль тотчас проснулся.

— В чём дело? — спросил он.

— К нам забрался кто-то страшный, — сказала из-под одеяла фрёкен Снорк. — Я чувствую, среди нас есть кто-то страшный!

Муми-троль уставился в темноту. В палатке и вправду творилось

неладное. Вспыхивали какие-то огоньки, какие-то бледно светящиеся тени сновали между спящими. Муми-тролль потряс Снусмумрика за плечо.

— Посмотри-ка! — испуганно сказал он. — Привидения!

— Нет, — ответил Снусмумрик. — Это Хатифнатты. Их наэлектризовало грозой, и они засветились. Лежи тихо, а то ударит током!

Казалось, Хатифнатты что-то искали. Они рылись во всех корзинах, запах гари усиливался. Внезапно все Хатифнатты сбились в углу, где спал Хемуль.

— Не вздуют они его, как ты думаешь? — тревожно спросил Муми-тролль.

— Скорее всего, они ищут барометр, — ответил Снусмумрик. — Я не советовал ему брать барометр. И вот они явились за ним!

Хатифнатты сообща принялись вытаскивать барометр. Они переступили через Хемуля, чтобы поудобнее ухватиться за барометр, и теперь уж не гарью пахло, а прямо-таки чадило всюю.

Снифф проснулся и захныкал. И в тот же момент палатка огласилась чьим-то рёвом. Это Хатифнатт наступил Хемулю на нос.

Тут уж все разом проснулись и вскочили на ноги. Поднялся неописуемый переполох. Испуганные вопросы сменялись громкими воплями, когда кто-нибудь, наступив на Хатифнатта, обжигался или получал электриче-

ский удар. Хемуль ползал по всей палатке и кричал дурным голосом, потом запутался в парусе, и палатка рухнула прямо на всех. Это было что-то ужасное.

Впоследствии Снифф утверждал, что им понадобилось не меньше часа, чтобы выбраться из-под паруса. (Если он и преувеличил, то лишь самую малость.)

Так или иначе, когда все наконец выпутались из паруса, Хатифнаттов с барометром и след простыл. И никто не горел желанием преследовать их.

Хемуль с причитаниями уткнулся носом в мокрый песок.

— Это уже слишком! — сетовал он. — Неужто бедный, невинный ботаник не может прожить свою жизнь в мире и покое!

— А жизнь вообще беспокойная штука, — восторженно заметил Снусмумрик.

— Дождь перестал, — сказал Муми-папа. — Посмотрите-ка, дети, небо прояснилось! Скоро начнёт светать.

Муми-мама зябко поёживалась, крепко прижимая к себе свою сумку. Она взглянула на бурное ночное море и спросила:

— Ну как, отстроим заново дом и попробуем ещё поспать?

— Не стоит, — сказал Муми-тролль. — Закутаемся в одеяла и переждём до восхода солнца.

Все уселись рядышком на песке и тесно прижались друг к дружке. Снифф устроился в самой серёдке — ему казалось, что так безопасней.

— Вы представить себе не можете, как это жутко, когда в темноте дотрагиваются до твоего лица, — сказала фрёкен Снорк. — Это хуже любой грозы!

Так они сидели и любовались ясной ночью над морем. Ветер понемногу стихал, но волны прибоя всё ещё с рёвом накатывали на берег. Небо на востоке начало светлеть. Было очень свежо. И тут, в этот ранний предрассветный час, показались Хатифнатты. Они покидали остров. Их лодки одна за другой словно тени выскальзывали из-за мыса и уходили в открытое море.

— Bravo! — воскликнул Хемуль. — Надеюсь, мне никогда больше не придётся свидеться с Хатифнаттами.

— Скорее всего, они отыщут себе новый остров, — сказал Снусмумрик. — Таинственный остров, где никому не суждено побывать!

Тоскующим взором провожал он утлые судёнышки Вечно Странствующие по свету.

Фрёкен Снорк спала, положив голову на колено Муми-тролля. На вос-

точном горизонте проступила первая золотистая полоска зари. Словно розы, зарделись забытые бурей облачка, и солнце вознесло над морем свою пылающую главу.

Муми-тролль нагнулся разбудить фрёкен Снорк, и тут ему открылось нечто ужасное: прелестная чёлка, украшавшая её лоб, была начисто спалена! Причиной тому, вероятнее всего, было прикосновение Хатиффатта. Что она теперь скажет, как он утешит её? Это была катастрофа!

Фрёкен Снорк открыла глаза и улыбнулась.

— Послушай, — поспешно сказал Муми-тролль. — Со мною творится что-то странное! С некоторых пор мне куда больше стали нравиться девочки без волос, чем с волосами!

— Вот как! — удивилась фрёкен Снорк. — Это почему же?

— С волосами они выглядят такими неряхами!

Тут фрёкен Снорк подняла лапы, чтобы причесаться, но — увы! — единственное, что ей удалось нащупать, был малюсенький опалённый пучок волос. В глубоком ужасе она рассматривала его в зеркало.

— Ты стала плешивая, — сообщил Снифф.

— Нет, тебе и вправду так идёт, — пытался утешить её Муми-тролль. — Ну, не надо плакать!

Но фрёкен Снорк бросилась на песок и горько зарыдала, лишившись своего главного украшения.

Все собрались вокруг и пытались её развеселить.

Не тут-то было!

— Понимаешь, — толковывал Хемуль, — я родился лысым, и вот ничего, отлично обхожусь без волос!

— Мы смажем тебе голову маслом, и они непременно снова отрастут, — вторил Муми-папа.

— И даже будут виться, — добавляла Муми-мама.

— Это правда? — всхлипывала фрёкен Снорк.

— Ну ещё бы! — заверила её Муми-мама. — Представляешь, какой милашкой ты будешь с кудрями?

Фрёкен Снорк перестала рыдать.

— Взгляни-ка на солнце, — сказал Снусмумрик.

Свежевымытое и прекрасное, поднималось оно над морем. А весь остров так и сверкал после дождя.

— А ну, давайте-ка я сыграю утреннюю песню! — сказал Снусмумрик, доставая свою губную гармошку. И все что было сил запели:

Солнце всходит,
Скрылась ночь.
Хатифнатты
Смылись прочь.
О вчерашнем
Не грусти!
Лучше кудри
Отпусти!
Пи-хо!

— А ну, айда купаться! — крикнул Муми-тролль.

Все разом натянули плавки и бросились в волны прибоя (точнее сказать, все, кроме Хемуля, папы и мамы — им казалось, что для купания ещё слишком свежо).

Белопенно-зелёные, цвета бутылочного стекла волны накатывали на пляж.

О, счастье быть Муми-троллем, который только проснулся и уже пляшет среди зелёных волн на восходе солнца!

Ночь была забыта, впереди был новый долгий июньский день. Словно дельфины, проскакивали они сквозь волну или плавно неслись на её гребне к берегу, где Снифф рыл ямки в песке, которые сразу же наполнялись водой. А Снусмумрик заплыл на спинке подальше в море и смотрел в золотисто-голубое небо.

Тем временем Муми-мама сварила кофе на очаге из камней и стала искать банку с маслом, которую зарыла от солнца в песок. Но проискала она напрасно: банку унесло бурей.

— Как же я сделаю бутерброды! — сетовала она.

— Надо разведать, не принесла ли буря чего взамен, — сказал Муми-папа. — После кофе отправимся в исследовательскую экскурсию и посмотрим, что выброшено морем на берег!

Так они и сделали.

На другой стороне острова вздымались из моря свои отшлифованные

спицы первозданные скалы. Там можно было найти песчаную площадку, усеянную ракушками, — потаённое место плясок морских русалок — или таинственные тёмные расщелины, где прибой бьёт гулко, словно в железную дверь. В одних местах среди утесов мог открыться небольшой грот, в других — утёсы круто обрывались вниз, образуя громадные котлы, в которых, шипя, бурлили водовороты.

Они разделились, и каждый отправился своим путём на поиски принесённого морем добра и обломков потерпевших крушение кораблей. Интереснее этого занятия нет на свете, ведь можно найти самые удивительные вещи, а вылавливать их из воды зачастую страшно трудно и опасно.

Муми-мама спустилась на песчаную площадку, укрытую за огромной скалой. Тут кучками росли голубые морские гвоздики и дикий овёс, и в их тонких стеблях шелестел и посвистывал ветер. Муми-мама прилегла у скалы с подветренной стороны. Ей были видны лишь голубое небо да морские гвоздики, качавшиеся над самой её головой. «Полежу здесь совсем немножко», — подумала она, и тут же заснула глубоким сном на тёплом песке.

Ну, а Снорк — тот вскарабкался на вершину самой высокой скалы и огляделся. Остров распахнулся перед ним от побережья до побережья и казался букетом цветов, плывущим по беспокойному морю. Вон виднеется маленькая движущаяся точка — это Снифф, он ищет обломки кораблекрушения, вон мелькнула шляпа Снусмумрика, а вон Хемуль выкапывает особо редкую разновидность Венерина башмачка... А вон там — это как дважды два четыре! — там ударила молния! Большущая каменная глыба, больше, чем десять Муми-домов, вместе взятых, раскололась, словно яблоко, и обе половины раздались в стороны, образовав ущелье с отвесными стенами. С замиранием сердца вошёл Снорк в ущелье и осмотрелся. Вот здесь она прошла! Извилистой, чёрной как уголь линией обозначился её путь по обнажившемуся нутру камня. А с нею рядом бежала другая полоска, светлая и блестящая! Это было золото, не что иное, как золото!

Снорк ковырнул полоску ножом. В лапу ему упала золотая крупинка. Он отколушнул ещё и ещё. Словно в горячке выковыривал он куски один другого крупнее и скоро забыл обо всём на свете, кроме вскрытых молнией золотых жил. Теперь он уже был не какой-то там собиратель выброшенных морем обломков кораблекрушения, а настоящий золотоискатель!

Снифф же тем временем сделал совсем немудрёное открытие, но и оно подарило ему немудрёную, а всё же радость: он нашёл пробковый пояс — пояс, отчасти разъединённый морской водой, но пришедшийся ему как раз впору.

«Ну вот, теперь я могу выйти на большую воду! — подумал Снифф. — Уж теперь-то я наверняка научусь плавать не хуже других! То-то Муми-тролль удивится!»

Чуть подальше, среди скруток берёсты, поплавков от сетей и водорослей, он нашёл рогажу, почти целый ковпик и старый башмак без каблук — бесценные сокровища, когда отнимаешь их у моря!

Тут Снифф завидел вдали Муми-тролля. Тот стоял в воде и что-то тащил, дёргал к себе изо всех сил. Явно что-то очень большое! «Жалко, что не я первый увидел! — подумал Снифф. — Вот только что бы это могло быть?»

А Муми-тролль уже вытащил на берег свою находку и покатиł её перед собой по песку. Снифф всё вытягивал и вытягивал шею — и наконец разглядел. Это был буй! Большой пёстро раскрашенный буй!

— Пи-хо! — крикнул Муми-тролль. — Ну, что скажешь?

— Ничего буй! — критически отозвался Снифф, склонив голову набок. — Ну, а как тебе понравится вот это?

И он выложил свои находки на песок.

— Пояс хорош, — сказал Муми-тролль. — Ну, а половинка-то ковша на что?

— Будет служить, если черпать быстро-быстро, — ответил Снифф. — Слушай, а не поменяться ли нам? Рогожа, черпак и башмак за один старый буй? Поменяемся?

— Ни за что на свете, — ответил Муми-тролль. — Но вот дать за твою пробковую никчемушку таинственный талисман, приплывший сюда из дальних стран, — это могу.

Он достал какую-то диковинную штуку из дутого стекла и потряс её. В стеклянном шаре вихрем вскрутились снежинки и опали на домин с окнами из посеребрённой бумаги.

— Ой! — сказал Снифф, и жестокая борьба разыгралась в его сердце, всегда вожделевшем к вещам.

— Смотри! — сказал Муми-тролль и опять встряхнул шар.

— Не знаю, — в отчаянии проговорил Снифф, — просто не знаю, что мне больше нравится, спасательный пояс или этот зимний талисман! Моё сердце разрывается пополам!

— Это наверняка единственный снежный талисман, существующий в данный момент на свете, — сказал Муми-тролль.

— Но я просто не в силах расстаться со спасательным поясом! — жалобно сказал Снифф. — Муми-тролль, дружочек, а нельзя ли как-нибудь поделить с тобой этот снежный буранчик?

— Гм!.. — отозвался Муми-тролль.

— Ну, скажем, я только иногда буду брать его у тебя, — просил Снифф. — По воскресеньям, а?

Муми-тролль немного подумал.

— Ладно, — сказал он. — Можешь брать его по средам и воскресеньям.

А где-то далеко-далеко брёл Снусмумрик. Он шёл у самой воды, и когда волна, шипя, норовила лизнуть его ботинки, он смеясь отскакивал прочь. Ох, как злилась тогда волна!

Неподалёку от мыса Снусмумрик повстречал Муми-папу. Тот вылавливал из воды брёвна и доски.

— Ну как, здорово? — отдуваясь, сказал Муми-папа. — Из всего этого я построю причал для «Приключения»!

— Может, вам помочь с вытаскиванием? — спросил Снусмумрик.

— Нет, нет! — испуганно сказал Муми-папа. — Управлюсь один. Хотите вытаскивать, попробуйте найти что-нибудь сами.

Тем временем фрёкен Снорк лазала по скалам на далёком мысу. Свою спящую чёлку она прикрыла венком из морских лилий, и мечталось ей о такой находке, чтобы все ахнули от зависти и удивления. А когда наудивляются вдоволь, она отдаст её Муми-троллю. (Разумеется, если находка не украшение.)

Вдыхая, оглядела она пустынное побережье и вдруг остановилась как вкопанная, а сердце так и затрепетало у неё в груди. Там, в самом конце мыса... Нет, это было слишком страшно! Там кто-то лежал в воде и колотился головой о прибрежные камни! И этот кто-то был ужасно большой, в целых десять раз больше маленькой фрёкен Снорк!

«Сейчас же побегу за остальными, — подумала она, но не побежала. — Смелей! — сказала она себе. — Давай посмотрим, кто это!» И, вся дрожа, приблизилась к тому страшному, что лежало в воде. Это была большая женщина...

Фрёкен Снорк сделала несколько робких шагов и словно к земле приросла от изумления. Женщина была деревянная! И ещё, она была удивительно красивая. Лицо её безмятежно улыбалось, у неё были румяные

щёки и губы, круглые, широко раскрытые голубые глаза. Волосы её, тоже голубые, длинными крашеными локонами спадали на плечи...

«Это королева», — подумала фрёкен Снорк.

Руки прекрасной женщины были скрещены на груди, блиставшей золотыми цветами и цепями, а платье начиная от тонкой талии струилось мягкими красными складками. И всё это было из крашеного дерева. Но что самое удивительное, у женщины совсем не было спины.

«Пожалуй, это слишком роскошный подарок для Муми-тролля, — размышляла про себя фрёкен Снорк. — Но всё равно он будет его!»

И вот под вечер в бухточку, где стояла лодка, приплыла страшно гор-

дая фрёкен из породы снорков. Она гребла одним веслом, восседая на животе деревянной королевы.

— Неужели ты нашла лодку? — спросил Снорк.

— И привела её сюда совсем одна! — подивился Муми-тролль.

— Это носовая фигура корабля, — объяснил Муми-папа, много плававший в дни своей юности. — Такой красивой деревянной королевой моряки украшают форштевень судна.

— Зачем? — спросил Снифф.

— Так, для красоты.

— А почему у неё нет спины? — спросил Хемуль.

— Да ведь иначе её не укрепить на штевне, — сказал Снорк. — Это каждому младенцу понятно.

— Она слишком велика, и её нельзя приколотить к носу «Приключения», — сказал Снусмумрик. — Жаль, чертовски жаль!

— О, прекрасная дама, — вздохнула Муми-мама. — Подумать только! Быть такой красивой и не получать никакой радости от своей красоты!

— Что ты хочешь с ней делать? — спросил Снифф.

Фрёкен Снорк опустила глаза и застенчиво улыбнулась.

— Я хочу подарить её Муми-троллю.

У Муми-тролля язык отнялся от неожиданности. Красный как рак выступил он вперёд и отвесил низкий поклон. Фрёкен Снорк, вне себя от смущения, сделала книксен, и всё вместе выглядело так, будто они пришли на званый вечер.

— Сестричка, — сказал Снорк, — ты ещё не видела, что нашёл я!

И он гордо показал на сверкающую грудку золота, сложенную на песке. Фрёкен Снорк сделала большие глаза.

— Неужели настоящее золото? — выдохнула она из себя.

— Да, и есть ещё много-много! — похвастался Снорк. — Целая гора!

Ах, сколько тут было любования находками! Муми-семейство вдруг разбогатело. Но самым драгоценным его достоянием было всё же носовое украшение и снежный буран в стеклянном шаре. Парусная лодка, отчалившая наконец от необитаемого острова при последних отзвуках бури, была нагружена до отказа. В её кильватере плыл целый флот брёвен и досок, а груз состоял из снежного талисмана, большого пёстро раскрашенного бую, ботинка без каблука, половинки ковша, спасательного пояса, рогожи и золота, а в носу лежала деревянная королева. Рядом с нею си-

дел Муми-тролля, положив руку на её красивые голубые волосы. Счастью его не было предела!

А фрёкен Снорк посматривала на них и думала: «Ах, быть бы мне такой же красивой, как деревянная королева! А то ведь я теперь даже без чёлки...»

От её радости не осталось и следа. Наоборот, она была почти печальна.

— Тебе нравится деревянная королева? — спросила она.

— Очень! — ответил Муми-тролля, даже не взглянув на неё.

— Но ведь ты же сам говорил, что не любишь девочек с волосами.

Да и вообще она только раскрашенная!

— Зато как раскрашенная!

Фрёкен Снорк помрачнела. Она смотрела в море неподвижным взглядом, чувствуя, как к горлу ей подкатывает комок, и мало-помалу серела.

— У неё ужасно глупый вид! — сердито сказала она.

Тут только Муми-тролля поднял на неё глаза.

— Ты стала совсем серая, что с тобой? — удивлённо спросил он.

— Ничего особенного!

Муми-тролля слез с носа и подсел к ней.

— А ведь у деревянной королевы в самом деле ужасно глупый вид! — сказал он немного погодя.

— Нет, правда? — сказала фрёкен Снорк и снова порозовела.

Солнце медленно клонилось к закату, расцвечивая длинные сверкающие валы мёртвой зыби золотым и зелёным. Всё стало золотым или золотистым — парус, лодка и её пассажиры. Далеко на горизонте пламенел в лучах заката остров Хатифнаттов.

— Интересно, что вы намерены предпринять с золотом Снорка? — спросил Снусмумрик.

— Обложим цветочные грядки, пусть служит украшением, — сказала Муми-мама. — Разумеется, только куски покрупнее, мелочь-то совсем не имеет вида.

Все сидели молча и смотрели, как солнце погружается в море, а краски блёкнут, переходя в голубой и фиолетовый. Плавно покачиваясь, «Приключение» шло к родным берегам.

ГЛАВА ПЯТАЯ,

в которой рассказывается о Королевском рубине, о том, как Снорк ставил перемёт, о смерти Мамелюка и ещё о том, как Муми-дом превратился в джунгли

Был конец июля, в Муми-доле стояла страшная жара. Даже мухи и те не находили силы жужжать. Изнемогали запылённые деревья, обмеле-ла речка. Она теперь еле струилась узеньким серым ручейком по жаждущим лугам, и из её воды уже не получалось вкусного фруктового сока в шляпе Волшебника (которая была помилована и стояла под зеркалом на комодё).

День за днём солнце поливало зноем долину. Вся ползучая мелюзга попряталась в свои прохладные подземные норы, птицы смолкли. Друзья Муми-тролля стали раздражительными, не находили себе места и ссорились между собой.

— Мама, — сказал Муми-тролль, — придумай для нас что-нибудь. А то мы только ссоримся да изнываем от жары!

— Да, моё золотко, — отвечала Муми-мама. — Я это уже заметила. Я и сама рада немного отдохнуть от вас. Не пожить ли вам несколько деньков в гроте? Там прохладно, вы сможете целый день не вылезать из моря и ничего не делать.

— И ночевать тоже в гроте? — восхищённо спросил Муми-тролль.

— Ну конечно! И не показывайтесь мне на глаза, пока опять не станете милыми и хорошими!

Было страшно интересно по-настоящему устроиться в гроте. Посреди песчаного пола поставили керосиновую лампу. Каждый выкопал себе ямку по форме своего тела, чтобы уютней было спать. Провизию: пудинг с изюмом, тыквенное пюре, бананы, красные и белые мятные лепёшки, кукурузные початки и оладьи — разделили на шесть равных кучек.

Под вечер потянул ветерок, одиноко повевал он над побережьем. Закат был красный, солнце заливало грот тёплым светом. Снусмумрик играл сумеречные песни, фрёкен Снорк лежала, склонив кудрявую голову на колено Муми-тролля.

Пудинг с изюмом настроил всех на благодушный лад, но над морем сгущались сумерки, и всем было как-то жутковато.

— А ведь это я нашёл грот, — сказал Снифф, и никому неохота было возражать, что все слышали это тысячу раз.

— Хотите, я расскажу вам страшную историю? — спросил Снусмумрик, зажигая лампу.

— А насколько страшную? — спросил Хемуль.

— Примерно отсюда до входа, а то и чуть подальше, — ответил Снусмумрик. — Если только это что-нибудь тебе говорит.

— Ровно ничего, — сказал Хемуль. — Давай рассказывай, я скажу, когда мне станет страшно.

— Ладно, — сказал Снусмумрик. — Это правдивая история, я слышал её от чёрного дрозда. Ну, значит, так. На краю света стоит высокая-превысокая гора, поглядишь, так дух захватывает. Чёрная как сажа и гладкая как шёлк. Её склоны отвесно падают в бездну, а вокруг вершины парят облака. А на самом верху стоит дом Волшебника, и выглядит он вот так.

Снусмумрик начертил на песке дом.

— Без окон? — полюбопытствовал Снифф.

— Без окон и без дверей, потому что Волшебник всегда возвращается домой по воздуху на чёрной пантере. Он выходит только по ночам, разъезжает по свету и собирает в свой плащ рубины.

— Да что ты!! — воскликнул Снифф, сделав большие глаза. — Рубины! Как же он их находит?

— Волшебник может обернуться кем угодно. Может забраться под землю и даже спуститься к сокровищам на морском дне.

— На что ему столько драгоценных камней? — с завистью спросил Снифф.

— Да ни на что. Просто собирает, да и только. Совсем как Хемуль собирает растения.

— Ты что-то сказал? — встрепенулся Хемуль, задремавший в своей песчаной ямке.

— Я сказал, что дом Волшебника полон рубинов. Они грудami навалепы на полу, они вделаны в стены и горят, как глаза зверей. Дом без крыши, и проплывающие над ним облака отсвечивают красным от их блеска. Глаза Волшебника тоже красные и светятся в темноте.

— Я уже готов испугаться, — сказал Хемуль. — Сделай милость, рассказывай потихонечку.

— Ну и счастливый же он, наверно, этот Волшебник, — вздохнул Снифф.

— Вовсе нет, — отвечал Снусмумрик. — Он будет счастливым, только когда найдёт Короля рубинов. Это очень большой рубин, не меньше го-

ловы его чёрной пантеры, а посмотришь в него, так кажется, будто в нём переливается жидкий огонь. Волшебник искал его на всех планетах, добрался даже до Нептуна, но до сих пор не нашёл. Сейчас он отправился на Луну, ищет рубин в лунных кратерах, впрочем, без особой надежды на успех. В глубине души Волшебник уверен, что рубин находится на солнце, но попасть туда он не может. Он уже делал несколько попыток, но там слишком горячо.

— Неужели всё это правда? — недоверчиво спросил Снорк.

— Хотите верьте, хотите нет, — безразлично отвечал Снусмумрик и продолжал: — Только знаете, что сказал мне дрозд? Он сказал, что у Волшебника есть чёрный цилиндр и он потерял его несколько месяцев назад, когда отправился на Луну!

— Не может быть! — вырвалось у Муми-тролля.

— Так, значит, это он и есть! — воскликнула фрёкен Снорк.

— Факт, — сказал Снорк.

— Что случилось? — спросил Хемуль. — Вы о чём?

— О шляпе, о чём же ещё, — ответил Снифф. — О чёрном цилиндре, который я нашёл этой весной. О волшебной шляпе!

Снусмумрик многозначительно кивнул.

— Ну, а вдруг Волшебник вернётся за шляпой? — тревожно спросила фрёкен Снорк. — Я бы ни за что не осмелилась взглянуть в его красные глаза!

— Надо посоветоваться с мамой, — сказал Муми-тролль. — До Луны далеко?

— Изрядно, — отвечал Снусмумрик. — К тому же Волшебнику потребуется время, чтобы обшарить все кратеры.

Наступило гнетущее молчание. Каждый думал о чёрной шляпе, стоявшей дома на комод под зеркалом.

— Сделайте свет поярче, — попросил Снифф.

— Вы ничего не слышите? — сказал Хемуль. — Прислушайтесь! Там, снаружи....

Все устремили взгляды на вход и прислушались. Из ночной тишины доносились какие-то тихие-тихие звуки — уж не пантера ли крадётся к ним?

— Это дождь, — сказал Муми-тролль. — Идёт дождь. Теперь в самый раз немножко поспать.

Все разошлись по своим ямкам и закутались в одеяла. Муми-тролль погасил лампу и под лёгкий шорох дождя погрузился в сон.

Хемуль проснулся оттого, что его спальное место залило водой. Снаружи шелестел тёплый летний дождь, вода ручейками и водопадами сбегала по стенам грота и, как нарочно, устремлялась в его ямку.

— Эх, страсти-напасти! — пробормотал Хемуль, отжал платье и вышел посмотреть погоду. Повсюду было одно и то же — серо, сыро и неприятно. Хемуль спросил себя, не охота ли ему искупаться, и рассудил, что неохота.

«Ну никакого порядка на свете, — недовольно подумал он. — Вчера жарница, сегодня мокротища. Пойду-ка завалюсь снова спать».

Ямка Снорка показалась ему посуше остальных.

— А ну подвинься, — сказал Хемуль. — Мою постель залило водой.

— Тем хуже для тебя, — сказал Снорк и повернулся на другой бок.

— Вот я и хочу устроиться вместе с тобой, — заявил Хемуль. — Не будь свиньёй.

Но Снорк лишь пробормотал что-то невнятное и не шелохнулся. А Хемуль, преисполнясь жаждой мщения, взял и прорыл канал от своей ямки к Снорку.

— Это хемуль знает что! — сказал Снорк, вскакивая в намокшем одеяле. — Вот уж не думал, что ты способен на такие фигли-мигли!

— Это было наитие! — радостно сообщил Хемуль. — Ну, что мы теперь будем делать?

Снорк высунул нос из грота и взглянул на небо, на море. Затем уверенно сказал:

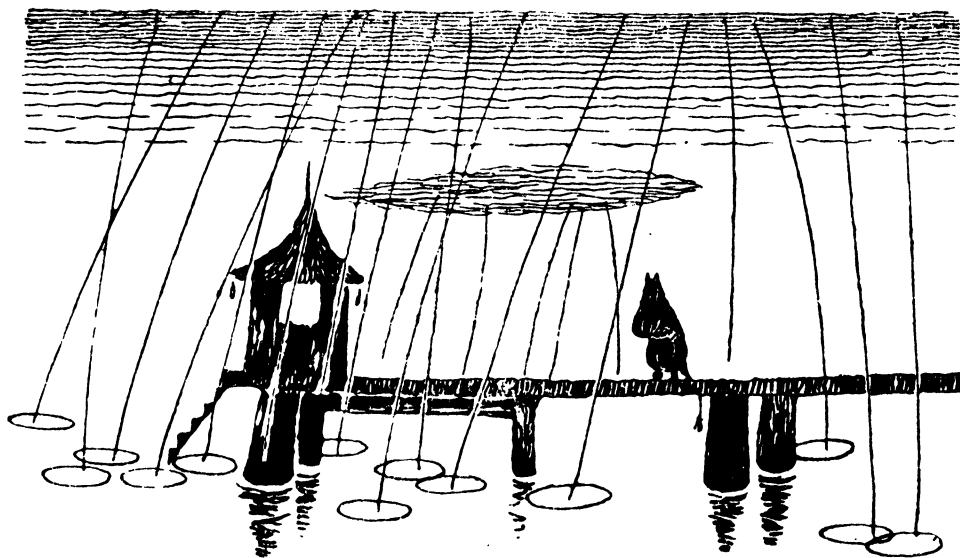
— Ловить рыбу. Буди всех, а я пойду подготовлю лодку.

Снорк спустился на мокрый песок, вышел на мостки, сооружённые Му-ми-папой, и постоял с минуту, выставив нос в сторону моря. Был полный штиль, лишь дождь накрапывал тихо, и каждая капля оставляла кружочек на мерцающей глади воды. Снорк кивнул каким-то своим мыслям и вытащил из-под навеса ящик с самым большим перемётом. Потом достал из-под мостков рыбный садок и принялся наживлять крючки, напевая про себя охотничью песню Снусмумрика.

Когда все вышли из грота, перемёт был уже налажен.

— А, вот и вы наконец, — сказал Снорк. — Снимай мачту, Хемуль, и вставляй ключины.

— А мы непременно должны ловить рыбу? — спросила фрёкен Снорк. — Ведь когда ловишь рыбу, ничего не происходит, и потом, мне так жалко этих маленьких щучек!

— Ничего, сегодня произойдёт, — сказал Снорк. — Садись в нос, там ты меньше будешь мешать.

— Дайте я помогу! — завопил Снифф и, уцепившись за ящик с перемётом, вскочил на борт.

Лодка накренилась, ящик с перемётом перевернулся, а половина его содержимого запуталась в уключинах и якорных лапах.

— Оч-чень хорошо! — сказал Снорк. — Замечательно! Опытность морского волка, полный порядок на борту и всё такое прочее. А прежде всего — уважение к труду других. Ха!

— Как? Ты его не попроберёшь? — удивился Хемуль.

— Ещё чего... — мрачно усмехнулся Снорк. — Где это видано, чтобы слово капитана что-нибудь значило на корабле? Нигде. Валите ящик в море как есть, авось что-нибудь да зацепится.

С этими словами Снорк залез под кормовое сиденье и с головой укрылся брезентом.

— Это надо же, — сказал Муми-тролль. — Садись на вёсла, Мумрик, а мы будем расхлёбывать эту кашу. Снифф, ты осёл.

— Так точно, — с признательностью отвечал Снифф. — С какого конца начинать?

— С середины, — сказал Муми-тролль. — Только смотри, не припутай свой хвост.

Снусмумрик стал медленно выгребать в море.

А тем временем Муми-мама ходила по дому ужасно довольная. Дождь мягко шелестел над садом. Кругом царили мир, тишина и порядок.

— Теперь всё пойдёт в рост! — говорила сама себе Муми-мама. — Ах как хорошо, что я спровадила их в грот!

«Не мешало бы прибраться в комнате», — подумала она и начала сгребать в кучу чулки, апельсиновые корки, какие-то диковинные камни, куски коры. Туда же попала газонокосилка и много чего другого. В радиоприёмнике она нашла несколько губоцветных, которых Хемуль забыл положить под пресс. Муми-мама машинально смотала их в клубок, радостно прислушиваясь к мягкому шелесту дождя. «Теперь всё пойдёт в рост!» — повторила она и выронила из лап клубок. Он упал прямо в шляпу Волшебника, но Муми-мама этого не заметила и пошла спать в свою комнату, потому что больше всего на свете она любила спать, когда дождь барабанит по крыше.

А в глубь морской стоял и подстерегал добычу перемёт Снорка. Он стоял уже несколько часов, и фрёкен Снорк буквально помирала от скуки.

— Всё зависит от того, сколько ждать, — толковывал ей Муми-тролль. — Может статься, на каждом крючке что-нибудь да будет, понимаешь?

Фрёкен Снорк тихонько вздохнула.

— Да ведь и так, когда опускаешь крючок, на нём есть полуклейки, а когда вытаскиваешь — целый окунь. Ведь и так знаешь, что на крючке целый окунь.

— Или вовсе ничего! — сказал Снусмумрик.

— Или бычок, — сказал Хемуль.

— Словом, девчонке этого не понять, — заключил Снорк. — Ну, теперь можно тащить. Только без крика! Потихоньку! Потихоньку!

Вот показался первый крючок.

Ничего.

Показался второй.

Опять ничего.

— Это говорит лишь о том, что они ходят на глубине, — сказал Снорк. — И что они ужасно большие. А теперь давайте потише.

Он вытащил четыре пустых крючка подряд и сказал:

— Вот хитрющий попался! Обьедает у нас всю наживку. Ну и здоров же, наверно!

Все перегнулись через борт и напряжённо глядели в чёрную глубину, куда уходила леса.

— Как по-твоему, что это за рыба? — спросил Снифф.

— Не иначе как Мамелюк, — ответил Снорк. — Смотрите, ещё десять пустых крючков!

— Э-хе-хе!.. — сказала фрёкен Снорк.

— Ну, ты не больно-то эхехекай! — сердито оборвал её брат, продолжая выбирать лесу. — Давайте потише, не то спугнёте!

Крючок за крючком укладывался в ящик. Попадались пучки морской травы и водорослей. А рыбы не было. Прямо-таки ничего-ничегошеньки.

И вдруг Снорк крикнул:

— Смотрите! Тянет! Я абсолютно уверен, что тянет!

— Мамелюк! — завопил Снифф.

— Теперь самый момент проявить выдержку, — с деланным спокойствием произнёс Снорк. — Мёртвая тишина! Вот он!

Туго натянутая леса провисла, и глубоко внизу, в тёмно-зелёной толще воды что-то забелело. Неужели брюхо Мамелюка? Что-то вздымалось к поверхности, словно горный хребет с таинственного ландшафта морского дна... Что-то громадное, грозное, неподвижное. Зеленовато-замшелым стволом гигантского дерева скользнуло оно наверх под киль лодки.

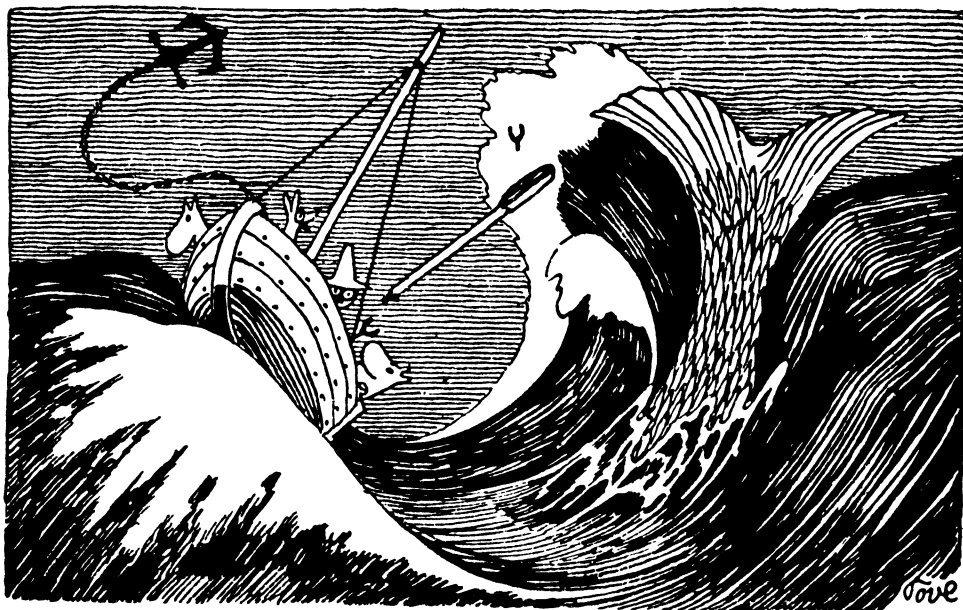
— Сачок! — крикнул Снорк. — Где сачок?

И в то же мгновение воздух наполнился рёвом и пеной. Громадная водяная гора подняла «Приключение» на своём горбу, ящик для перемёта так и заплескал по настилу. Затем так же внезапно всё стихло.

Лишь оборванная леса сиротливо свешивалась с борта, да огромные водовороты указывали путь чудо-рыбы.

— Ну, теперь-то ты видишь, что это за окунь? — спросил Снорк у сестрицы каким-то особенным голосом. — Такой рыбы мне больше не попадётся. И настоящей радости мне уже тоже не изведать.

— Он сорвался вот тут, — пояснил Хемуль, поднимая конец лесы. — У меня такое ощущение, что нитка была слишком тонка.

— Иди купайся, — сказал Снорк, закрыв лапами лицо.

Хемуль хотел что-то ответить, но Снусмумрик вовремя толкнул его ногой. Воцарилось молчание. Затем фрёкен Снорк осторожно сказала:

— Может, попробуем ещё разок? Фалинь-то наверняка выдержит.

Снорк лишь презрительно фыркнул.

— А крючок? — немного погодя спросил он.

— Твой складной нож, — ответила фрёкен Снорк. — Если выпустить разом лезвие и штопор, отвёртку и шило, уж на что-нибудь он непременно подденется!

Снорк отнял лапы от лица и спросил:

— Ну допустим. А наживка?

— Оладья, — ответила сестра.

Снорк задумался. Все ждали затаив дыхание. Наконец он сказал:

— Да будет известно каждому: если только Мамелюк ест оладьи, охота продолжается!

Складной нож крепко-накрепко привязали к фалиню куском стальной проволоки, оказавшейся у Хемуля в кармане, на лезвие насадили оладью и нож бросили в море.

Охотничий азарт разбирал фрёкен Снорк не меньше других, и она даже попискивала от волнения.

— Ты вылитая Диана, — сказал Муми-тролль, любуясь ею.

— Кто это? — польщённая, спросила фрёкен Снорк.

— Богиня охоты! — сказал Муми-тролль. — Красивая, как деревянная королева, и умная, как ты.

— Гм!.. — отозвалась фрёкен Снорк.

В это мгновение «Приключение» сильно качнуло.

— Тссс! — произнёс Снорк. — Он клюёт!

Последовал ещё более резкий толчок, а за ним сильнейший рывок, от которого все попадали на стлани.

— Караул! — завопил Снифф. — Он нас всех слопаёт!

«Приключение» зарылось носом в волну, выровнялось и с бешеной скоростью понеслось в открытое море. Перед его носом, натянутый, как струна, уходил в воду фалинь, распуская по сторонам усы белой пены.

Оладья явно пришлась Мамелюку по вкусу.

— Тишина! — крикнул Снорк. — Тишина на борту! Каждый на своём посту!

— Только бы он не нырял! — крикнул Снусмумрик, забравшись на нос.

Но Мамелюк плыл прямо вперёд и уносил их всё дальше в море. Вскоре берег превратился в узенькую полоску на горизонте.

— Как по-вашему, надолго его хватит? — спросил Хемуль.

— В случае чего, обрежем верёвку, — сказал Снифф. — А не то за всё ответите вы!

— Ни за что не обрежем! — тряхнув чёлкой, воскликнула фрёкен Снорк.

Тут Мамелюк взмахнул в воздухе своим огромным хвостом, развернулся и направился к берегу.

— Теперь идём чуть помедленней! — объявил Муми-тролль, который стоял в корме на коленях, наблюдая кильватерную струю. — Он выдыхается!

Мамелюк и вправду приустал, зато не на шутку разозлился. Он дёргал трос и рыскал из стороны в сторону так, что «Приключение» валило на борт с риском для жизни его пассажиров.

Время от времени Мамелюк приостанавливался, подманивая их к себе, а потом припускал с такой силой, что волны перехлёстывали через нос.

Тут Снусмумрик достал свою губную гармошку и заиграл охотничью песню, а остальные принялись отбивать такт ногами, да так, что стлани заходили ходуном. И вот нá поди же! Мамелюк вдруг перевернулся и выставил из воды своё огромное брюхо.

Другого такого не было в целом свете.

С минуту все молча разглядывали рыбину, затем Снорк сказал:

— Поймал-таки я его!

— Да! — гордо сказала его сестра.

Мамелюка взяли на буксир и пошли к берегу. Тем временем дождь усилился. Хемуль вымок до нитки, шляпа Снусмумрика потеряла всякий вид.

— В гроте-то сейчас, должно быть, мокренько, — сказал Муми-тролль, сидевший на вёслах. Он заяб. — Да и мама, наверно, волнуется, — добавил он немного погодя.

— Ты хочешь сказать, мы вроде как можем прямо сейчас отправиться домой? — спросил Снифф.

— Ну да, и показать нашу рыбу, — сказал Снорк.

— Возвращаемся! — сказал Хемуль. — Всекие необыкновенности хороши, но только на время. Страшные истории, промокания, одиночество и всё такое прочее. Но, в конечном счёте, они не дают ощущения уюта.

Под Мамелюка подвели доски, и сообщая поволокли его по лесу. Развёрстая пасть рыбины была до того велика, что её зубы цепляли за ветки деревьев, а весу в ней было столько сот килограммов, что приходилось давать себе передышку на каждом повороте дороги. А дождь поливал всё пуще и пуще. Но, добравшись до Муми-дола, они не увидели своего дома за сплошной завесой дождя.

— Оставим его здесь на немножко, — предложил Снифф.

— Ни за что на свете! — горячо возразил Муми-тролль.

И они садом двинулись к дому. Внезапно Снорк остановился и сказал:

— Мы заблудились.

— Ерунда какая! — отозвался Муми-тролль. — Вот дровяной сарай, а вон там мост.

— Да, но где же сам дом? — спросил Снорк.

Странное, очень странное дело: Муми-дом исчез. Пропал начисто, це-

ликом. Они положили Мамелюка на золотой песок перед крыльцом. То есть, собственно говоря, крыльца-то тоже не было. Вместо него...

Но сперва надо объяснить, что произошло в Муми-доле за время охоты на Мамелюка.

Когда мы в последний раз упоминали про Муми-маму, она ушла спать в свою комнату. А перед этим она машинально скомкала губоцветные Хемуля и уронила комок в шляпу Волшебника. Ах, не следовало ей в этот раз прибираться!

Ибо, пока дом был погружён в послеобеденный сон, губоцветные принялись расти на волшебный лад. Мягко извиваясь, поднялись они из шляпы Волшебника и расплзлись по полу. Их побеги и усики стали ощупью взбираться по стенам, карабкаться по портьерам и шнуркам от вьюшек, пролезать во все щели, форточки и замочные скважины. С фантастической быстротой распускались во влажном воздухе цветы, созревали плоды. Огромные пучки листьев заполонили крыльцо, вьющиеся стебли оплели ножки стола, наподобие змеиных гнёзд свешивались с потолка. Растения с мягким шелестом заполняли дом; изредка слышался приглушённый хлопок — это распускался какой-нибудь гигантский цветок или падал на ковёр плод. Но Муми-мама решила, что всё это дождь, и, повернувшись на другой бок, спала себе и спала.

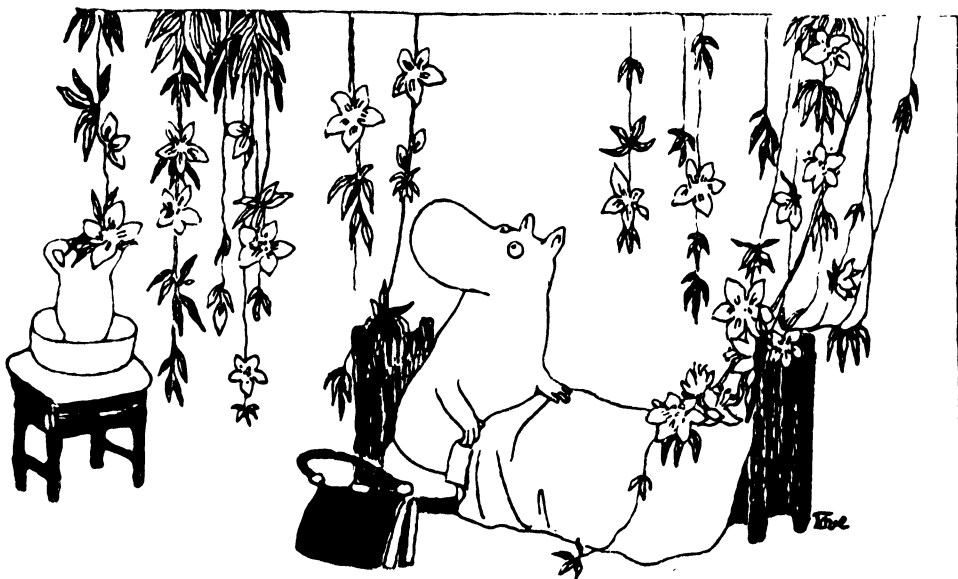
А в соседней комнате сидел Муми-папа и писал мемуары. С той поры как он построил причал для «Приключения», не произошло ничего интересного, что стоило бы поведать потомству, и он стал описывать своё детство. При этом он до того расчувствовался, что чуть не пустил слезу. Он с рождения был необыкновенным, одарённым ребёнком, которого никто не понимал. Но и подростки, он оставался непонятым, и ему во всех отношениях было так тяжело, так тяжело. Муми-папа писал и писал, представляя себе при этом, как все будут рассказывать, когда он прочтёт мемуары вслух. Это вновь привело его в весёлое расположение духа, так что он даже воскликнул:

— Так им и надо!

И в то же мгновение на его рукопись шмякнулась слива и сделала большущее синее пятно.

— Клянусь своим хвостом! — вскричал он. — Муми-тролль и Снифф снова дома!

И он обернулся с решимостью как следует начесать им холку. Но не тут-то было: его взгляд упёрся в буйные заросли каких-то кустарников, обсыпанных жёлтыми ягодами. Муми-папа так и подскочил на месте, и

тут уж на его письменный стол обрушился целый дождь синих слив. Весь потолок был наглухо заткан сплетением веток, они росли прямо на глазах и тянули свои зелёные руки к окну.

— Эй! — крикнул Муми-папа супруге. — Проснись! Поди сюда!

Муми-мама села в кровати и в глубоком изумлении обвела взглядом комнату, которая была полна мелких белых цветов. Они на тоненьких нитях свисали с потолка в виде изящных розеток.

— Ах, какая прелесть! — сказала Муми-мама. — Уж не Муми-тролль ли это устроил, чтобы порадовать меня?

И, осторожно раздвинув тонкую занавесь из цветов, она встала с кровати.

— Эй! — кричал за стеной Муми-папа. — Открой! Я не могу выйти!

Муми-мама попробовала отворить дверь, но тщетно. Дверь была безнадежно забаррикадирована мощными стеблями вьющихся растений. Тогда Муми-мама выбила стекло в двери на крыльцо и с величайшим трудом протиснулась в проём. Крыльцо сплошь заросло фиговыми деревьями, гостиная превратилась в дремучие джунгли.

— Охохонюшки! — сказала Муми-мама. — Разумеется, опять эта шляпа.

И она присела, обмахиваясь пальмовым листом.

Тут из зарослей папоротников, проросших в ванной, вынырнул Ондатр и жалобным голосом сказал:

— Вот! Теперь всем ясно, к чему приводит составление гербариев! Этот Хемуль никогда не внушал мне доверия!

Лианы проросли сквозь печную трубу, оплели крышу и окутали весь Муми-дом пышным зелёным ковром.

А на дворе под дождём стоял Муми-тролль и удивлённо озирался высокий зелёный холм, на котором прямо на глазах распускались цветы и созревали плоды, меняя цвет из зелёного в жёлтый, из жёлтого в красный.

— Дом был тут, это точно, — сказал Снифф.

— Он там, внутри, — мрачно произнёс Муми-тролль. — Теперь туда никому не войти, и никто оттуда не выйдет. Никогда-никогда.

Снусмумрик выступил вперёд и с интересом стал осматривать холм. Ни окон, ни дверей. Сплошной ковер дикой растительности. Снусмумрик ухватился за какой-то стебель и потянул. Стебель был упругий, словно резиновый, и не выдёргивался из земли! Как бы невзначай обвился он вокруг шляпы Снусмумрика и снял её.

— Опять колдовство, — сказал Снусмумрик. — В конце концов это начинает надоедать.

Тем временем Снифф бежал вокруг наглухо заросшей веранды.

— Подвальное окошко! — крикнул он. — Оно открыто!

Муми-тролль стремглав подлетел к отдушине и заглянул в неё.

— А ну, давай туда, живо! — решительно сказал он. — Ещё немножко — и оно тоже зарастёт!

Один за другим все спустились вниз, в черноту подвала.

— Ау! — крикнул Хемуль, лезший последним. — Я никак не пролезу!

— Ну так оставайся снаружи, караул Мамелюка, — отозвался Снорк. — Можешь включить в свой гербарий дом!

И, оставив бедного Хемуля мокнуть под дождём, они ощупью пробрались к лестнице в подпол.

— Нам повезло, — сказал Муми-тролль. — Крышка открыта. Вот видите, как хорошо иной раз быть распустёхой!

— Это я забыл закрыть, — поспешил вставить Снифф. — Так что вся честь принадлежит мне!

Они сразу же увидели замечательную картину: в развилке сука сидел Ондатр и ел груши.

— А где мама? — спросил Муми-тролль.

— Мама вырубает папу из кабинета, — горестно отвечал Ондатр. — Единое упование мне осталось — что рай ондатров спокойное местечко, ибо я уже не жилец.

Все прислушались. Мощные удары топора сотрясали листву. Раздался треск, за ним ликующий возглас. Муми-папа вышел на свободу!

— Мама! Папа! — закричал Муми-тролль, продираясь сквозь джунгли к входной двери. — Что вы тут без меня натворили?!

— Ах, золотко моё, — сказала Муми-мама. — Мы, наверно, опять оплошали со шляпой. Ну да идите же сюда! Я нашла в шкафу куст ежевики!

Это был исключительный день. Затеялась игра в девственный лес. Муми-тролль был Тарзаном, фрёкен Снорк была Джейн. Сниффу разрешили быть сыном Тарзана, а Снусмумрик взял на себя роль шимпанзе Шиты. Снорк ползал в подлеске с вставными челюстями из апельсиновых корок¹ и изображал врага вообще.

— Охохонюшки! — сказала Муми-мама. — Надо полагать, все наши гости чувствуют себя отлично.

— Надеюсь, что так, — отозвался Муми-папа. — Сделай милость, подбрось мне бананчик.

Веселье продолжалось до самого вечера. Никого не тревожило, что вход в погреб может зарости, и все думать забыли о бедняге Хемуле.

А он торчал на дворе в мокром платье, прилипавшем к ногам, и караулил Мамелюка. Время от времени он съедал яблочко или считал тычинки в каком-нибудь Цветке Джунглей, но больше вздыхал.

Дождь перестал, близились сумерки. И едва только зашло солнце, что-то случилось с зелёным холмом, заключившим в себя Муми-дом. Он стал увядать так же быстро, как вырос. Плоды сморщились и попадали на землю. Цветы поникли, а их листья свернулись трубочкой. Дом наполнился шорохом и потрескиванием. Хемуль глядел, глядел, потом подошёл и легонько потянул к себе ветку. Она была сухая, как трут, и сразу же отломилась. Тут Хемуля осенило. Он собрал огромную кучу хвороста, сходил в дровяной сарай за спичками — и на садовой дорожке запыхал костёр.

---

¹ Спроси у мамы: она знает, как они делаются! (Прим. автора.)

Весёлый и довольный, Хемуль подсел к огню и просушил своё платье. А немного погода его ещё раз осенило, и он с нехемульской силой затащил в огонь хвост Мамелюка: больше всего на свете Хемуль любил жареную рыбу.

Так вот и вышло, что когда Муми-семейство и его друзья проложили себе путь через веранду и распахнули дверь, их взорам предстал чрезвычайно довольный Хемуль, уже умявший одну седьмую Мамелюка.

— Ах негодник! — сказал Снорк. — Как же мне теперь взвесить мою рыбу?

— Взвесь меня да присчитай, — отвечал Хемуль, для которого этот день стал одним из самых счастливых дней в его жизни.

— А ну-ка, спалим весь этот девственный лес! — сказал Муми-папа.

Они вынесли из дому весь сушняк и сложили большущий костёр, какого ещё не видал Муми-дол. Мамелюка зажарили целиком на углях и съели всего без остатка, вплоть до кончика носа. Но ещё долго после этого среди обитателей Муми-дома разгорались споры о том, какой длины он был: от крыльца до дровяного сарая или только до кустов сирени.

ГЛАВА ШЕСТАЯ,

где в повествование с таинственным чемоданом входят Тофсла и Вифсла, преследуемые Моррой, а Снорк вершит правосудие

Как-то ранним утром в начале августа, на горе, примерно в том же месте, где Снифф нашёл шляпу Волшебника, появились два путника — Тофсла и Вифсла.

Они остановились на вершине и оглядели Муми-дол. Тофсла был в красной шапочке. Вифсла нёс большой чемодан. Они пришли издалека и очень устали. Внизу под ними из трубы Муми-дома, выглядывавшего из-за серебристых тополей и сливовых деревьев, курился утренний дымок.

— Дымсла, — сказал Вифсла.

— Что-то готовят, — кивнул Тофсла, и они начали спускаться в долину, переговариваясь между собой на удивительном языке, известном только тофслам и вифслам. И хотя их понимают не все, главное, лишь бы они понимали друг друга.

— Каксла по-твоему, к ним можно войтисла? — спросил Тофсла.

— Этосла смотря что и каксла, — сказал Вифсла. — Только не бойсла, если нас встреслят плохсла.

Они осторожно приблизились к дому и робко стали у крыльца.

— Ну как, постучимсла? — спросил Тофсла. — А вдругсла кто-нибудь выйдет и раскричитсла?

В эту минуту Муми-мама высунулась в окно и крикнула:

— Кофе готов!

Тофсла и Вифсла до того перепугались, что, не разбирая пути, бросились к подвальному окошку и шмыгнули в подпол, где хранилась картошка.

— Ой! — вздрогнула Муми-мама. — Это, верно, две крысы шмыгнули в подпол. Снифф, спустись к ним, дай им молока! — Тут её взгляд упал на чемодан, стоявший перед крыльцом. — Э, да они с багажом. Охотношки! Стало быть, у нас прибавится постояльцев.

И она отправилась искать Муми-папу, чтобы попросить его сделать ещё две кровати. Только совсем-совсем маленькие.

А Тофсла и Вифсла тем временем сидели, зарывшись в картошку, так что только глаза виднелись, и в великом страхе ожидали, что с ними будет.

— Таксла или инаксла тут готовят кофсла, — пробормотал Вифсла.

— Кто-то идётсла! — прошептал Тофсла. — Тихо сидисла!

Крышка в подпол со скрипом откинулась, и на верхней ступеньке лестницы показался Снифф с фонарём в одной лапе и блюдечком с молоком в другой.

— Эй! Кто вы такие? — спросил Снифф.

Тофсла и Вифсла только ещё глубже зарылись в картошку и крепко ухватились друг за дружку.

— Хотите молока? — спросил Снифф чутьочку громче.

— Онсла заманивает насла, — прошептал Вифсла.

— Если вы думаете, что я буду торчать тут весь день, вы ошибаетесь, — сердито сказал Снифф. — Какое безобразие! Либо дурость. Глупые старые крысы, не могли войти с парадного входа!

Тут уж Вифслу не на шутку забрало за живое, и он сказал:

— Самсла ты крысла!

— Эге, да они к тому же иностранцы, — сказал Снифф. — Пойду лучше позову Муми-маму.

Он захлопнул крышку в погреб и побежал на кухню.

— Ну как, понравилось им молоко? — спросила Муми-мама.

— Они говорят по-иностранному! — выпалил Снифф. — Кто их разберёт, о чём они болтают!

— А как это звучит? — спросил Муми-тролль.

Вместе с Хемулем они толкли кардамон для сладкого пирога.

— Самсла ты крысла! — отвечал Снифф.

— Ну и дела, — вздохнула Муми-мама. — Как же я узнаю, что́ они захотят на третье в свой день рождения и сколько подушек им надо под голову?

— А мы научимся их языку, — сказал Муми-тролль. — Нет ничего проще. ЕСТЬСЛА, ЧТОСЛА, ДРАТЬСЛА.

— Мне кажется, я их понял, — задумчиво произнёс Хемуль. — Похоже, они сказали Сниффу, что он старая облезлая крыса.

Снифф весь вспыхнул и вскинул голову.

— Ну так иди и толкуй с ними сам, если ты такой умный, — сказал он.

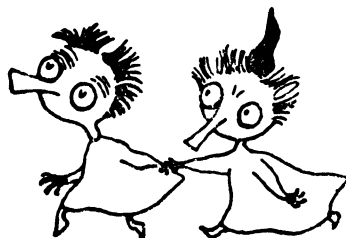
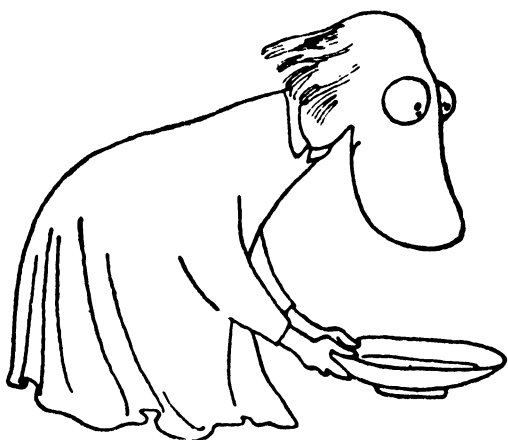
Хемуль подбежал маленькими шажками к крышке в подпол и приветливо крикнул:

— Добро пожаловатьсла!

Тофсла и Вифсла высунули головы из картошки и посмотрели на него.

— Молокосла! Вкусла! — продолжал Хемуль.

Тофсла и Вифсла поднялись из подпола в гостиную.

Снифф глянул на них и с удовлетворением отметил про себя, что они намного меньше его. От этого он сразу подобрел и снисходительно сказал:

- Привет! Рад вас видеть!
- Спасибо, вас тоже! — ответил Тофсла.
- Вы варите кофла? — спросил Вифсла.
- О чём это они? — поинтересовалась Муми-мама.
- Они проголодались, — перевёл Хемуль, — но продолжают держаться мнения, что внешность Сниффа оставляет желать лучшего.
- Передай им, — вскипел Снифф, — что я отродясь не видал таких свиномордий. Ну, я пошёл.
- Сниффсла обиделся, — сказал Хемуль. — Он глупсла!
- Ну так ради бога пойдёмте пить кофе, — сказала Муми-мама, начинающая нервничать, и провела Тофслу и Вифслу на веранду. Хемуль следовал за ними, страшно гордый своим новым званием переводчика.

Так Тофслу и Вифслу приняли в Муми-дом. Они ни перед кем не задирали носа и почти всё время бродили по долине рука об руку. Чемодан они повсюду таскали с собой. Но когда наступили сумерки, они забеспокоились, забегали по всем лестницам и в конце концов спрятались под ковёр.

- Что с вами? — спросил Хемуль.
- Морра идёт! — прошептал Вифсла.

— Морра? Кто это? — спросил Хемуль, и ему тоже стало немножко не по себе.

Тофсла вытаращил глаза, оскалил зубы и напыжился как только мог.

— Страслая и ужаслая! — сказал Вифсла. — Закрыслайте дверсли от Морры!

Хемуль прибежал к Муми-маме и сказал:

— Они говорят, что к нам явилась какая-то страшная, ужасная Морра. Мы должны запереть на ночь все двери!

— Но ведь у нас запирается только подпол, — озабоченно сказала Муми-мама. — С иностранцами, с ними всегда так. — И она пошла держать совет с Муми-папой.

— Надо вооружиться и загородить дверь мебелью, — сказал Муми-папа. — Такая ужасно большая Морра может быть опасна. Я установлю в гостиной сигнальный звонок, а Тофсла и Вифсла могут устроиться на ночь под моей кроватью.

Но Тофсла и Вифсла уже спрятались в ящик комода и ни за что не хотели вылезать оттуда.

Муми-папа покачал головой и пошёл в дровяной сарай за ружьём. На дворе уже было по-августовски темно, сад окутали бархатисто-чёрные тени. Мрачно шумело в лесу, мелькали со своими карманными фонариками светлячки. Страшновато было Муми-папе идти за ружьём. А вдруг эта самая Морра подстерегает тебя за кустом? А ты даже не знаешь, какая она из себя, и главное — какого она роста. Вернувшись на веранду, Муми-папа загородил дверь диваном и объявил:

— Свет будет гореть всю ночь! Каждый должен находиться в состоянии немедленной боевой готовности. Снусмумрик должен почевать дома.

Всё это было жутко интересно. Муми-папа щёлкнул по ящичку комода и сказал:

— Мы не дадим вас в обиду!

Ящик безмолвствовал. Муми-папа вытянул его, чтобы посмотреть, не похищены ли уже Тофсла и Вифсла. Но они мирно спали. Чемодан лежал с ними рядом.

— Пожалуй, нам тоже можно лечь спать, — сказал Муми-папа. — Только вооружитесь все до одного!

Не на шутку встревожась и болтая без умолку, все разошлись по своим комнатам, и мало-помалу в Муми-доме водворилась тишина. Только на столе в гостиной одиноко горела керосиновая лампа.

Часы пробили двенадцать. Потом час. В самом начале третьего Ондатру припала нужда прогуляться на двор. Он сонно прошлёпал на веранду и в величайшем изумлении остановился перед диваном, преградившим ему путь. «Это ещё что за выдумки!» — пробормотал Ондатр и решительно приступил к дивану. И, разумеется, тут сработал звонок тревожной сигнализации, который установил Муми-папа.

Дом в мгновение ока наполнился криками, выстрелами и топотом множества ног. Все ринулись в гостиную, вооружённые кто чем — топорами, ножницами, камнями, лопатами, ножами, граблями, — и в удивлении остановились перед Ондатром.

— Где Морра? — воскликнул Муми-тролль.

— Это я, — сердито отозвался Ондатр. — Мне надо выйти. Помню я о вашей глупой Морре!

— Ну так иди живей, — сказал Снорк. — И чтоб это было в последний раз, слышишь?

Он настежь распахнул дверь веранды, и тут все увидели Морру. Все-все. Она неподвижно сидела на садовой дорожке перед крыльцом и смотрела на них круглыми, без всякого выражения глазами.

Она была не особенно велика и не особенно грозна с виду. Она была лишь чудовищно омерзительна и, казалось, могла прождать так целую вечность.

В этом-то и заключался весь ужас.

Никто и не подумал напасть на неё. Она посидела ещё с минуту на месте, потом скользнула прочь во тьму сада. Земля, где она сидела, замёрзла.

Снорк захлопнул дверь и встряхнулся.

— Бедные Тофсла и Вифсла, — сказал он. — Хемуль, сходи посмотри, не проснулись ли они.

Они проснулись.

— Она ушла? — спросил Вифсла.

— Списла спокойсла, — сказал Хемуль.

Тофсла тихо вздохнул.

— Славсла богсла! — сказал он и, задвинув чемодан поглубже в ящик, снова заснул.

— Ну что, нам можно снова лечь? — спросила Муми-мама, отставляя в сторону топор.

— Ложись, — сказал Муми-тролль. — Мы со Снусмумриком покараулим вас до зари. Только сумку для верности спрячь, пожалуйста, под подушку.

Они сели вдвоём в гостиной и до самого утра резались в покер. А Морра в ту ночь больше не показывалась.

Наутро в кухню с озабоченным видом вошёл Хемуль и сказал:

— Я говорил с Тофслей и Вифслей.

— Ну, что там ещё? — со вздохом спросила Муми-мама.

— Всё дело в чемодане, это за ним охотится Морра, — ответил Хемуль.

— Экое чудовище! — воскликнула Муми-мама. — Отнять у малюток последние вещички!

— Так-то оно так, — сказал Хемуль. — Да вот есть осложняющее обстоятельство. Похоже, чемодан-то принадлежит Морре.

— Гм... — произнесла Муми-мама. — Обстоятельство и вправду отягчающее. Надо поговорить со Снорком, он такой мастер наводить во всём порядок.

Снорк живо заинтересовался.

— Случай чрезвычайный, — сказал он. — Созываем собрание. Явка в три часа, под сиреневыми кустами, будем решать вопрос.

Был чудесный тёплый день, полный душистого аромата цветов и гудения пчёл. Как нарядный букет, стоял сад в сочных красках позднего лета.

Между кустами натянули гамак Ондатра с объявлением: «Морра обвиняет». Спорк, в парике из древесной стружки, сидел на ящике и ждал.

Всякому было видно, что это судья. Прямо напротив, за перекладной, недвусмысленно изображавшей скамью подсудимых, сидели Тофсла и Вифсла и ели вишни.

— Прошу назначить меня обвинителем, — сказал Снифф. (Он никак не мог забыть, что Тофсла и Вифсла обозвали его старой, облезлой крысой.)

— В таком случае я буду их защищать, — сказал Хемуль.

— А я-то, а я-то! — воскликнула фрёкен Спорк.

— А ты будешь Голос народа, — сказал её брат. — Члены Муми-семьи будут свидетелями. Что касается Снусмумрика, то он может вести протокол судебного заседания. Только по всем правилам.

— Позвольте спросить, а почему нет защитника у Морры? — поинтересовался Снифф.

— В этом нет нужды, — сказал Спорк. — Морра права. Ну как вы там, все готовы? Начинаем.

И он трижды стукнул по ящику молотком.

— Тысла всё понимасла? — спросил Тофсла.

— Совсем ничегосла, — ответил Вифсла и плюнул в судью вишнёвой косточкой.

— Высказываться будете тогда, когда вас спросят, — сказал Снорк. — Отвечайте только «да» или «нет» — и ничего больше. Кому принадлежит вышеозначенный чемодан — вам или Морре?

— Дасла! — сказал Тофсла.

— Нетсла! — сказал Вифсла.

— Запиши: подсудимые противоречат друг другу! — воскликнул Снифф.

Снорк застучал по ящичку.

— Тихо! — крикнул он. — Спрашиваю в последний раз — чей это чемодан?

— Насла! — сказал Вифсла.

— Они говорят, что чемодан их, — перевёл Хемуль. — Утром они ут-верждали обратное.

— В таком случае не может быть и речи о том, чтобы отдать его Морре, — с облегчением произнёс Снорк. — Жаль только, все мои старания пошли впустую.

Тофсла потянулся к Хемулю и что-то шепнул ему на ухо.

— Вот что говорит Тофсла, — сказал Хемуль. — Только Содержимое чемодана принадлежит Морре.

— Ха! — сказал Снифф. — Так я и думал. Всё просто, как апельсин. Морре надо вернуть Содержимое, а эти свиномордии пусть остаются при своём тухлом чемодане.

— Ничего не просто! — дерзко крикнул Хемуль. — Вопрос не в том, кому принадлежит Содержимое, а в том, кто имеет на него больше прав. Всякой вещи — достойный хозяин! Вы все видели Морру, и я спрашиваю: может ли она при такой внешности иметь право на Содержимое чемодана?

— А ведь верно! — удивлённо согласился Снифф. — Ну и ловко же ты это подвёл! Но вы только представьте себе, какая она одинокая, эта Морра, никто её не любит, а она так всё любит. Может, Содержимое — это всё, что у неё есть! Так что же, отнять у неё всё? Одна-одинёшенька в ночи, — тут голос Сниффа задрожал, — обманутая, обобранная тофслами и вифслами...

Он всхлипнул и не мог продолжать.

Снорк заколотил по ящичку.

— Морра не нуждается в защите, — сказал он. — К тому же твоя аргументация — и Хемуля тоже — продиктована личным чувством. Слово свидетелям! Высказывайтесь!

— Мы ужасно любим Тофслу и Вифслу, — заявило Муми-семейство. — Морру мы невзлюбили с самого начала. Очень жаль, если придётся вернуть ей Содержимое.

— Закон есть закон, — внушительно произнёс Снорк. — Держитесь существа дела! Тем более, что Тофсла и Вифсла не видят разницы между законом и беззаконием. Такими они родились и не могут иначе. Что имеет сказать защитник?

Оказалось, что всё это время Ондатр спал в своём гамаке.

— Ладно, — сказал Снорк. — Адвокату явно безразлично, оправдают его подзащитных или нет. Все сказали, что хотели? Сейчас я оглашу приговор.

— Прошу прощения, — сказал Голос народа, — а нельзя ли узнать, из чего, собственно, состоит Содержимое?

Тофсла опять что-то шепнул Хемулю. Тот кивнул.

— Это секрет, — сказал он. — Для Тофслы и Вифслы Содержимое — самое прекрасное, что только есть на свете, а для Морры лишь самое драгоценное.

Снорк покивал головой и нахмурился.

— Трудный случай, — сказал он. — Тофсла и Вифсла рассуждают совершенно правильно, а поступают неправильно. А закон есть закон. Я должен подумать. А ну, примолкните!

Под кустами сирени водворилась глубокая тишина. Лишь пчёлы гудели, да сад пламенел на солнце.

По траве вдруг потянуло холодком. Солнце закрылось тучкой, сад посерел.

— Что это? — спросил Снусмумрик, подымая глаза от протокола.

— Опять она, — прошептала фрёкен Снорк.

На замёрзшей траве перед ними сидела Морра и таращилась на них в оба глаза.

Она медленно перевела взгляд на Тофслу и Вифслу, заворчала и стала подползать всё ближе.

— Караулсла! — заголосил Тофсла. — Спаслите насла!

— Стоп, Морра, — сказал Снорк. — Я хочу сказать тебе кое-что.

Морра остановилась.

— Я принял решение, — продолжал Снорк. — Не согласишься ли ты,

чтобы Тофсла и Вифсла выкупили Содержимое чемодана? Сколько ты за него просишь?

— Дорого! — ответила Морра ледяным голосом.

— Хватит тебе моей золотой горы на острове Хатифнаттов? — спросил Снорк.

Морра отрицательно покачала головой.

— Фу, как холодно стало, — сказала Муми-мама. — Схожу-ка я за своей шалью.

Она пробежала через сад, по которому растекалась стужа от следов Морры, поднялась на веранду, и тут ей пришла в голову счастливая мысль. Разгорячённая от волнения, сняла она с комода шляпу Волшебника. Лишь бы только Морра оценила её по достоинству! Вернувшись на место разбирательства, Муми-мама поставила шляпу на траву и сказала:

— Вот самая большая драгоценность во всём Муми-доле! Известно ли тебе, Морра, что вышло из этой шляпы? Чудесные управляемые тучки, фруктовый сок вместо воды и деревья с плодами. Это единственная волшебная шляпа на свете!

— Докажи! — насмешливо сказала Морра.

Муми-мама положила в шляпу несколько вишен. Наступило гробовое молчание.

— Лишь бы не получилась какая-нибудь гадость, — прошептал Снусмумрик на ухо Хемулю.

Но им повезло. Морра заглянула в шляпу и увидела в ней горсть алых рубинов.

— Ну, что я тебе говорила! — радостно сказала Муми-мама. — Подумай только, что может получиться, если положить туда, скажем, тыкву!

Морра посмотрела на шляпу. Посмотрела на Тофслу и Вифслу. Потом снова на шляпу. Видно было, что она думает изо всех сил.

Наконец Морра сгребла шляпу в охапку и, не сказав ни слова, ускользнула холодной серой тенью. Ни её, ни шляпы Волшебника в Муми-доле больше не видели.

Все краски разом потеплели, и гудящее пчёлами, напоённое ароматом цветов лето продолжало идти своим чередом.

— Слава богу, что мы избавились от шляпы, — сказала Муми-мама. — Наконец-то она сотворила доброе дело.

— А всё равно тучки — это было здорово, — сказал Снифф.

— И играть в Тарзана в девственном лесу — тоже, — печально вторил ему Муми-тролль.

— Как хорошосла всесла сошлосла! — радостно сказал Вифсла, берясь за чемодан, всё это время стоявший на скамье подсудимых.

— Феноменальсла! — ответил Тофсла и обнял Вифслу.

Они вместе пошли к дому, а остальные стояли и смотрели им вслед.

— Что они сказали? — спросил Снифф.

— Добрый день, примерно в этом роде, — ответил Хемуль.

ГЛАВА ПОСЛЕДНЯЯ,

очень длинная, в которой описывается, как Снусмумрик отправился странствовать и как стало известно Содержимое чемодана, как Муми-мама получила обратно свою сумку и на радостях закатила пир горой и, наконец, как в Муми-дол явился Волшебник

Стоял конец августа. Кричали по ночам совы, и летучие мыши большими чёрными стаями беззвучно кружили над садом. Лес был полон запаха гари, море беспокойно ворчалось. Вся природа дышала грустью и ожиданием, луна стала огромная и яркая. Муми-тролль, сам не зная почему, всегда особенно любил эти последние летние недели.

Голос ветра и моря звучал теперь иначе, воздух был полон предчувствием перемен, деревья словно чего-то ждали.

«Уж не готовится ли что-то необыкновенное? — думал Муми-тролль. Он давно уже проснулся и лежал просто так, глядя в потолок. — Похоже, ещё совсем рано, и день будет солнечный», — продолжал размышлять он.

Тут он повернул голову и увидел, что кровать Снусмумрика пуста.

В ту же минуту под окошком послышался тайный сигнал: один длинный свисток и два коротких, что означало: «Какие у тебя планы на сегодня?»

Муми-тролль вскочил с постели и выглянул в окошко. Сад ещё лежал в тени, было прохладно. Под окном стоял Снусмумрик и ждал.

— Пи-хо! — произнёс Муми-тролль тихонько, чтобы никого не разбудить, и спустился вниз по верёвочной лестнице.

— Привет, — сказал он.

— Привет, привет, — отозвался Снусмумрик.

Они сошли к реке и уселись на перила моста.

— Ты спрашиваешь о планах? — сказал Муми-тролль. — У тебя у самого-то есть какой-нибудь план?

— Да, — ответил Снусмумрик. — У меня есть план. Из тех, что предназначаются только для одного. Ну, ты понимаешь.

Муми-тролль посмотрел на него долгим взглядом и сказал:

— Ты хочешь уйти.

Снусмумрик кивнул.

Они сидели и молча болтали ногами над речкой. Она не останавливаясь бежала от них всё дальше и дальше, к неизвестным местам, куда неодолимо тянуло Снусмумрика и куда он хотел отправиться совсем один.

— Когда ты уходишь? — спросил Муми-тролль.

— Прямо сейчас! — сказал Снусмумрик, соскочил с перил и потянул носом утренний воздух. Хороший денёк для путешествия. Гребень горы алел в лучах солнца, и дорога, извиваясь, взбиралась на него и исчезала за перевалом. Там новая долина, а за ней новая гора...

— Ну что ж, — сказал Муми-тролль. — До свиданья.

— До свиданья, — сказал Снусмумрик.

Муми-тролль стоял на мосту и смотрел, как Снусмумрик становился всё меньше и меньше и наконец совсем затерялся среди серебристых тополей и сливовых деревьев. Затем побрёл к дому через мокрый от росы сад.

На крыльце он увидел Тофсла и Вифсла. Они сидели рядышком, греясь на солнце.

— С добрым утслом, — сказал Тофсла.

— С добрым утром, — ответил Муми-тролль; он уже научился понимать их язык (хотя говорил на нём ещё с трудом).

— Ты ревелсла? — спросил Вифсла.

— А! — только и ответил Муми-тролль. — Снусмумрик ушёл.

— Как жальсла! — сочувственно отозвался Тофсла. — Можсла, ты немножсла развеселисла, если чмоксла Тофсла в нослу.

Муми-тролль покладисто чмокнул Тофсла в нос, но веселее ему не стало.

Тогда Тофсла и Вифсла уткнулись друг в дружку лбами и о чём-то пошушукались. Затем Вифсла торжественно произнёс:

— Мы решисла показаться тебе Содержисла.

— Чемодана? — спросил Муми-тролль.

Тофсла и Вифсла с жаром закивали головами.

— Пойдём-пойдёмсла, — сказали они и нырнули под живую изгородь.

Муми-тролль прополз за ними в середину очень густого куста и ока-

зался в потайном местечке Тофслы и Вифслы. Земля здесь была устлана пухом, света почти не было. На рогожной подстилке стоял чемодан.

— Это подстилка фрёкен Снорк, — сказал Муми-тролль. — Она искала её вчера.

— Ну дасла, — сказал Вифсла. — Онасла не знасла, что мы её нашлисла!

— Гм! — произнёс Муми-тролль. — Так вы хотели показать мне, что в чемодане?

Тофсла и Вифсла радостно закивали, стали по обе стороны чемодана, с серьёзным видом просчитали: «Расла! Двасла! Трисла!» — и быстро отщёлкнули замок.

— Это надо же! — вырвалось у Муми-тролля.

Комнатка-тайник озарилась мягким красным светом. Перед ним лежал рубин величиной с голову пантеры, рдеющий как закат, живой как огонь и мерцанье водных зыбей.

— Нравитсла? — спросил Тофсла.

— Да, — чуть слышно отвечал Муми-тролль.

— Большсла не будешь реветьсла? — спросил Вифсла.

Муми-тролль только покачал головой.

Рубин был изменчив, как море. Он был то сплошной свет, и розовый отблеск реял над ним, совсем как над заснеженной вершиной при восходе солнца, то вдруг метал из своей глубины тёмно-красный пламень. А то вдруг делался как чёрный тюльпан с лучиками-тычинками.

Муми-тролль долго-долго стоял на месте. Время сделалось медленным, а его мысли большими-большими. Наконец он сказал:

— Это здорово. Можно мне когда-нибудь прийти ещё разок взглянуть на него?

Тофсла и Вифсла не отвечали.

Муми-тролль выбрался на дневной свет, и у него закружилась голова. Он присел на траву, чтобы собраться с мыслями.

«Это надо же! — думал он. — Я готов укусить себя за хвост, если это не тот самый Королевский рубин, который ищет Волшебник. Подумать только, что всё это время он лежал в чемодане у Тофслы и Вифслы!»

Он так глубоко задумался, что не заметил, как фрёкен Снорк прошла к нему через сад и присела рядом.

— А, это ты! — вздрогнув от неожиданности, сказал Муми-тролль.

Фрёкен Снорк улыбнулась.

— Ты видел мою новую причёску? — спросила она и повертела головой.

— Угу! — отвечал Муми-тролль.

— Ты думаешь о чём-то другом, — сказала фрёкен Снорк. — О чём?

— Цветик ты мой ясный, я не имею права тебе это сказать, — отвечал Муми-тролль. — Но что верно, то верно — на сердце у меня тяжело, потому что Снусмумрик покинул нас.

— Не может быть, — сказала фрёкен Снорк.

— Это так. Он попрощался только со мной. Не стал никого больше будить.

На крыльцо вышли Снифф и Снорк.

— Эй, вы, — сказала фрёкен Снорк. — Вам известно, что Снусмумрик отправился в путешествие на юг?

— Без меня! — возмущённо воскликнул Снифф.

— Человек должен иногда оставаться один, — сказал Муми-тролль. — Ты ещё слишком мал, чтобы понять это. Где все наши?

— Хемуль пошёл по грибы, — ответил Снорк. — Ондатр унёс в дом свой гамак, говорит, что по ночам теперь свежо. Кстати сказать, твоя мама сегодня в ужасном настроении!

— Сердита или в грустях? — спросил удивлённый Муми-тролль.

— Пожалуй, скорее, в грустях, — отвечал Снорк.

— Тогда я сию минуту к ней. Это просто чудовищно.

Муми-мама с несчастным видом сидела на диване.

— В чём дело? — спросил Муми-тролль.

— У меня беда, золотко моё, — отвечала мама. — Пропала моя сумка! А без неё я как без рук! Уж я искала, искала, но её нет как нет!

— Это жуть что такое, — сказал Муми-тролль. — Мы отыщем её!

Учинили грандиозные розыски. Уклонился один лишь Ондатр.

— Из всех бесполезных вещей дамские сумки самые бесполезные, — сказал он. — Посудите сами. Время идёт, и один день сменяет другой совершенно независимо от того, есть ли у Муми-мамы сумка или нет.

— Но ведь это же совсем другое дело! — возразил Муми-папа. — Я просто сам не свой оттого, что у моей супруги пропала сумка. Я никогда не видел её без сумки!

— Что в ней было? — спросил Снорк.

— Да ничего особенного, — отвечала Муми-мама. — Просто вещи, которые могут вдруг понадобиться. Ну, там, сухие чулки, карамельки, стальная проволока, порошки от желудка и всё такое прочее.

— Какое мы получим вознаграждение, если найдём её? — спросил Снифф.

— Всё, что угодно! — ответила Муми-мама. — Я устрою вам пир горой, обед будет только из третьего, можно будет не умываться и не ложиться вовремя спать!

Розыски продолжились с удвоенной силой. Обшарили весь дом. Заглядывали под ковры и кровати, в печь и в подпол, забирались на чердак и на крышу. Обыскали весь сад, дровяной сарай и берег реки. Сумки не было.

— Ты, случайно, не залезала с ней на деревья, не брала её с собой в море купаться? — спросил Снифф.

— Нет, — отвечала Муми-мама. — Ах, как я несчастна!

— Дадим объявление, — сказал Снорк.

Сказано — сделано. Тотчас вышла газета с двумя сенсационными новостями на первой полосе.

«СНУСМУМРИК ПОКИДАЕТ МУМИ-ДОЛ! — гласила первая. — Таинственный уход на рассвете!» И прифтом чуть покрупнее:

«ПРОПАЛА СУМКА МУМИ-МАМЫ! Никаких путеводных нитей! Розыски продолжаются. Неслыханное пиршество в вознаграждение за находку!»

Как только новость облетела долину, по всему лесу, на горах и на морском побережье поднялась страшная беготня. Даже последняя лесная крыса и та сочла небезвыгодным принять участие в поисках. Дома остались лишь старые да недужные, и вся долина огласилась криками и топотом ног.

— Охохонюшки, — сказала Муми-мама. — Ну и задала я всем гону!

Но в душе она была очень довольна.

— Чтосла все ищлют? — спросил Вифсла.

— Да мою сумку, что же ещё, — отвечала Муми-мама.

— Черслую? — спросил Тофсла. — С четырьмясла карманслами?

— Что ты сказал? — спросила Муми-мама, она была слишком расстроенна и не могла сосредоточиться.

— Черслую с четырьмясла карманслами? — повторил Тофсла.

— Да, да, — ответила Муми-мама. — Бегите поищите её, мои маленькие друзья!

— Ну, чтосла ты думасла? — спросил Вифсла, когда они вышли в сад.

— Не могусла видеть её в таком горесла, — отвечал Тофсла.

— Пожалуй, придётсла отдатсла, — со вздохом сказал Вифсла. — Хотя так хорошо бысло спать в её карманслах!

Они направились в своё потайное местечко, которое ещё никто не успел обыскать, и вытащили из-под розового куста сумку Муми-мамы.

Ровно в двенадцать Тофсла и Вифсла прошли через сад, волоча за собой сумку. Их тотчас заметил ястреб и разнёс весть по долине. Во все концы полетели телеграммы: «СУМКА МУМИ-МАМЫ НАЙДЕНА! Её нашли Тофсла и Вифсла! Трогательные сцены в Муми-доме!»

— Неужели правда?! — воскликнула Муми-мама. — Я не знаю как рада! Где же вы её нашли?

— В кустах, — отвечал Тофсла — В ней бысло так хорошо спатьсла...

Но в эту минуту в комнату ввалилась толпа поздравляющих, и Муми-маме так и не довелось узнать, что её сумка служила спальней Тофсле и Вифсле! (И, быть может, это даже к лучшему.)

Что до остального, то все только и думали о большом августовском пире. С приготовлениями надо было управиться до восхода луны. Даже Ондатр и тот проявил интерес к предстоящему торжеству.

— Вы должны поставить много столов, — сказал он. — Больших и маленьких. В самых неожиданных местах. Кто станет сидеть на месте во время большого пира? Пожалуй, суетни будет больше обычного. Вначале следует подавать на стол что получше, а чем угощать потом — не столь важно, ведь гости уже будут сыты. И не нагоняйте на них скуку всякими представлениями, песнями и так далее, пусть они сами и будут программой.

Выказав столь поразительную житейскую мудрость, Ондатр удалился в гамак читать книгу о Тщете Всего Сущего.

— Что мне надеть? — спросила фрёкен Снорк. — Голубое украшение из перьев или диадему с жемчужинами?

— Давай перья, — ответил Муми-тролль.

— Ладно! — сказала фрёкен Снорк и бросилась вон.

В дверях она столкнулась с братом, который нёс в охапке разноцветные бумажные фонарики.

— Осторожно! — сказал он. — Ты из них винегрет сделаешь! Убей бог, не пойму, для чего существуют на свете сёстры!

Он прошествовал в сад и стал развешивать фонарики на деревьях. А Хемуль тем временем закладывал в подходящих местах фейерверочные снаряды: звёздные дожди, огненные змеи, бенгальские вьюги, серебряные фонтаны и взрывающиеся ракеты.

— Я ужасно волнуюсь! — сказал Хемуль. — Может, бабахнуть штучку для пробы?

— При дневном свете ничего не увидишь, — сказал Муми-папа. — Если хочешь, возьми огненного змея и спали его в погребе.

Муми-папа стоял перед крыльцом и разводил пунш сиропом. Время от времени он пробовал свою стряпню на вкус. Выходило очень недурно.

— Одно плохо, — сказал Снифф. — У нас не будет музыки. Снусмумрик-то ушёл.

— Пустим приёмник через усилитель, — сказал Муми-папа. — Всё образуется! Второй бокал поднимем за Снусмумрика.

— А первый за кого? — с надеждой спросил Снифф.

— За Тофсла и Вифсла, разумеется, — ответил Муми-папа.

Тесто для оладий Муми-мама замесила в ванне, потому что не хватало горшков, а из погреба вынесла одиннадцать больших банок варенья. (Двенадцатая лопнула, когда Хемуль стал пускать в погребе огненных змеев, но большой беды в этом не было, так как Тофсла и Вифсла почти всё подлизали.)

— Подумслать тольксла! — сказал Тофсла. — Стольксла шумсла в нашу честьсла!

— Да, трудно понятьсла, — согласился Вифсла.

Тофсле и Вифсле отвели почётные места за самым большим столом.

Когда стемнело и можно было зажигать фонари, Хемуль ударил в гонг, что означало: приступаем!

Начало было очень торжественное.

Все нарядились в своё самое лучшее и чувствовали себя немножко стеснённо. Все здоровались, раскланивались друг с дружкой и без конца

повторяли: «Как хорошо, что нет дождя» и «Как хорошо, что сумка нашлась».

Никто не смел сесть первым за стол.

Муми-папа произнёс небольшую вступительную речь, в которой объяснил причину торжества и выразил благодарность Тофсле и Вифсле.

Потом Муми-папа заговорил о том, как коротко северное лето и что все должны повеселиться на славу, потом начал рассказывать о днях своей юности. Но тут Муми-мама выкатила тачку оладий, и её встретили громом рукоплесканий.

Все сразу почувствовали себя непринуждённое, и немного погода пиршество было в полном разгаре. Весь сад, да что там сад — вся долина была уставлена маленькими освещёнными столами. Вот, описывая величественную дугу, взмыла в беспредельную высь ракета и рассыпалась дождём белых звёзд, которые стали тихо-тихо опадать на долину. Все бумажки-таракашки усталились носами к звёздному дождю и закричали «ура». Ах, как чудесно это было!

А вот забил серебряный фонтан, вот замела над верхушками деревьев бенгальская выюга, и Муми-папа выкатил на садовую дорожку большую бочку с пуншем. Все бросились к нему с посудой, и Муми-папа каждому наполнил посудинку, будь то чашка или бокал, берестяной кубок или ракушка или свёрнутый фунтиком лист.

— За Тофслу и Вифслу! — провозгласил весь Муми-дол. — Ура! Ура! Ура!

— Урасла! — закричали Тофсла и Вифсла и чокнулись друг с дружкой.

Муми-папа вынес в сад приёмник и поймал танцевальную музыку из Америки. Вся долина разом пустилась в пляс, запрыгала, затопала, закружилась, затрепыхалась.

— Разрешите? — сказал Муми-тролль, склоняясь в поклоне перед фрёкен Снорк.

А когда он поднял глаза, он заметил над верхушками деревьев яркое зарево.

Это была августовская луна.

Огромная, как никогда, оранжево-жёлтая и ворсистая по краям, словно персик, она выкатилась из-за кромки леса и озарила своим таинственным сиянием Муми-дол, наполнив его светом и тенью.

— Между прочим, ночью на ней можно увидеть кратеры, — сказала фрёкен Снорк. — Погляди-ка!

— Там, должно быть, ужасно неудобно, — сказал Муми-тролль. — Бедный Волшебник, он всё ходит и ищет там наверху.

— Будь у нас хорошая подозрительная труба, мы бы, наверное, смогли его разглядеть, — сказала фрёкен Снорк.

— Да, — сказал Муми-тролль. — Ну, а теперь потанцуем!

И празднество продолжалось с удесятёрённой силой.

— Ты устала? — спросил Вифсла.

— Нетсла, — ответил Тофсла. — Я всё думасла. Всесла так к нам добрысла. Надо бы порадоваться их немножсла!

Они пошутукалились между собой, затрясли головами и ещё пошутукалились.

А потом забрались в своё потайное местечко. Когда они вышли оттуда, при них был чемодан.

Уж полночь прошла, как вдруг весь сад озарился розовым светом. Танцы приостановились: все решили, что это какой-то новый вид фейерверка. Но это просто Тофсла и Вифсла открыли свой чемодан. Король рубинов, сверкая, лежал на лужайке, прекрасный, как никогда. Все огни, фонари и даже сама Луна померкли, потеряли свой блеск. В благоговейном молчании пылающий самоцвет обступала всё более густая и многочисленная толпа.

— Уверена, что на свете нет ничего более прекрасного, — сказала Муми-мама.

А Снифф глубоко вздохнул и сказал:

— Ну и счастливы же эти Тофсла и Вифсла!

Король рубинов сверкал красным глазом на окутанной ночной тьмою Земле, и Волшебник на Луне заметил его. Он уже совсем было отказался от дальнейших поисков. Усталый и печальный, отдыхал он на краю кратера, а его чёрная пантера спала поодаль. Он сразу понял, что это сверкает красным там, на Земле. Самый большой рубин на свете, Король рубинов, который он проискал не одну сотню лет! Не спуская с Земли горящего взора, он вскочил, натянул перчатки и набросил на плечи плащ. Собранные в него драгоценные камни он попросту вытряхнул — ведь его интересовал один-единственный самоцвет, и он рассчитывал меньше чем через полчаса держать его в своих руках.

Пантера с хозяином на спине поднялась в воздух.

Быстрее света неслись они в мировом пространстве. Их путь с шипением пересекали метеоры, и звёздная пыль порошей оседала на его плаще.

А красный огонь под ними разгорался всё ярче. Волшебник взял путь прямо на Муми-дол, и вот уж пантера последним мягким прыжком приземлилась на гору.

А обитатели Муми-дола продолжали в безмолвном раздумье сидеть перед Королём рубинов. В его пламени им виделось всё самое прекрасное, смелое, и благородное, что они когда-либо представляли себе или переживали, и теперь им было в радость заново пережить всё это. Мумитроллю вспоминалась его ночная прогулка со Спусмумриком; фрёкен Снорк думала о своей блистательной победе над деревянной королевой. А Муми-маме казалось, что она снова лежит на прогретом солнцем песке и видит небо между качающимися головками морских гвоздик.

Все безраздельно отдались воспоминаниям, и вот почему все вздрогнули, когда из ночного мрака выскользнула маленькая белая мышь с красными глазами и подсемила к Королю рубинов. За ней выбежал чёрный кот и, вытянувшись, лёг на траву.

Насколько всем было известно, ни белой мыши, ни чёрного кота среди обитателей Муми-дола не значилось.

— Кис-кис-кис! — позвал Хемуль.

Но кот лишь сощурил глаза и даже не думал отвечать.

— Добрый вечер, сестрица! — сказала лесная крыса.

Белая мышь посмотрела на неё долгим, мрачным взглядом своих красных глаз.

Тут Муми-папа выступил вперёд с двумя бокалами и предложил вновь пришедшим пунша, но они не обратили на него ни малейшего внимания.

Долина притихла, словно предчувствуя недоброе, все удивлённо зашептались. Тофсла и Вифсла встревожились, спрятали рубин в чемодан и защёлкнули замок. Но только они хотели унести чемодан, белая мышь поднялась на задние лапы и начала расти.

Она выросла чуть ли не с Муми-дом и обернулась Волшебником в белых перчатках и с красными глазами. Кончив расти, он уселся на траву и устремил взгляд на Тофслу и Вифслу.

— Ступсла прочь, противсый стариксла! — сказал Вифсла.

— Где вы нашли Короля рубинов? — спросил Волшебник.

— Не твоё делсло! — ответил Тофсла.

Никто ещё не видел Тофслу и Вифслу такими бесстрашными.

— Я проискал его триста лет, — сказал Волшебник. — О нём и только о нём все мои помыслы.

— Наши тожсла! — сказал Вифсла.

— Ты не имеешь права отнимать у них рубин, — сказал Муми-тролль. — Он куплен в честном торге у Морры!

(О том, что рубин куплен за шляпу самого Волшебника, Муми-тролль умолчал. Впрочем, у того уже была новая.)

— Дайте мне чем-нибудь подкрепиться, — сказал Волшебник. — Мои нервы вот-вот сдадут.

Муми-мама тотчас выбежала вперёд с оладьями и вареньем и дала ему большую тарелку.

Пока Волшебник ел, все набрались духу и подошли поближе. Кто ест оладьи с вареньем, тот не может быть таким уж страшно опасным. С таким можно говорить.

— Вкусла? — спросил Тофсла.

— Да, спасибо, — отвечал Волшебник. — Последний раз я ел оладьи восемьдесят пять лет назад.

Всем сразу стало его жалко, и все подошли ещё ближе.

Поев, Волшебник вытер усы и сказал:

— Я не могу отнять у вас рубин. Купленное может быть только куплено снова или отдано. Не продадите ли вы мне его, скажем, за две алмазные горы и долину, полную разных драгоценных камней?

— Нетсла! — ответили Тофсла и Вифсла.

— И вы не хотите отдать его мне? — спросил Волшебник.

— Нетсла! — ответили Тофсла и Вифсла.

Волшебник вздохнул, посидел немного, задумчивый и удручённый, а потом сказал:

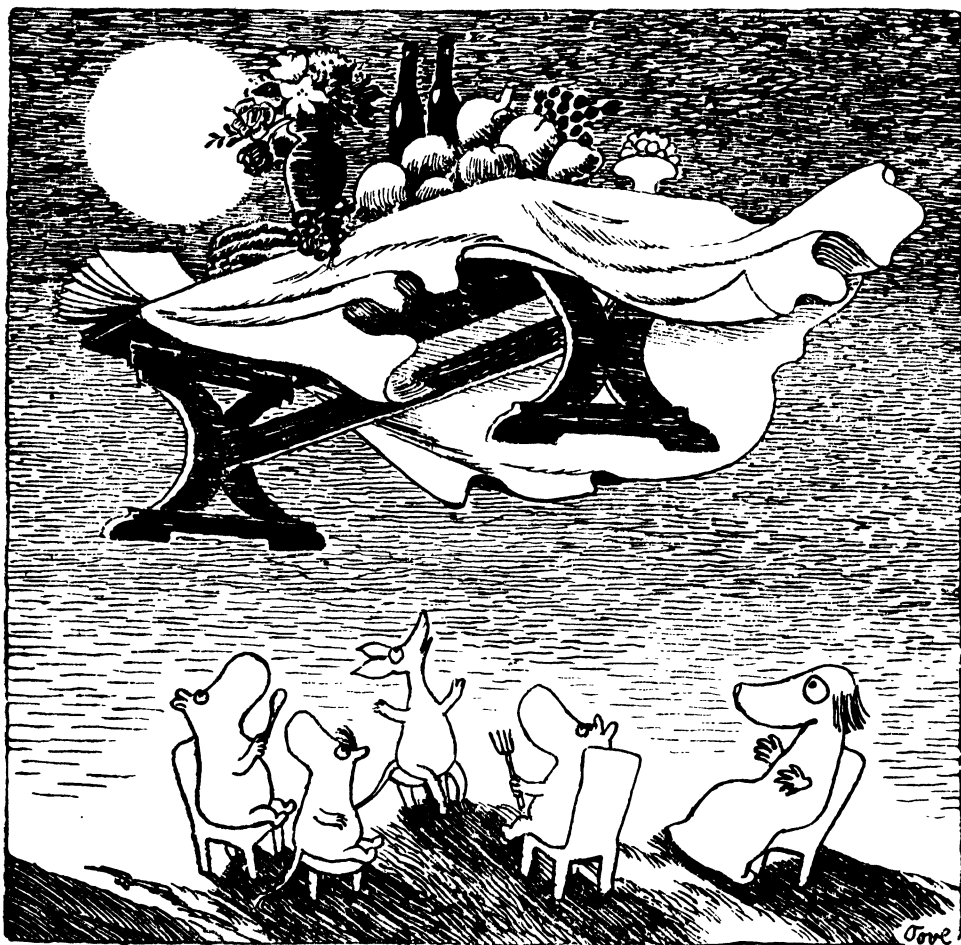
— Пусть празднество идёт своим чередом! А я вам немного поколдую. Каждому свой фокус! Пожалуйста, задумывайте! Члены Муми-семейства первые!

— Это должны быть вещи, которые видно, или мысли? — чуть помедлив, спросила Муми-мама. — Вы понимаете, что я хочу сказать?

— О да, — ответил Волшебник. — С вещами, конечно, проще, но и мысли тоже можно.

— Тогда мне очень хочется, чтобы Муми-тролль больше не тосковал по Снусмумрику, — сказала Муми-мама.

Волшебник взмахнул плащом, и печаль вмиг покинула сердце Муми-тролля. Тоска сменилась ожиданием, а ведь ожидать куда легче.

— Я тоже придумал! — воскликнул Муми-тролль. — Милый Волшебник, пусть весь этот стол, со всем, что на нём есть, улетит к Снусмумрику, где бы он сейчас ни был!

В то же мгновение стол взмыл между деревьями и поплыл на юг вместе с оладьями и вареньем, фруктами и цветами, пуншем и карамельками, а заодно и с книгой Ондатра, которую тот положил на уголок.

— Э-э! — запротестовал Ондатр. — Прошу немедленно отколдовать мне книгу обратно!

— Сделанного не воротишь! — сказал Волшебник. — Но вы получите новую книгу! Извольте!

— «О Нужности Всего Сущего», — прочёл Ондатр. — Но ведь это же совсем не та книга! В моей трактовалось о Тщете Всего Сущего.

Однако Волшебник только расхохотался.

— Теперь, кажется, моя очередь, — сказал Муми-папа. — До чего же трудно выбирать. Перебрал в уме массу вещей, но не смог придумать ничего мало-мальски стоящего. Оранжевую веселее построить самому. Ялик тоже. У меня всё есть!

— Но тебя никто не заставляет загадывать, — сказал Снифф. — Ты можешь отдать мне свою задумку, и я загадаю два раза!

— Так-то оно так, — сказал Муми-папа, — только раз уж имеешь возможность загадать, то...

— Не тяни волюнку, — сказала Муми-мама. — Загадай хотя бы приличный переплёт для своих мемуаров!

— Что же, это мысль! — радостно сказал Муми-папа, и все вскрикнули от восхищения, когда Волшебник вручил папе инкрустированный жемчужинами переплёт из золота и красного сафьяна.

— А теперь я! — крикнул Снифф. — Желая собственную лодку! Лодку, похожую на раковину, и с пурпурным парусом! И чтоб мачта была из розового дерева, а все уключины из изумрудов!

— Это немало, — дружелюбно сказал Волшебник и взмахнул плащом.

Все затаили дыхание, но лодка не появлялась.

— Не вышло? — разочарованно спросил Снифф.

— Очень даже вышло! — отвечал Волшебник. — Только, само собой, я поставил её на воду у побережья. Ты найдёшь её там завтра утром.

— И уключины из изумрудов? — спросил Снифф.

— Ну конечно. Четыре штуки, и одна запасная, — сказал Волшебник. — Следующий.

— Право, не знаю, — начал Хемуль. — Сказать по правде, я потерял лопату для выкапывания растений, которую одолжил у Снорка. Так что мне, безусловно, нужна новая лопата.

И он, как положено всякому благовоспитанному хемулю, сделал книксен¹, когда Волшебник вручил ему новую лопату.

— Вы не устали колдовать? — спросила фрёкен Снорк.

---

¹ Хемуль делает книксен потому, что кланяться в платье несколько нелепо. (Прим. автора.)

— Нет, всё это очень лёгкие задумки! — ответил Волшебник. — Так что же угодно маленькой фрёкен?

— Наверно, это будет дело потруднее, — ответила фрёкен Снорк. — Можно, я шепну вам на ухо?

Когда она кончила нащёптывать, Волшебник не без удивления спросил:

— Вы уверены, что вам это необходимо?

— Совершенно уверена! — выдохнула из себя фрёкен Снорк.

— Ну что ж! — сказал Волшебник. — Да будет так!

И в то же мгновение по толпе прошёл вздох изумления. Фрёкен Снорк совершенно преобразилась.

— Что ты с собой сделала? — взволнованно спросил Муми-тролль.

— Я задумала себе глаза деревянной королевы, — ответила фрёкен Снорк. — Ведь она казалась тебе такой красивой!

— Да, но... — начал несчастный Муми-тролль.

— Так, по-твоему, они не красивые? — спросила фрёкен Снорк и расплакалась.

— Ну, полноте, — сказал Волшебник. — Если вам разонравилось, ваш братец может пожелать, чтобы у сестры стали прежние глаза!

— Да, но я думал совсем о другом, — возразил Снорк. — Я не виноват, если у неё такие глупые желания!

— А что ты задумал? — спросил Волшебник.

— Вычислительную машину! — ответил Снорк. — Таковую, чтобы решала, что справедливо, а что несправедливо, что хорошо, а что дурно.

— Это слишком трудно, — сказал Волшебник, покачав головой. — С этим я не справлюсь.

— Тогда хотя бы пишущую машинку, — недовольно проворчал Снорк. — А сестрица и с новыми глазами хороша!

— Ну не так уж она хороша, — сказал Волшебник.

— Братец, миленький! — разревелась фрёкен Снорк, поглядев на себя в зеркало. — Пожелай мне обратно мои прежние маленькие глазки! Я выгляжу просто ужасно!

— Ладно уж, — великодушно сказал Снорк. — В интересах поддержания родовой чести можешь получить их обратно. Но надеюсь, этот случай обуздает твоё тщеславие.

Фрёкен Снорк снова посмотрела в зеркало и вскрикнула от восторга. Её прежние умильные глазки снова были на месте — только ресницы

стали чуточку длиннее. Сияя улыбкой, она заключила брата в объятия и сказала:

— Прелесть моя! Радость моя! Будет у тебя пишущая машинка, сделаю я тебе такой весенний подарок.

— Пусти! — смущённо произнёс Спорк. — Не лезь со своими нежностями. Я просто не мог видеть тебя в таком ужасном состоянии, только и всего.

— Ну что ж, из домочадцев остались только Тофсла и Вифсла, — сказал Волшебник. — На вас обоих только одна задумка, ведь вы нераздельная пара.

— А ты самсла себесла ничего не задумсла? — спросил Тофсла.

— Нет, не могу, — печально отвечал Волшебник, — я могу только желать за других, да ещё превращаться в разные вещи.

Тофсла и Вифсла посмотрели на него, потом уткнулись друг в дружку лбами и долго шушукались. Затем Вифсла торжественно произнёс:

— Мы решили пожелать за тебясла, потомусла ты такой добрасла. Мы хотимсла тебе такой же больслай и красливый рубинсла, как у насла!

Все только что видели, как Волшебник хохотал, но никто бы не мог подумать, что он может улыбаться.

Ну, а теперь всё его лицо просияло улыбкой. Он был так счастлив, что это было сразу видно и по его ушам, и по шляпе, и по башмакам! Не сказав ни слова, он взмахнул плащом, и вот нате! — сад вновь озарился розовым светом. На траве перед всеми лежал близнец Короля рубина — Королева рубинов.

— Ну, теперьсла ты совсем счастливсла! — сказал Тофсла.

— Ещё бы! — ответил Волшебник, бережно завёртывая в плащ сверкающий самоцвет.

— А теперь все букашки-таракашки и лесные крысы могут загадывать всё, что только угодно! Я всю ночь буду исполнять ваши желания, но до восхода солнца я должен быть дома.

Вот тут уж пошло празднество так празднество!

Перед Волшебником выстроилась длинная очередь жителей леса, которые пищали, смеялись, ворчали и гоготали. Всем хотелось что-нибудь загадать. Волшебник был в радужном расположении духа, и кто загадывал глупо, мог перезагадать. Танцы разгорелись с новой силой, в сад выкатили новые тачки с оладьями. Хемуль без передышки бабахал свои фейерверки, а Муми-папа вынес мемуары в роскошном переплёте и зачитывал вслух отрывки о своём детстве.

Никогда ещё в Муми-доле не пировали с таким размахом.

Ах, как сладко всё съесть, всё выпить, обо всём поговорить и до того наплясаться, что усталые ноги еле несут тебя домой в тихий предра-светный час — спать, спать!

Волшебник улетит на край света, а мышь заберётся под свою травя-ную кочку, но и тот и другой будут одинаково счастливы.

И, пожалуй, счастливей всех будет Муми-тролль, который вместе с мамой пойдёт домой через сад на рассвете, когда померкнет Луна и лист-ву всколыхнёт утренний ветерок с моря. В Муми-дол вступает прохлад-ная осень, и так надо потому, что без неё не бывает новой весны.

СОДЕРЖАНИЕ

Ян Экхольм. Тутта Карлссон Первая и единственная, Людвиг Четырнадцатый и др. Хитрая сказка. Со шведского пересказали Е. Грищенко и А. Максимова.	
Рисунки Б. Диодорова . . .	3
Турбьёрн Эгнер. Люди и разбойники из Кардамона. Весёлая сказка. Перевод с норвежского Т. Величко. Стихи перевёл Ю. Вронский. Рисунки Б. Диодорова	67
Туве Янссон. Шляпа Волшебника. Повесть-сказка. Перевод со шведского В. Смирнова.	
Рисунки автора	139

Д л и м л а д ш е г о в о з р а с т а
МУМИ-ТРОЛЛЬ,
ЛЮДВИГ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ
И СОВСЕМ ДРУГИЕ

Т р и с к а з к и

Ответственный редактор
Н. В. Шерешевская

Художественный редактор
А. Б. Сапрыгина

Технический редактор
Л. Н. Костикова

Корректор
А. Н. Грибсрман

Подписано к печати с готовых диапозитивов 27/1 1976 г.
Формат 70×90/16. Бум. офс. № 1. Печ. л. 15. Усл.
печ. л. 17,55. Уч.-изд. л. 15,46. Тираж 300 000 экз.
Заказ № 57. Цена 84 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство
«Детская литература». Москва, Центр, М. Черкасский
пер., 4

Калининский полиграфкомбинат детской литературы
им. 50-летия СССР Росглаволиграфпрома Госкомиздата
Совета Министров РСФСР. Калинин, проспект 50-летия
Октября, 46.

М90 Муми-тролль. Людвиг Четырнадцатый и совсем
другие. Три сказки. Второе издание. Пер. с норв.
и швед. Оформл. Б. Диодорова. М., «Дет. лит.»
1976.

239 с. с илл.

Сборник из трех сказочных повестей современных скандинавских
писателей: «Тутта Карлссон Первая и единственная, Людвиг Четырна-
дцатый и др.» шведского писателя Яна Экхольма, «Люди и разбойники из
Кардамона» норвежского поэта Турбьерна Эгнера и «Шляня Волшебника» фин-
ской писательницы Туве Инссон.

И (Сканд)

Ам Экхольм
Мутта Карлссон Первая
и единственная,
Людвиг Четырнадцатый
и др.

Турбёерн Эгнер
и люди
разбойники
из КАРДАМОНА.

Тюве Янссон
Шляпа
Волшебника.

